

Усыятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск № 6 Ноябрь 2009 г.

Номер выпущен при финансовой поддержке авторов публикуемых произведений.

Цена договорная.

Сегодня в номере:

1 – 150 лет со дня рождения А.П. Чехова. - стр. 1;
2 – А.П. Чехов: «ПАРИ», «Без заглавия» - проза. - стр. 2 – 3;
3 – Виолетта Никулина (г. Новокузнецк): «Забывшие имена» - о Борисе Шергине. - стр. 4;
4 – Борис Шергин: «Золотая сюрприза», «Шиш пошучивает у царя» - проза. - стр. 4 -5;
5 – Александр Катков (г. Кемерово): «Постою, помолчу, погрешу...» - стихи. - стр.6;
6 – Александр Кердан (г. Екатеринбург) – стихи. - стр.7;
7 – Любовь Никонова (г. Новокузнецк): «Под знаком праздника». - стр. 8 – 9;
8 – Аделья Мачкова (г. Новокузнецк) – стихи, проза. - стр. 10 – 12;
9 – Эдуард Горянец (г. Кемерово), Лина Яланская (Украина, г. Никополь) – стихи. - стр.13;
10 – Людмила Танкова (г. Новокузнецк): «Гули-гули», «Чистый поток параллельного мира», «Обнять светлое будущее...» - проза. - стр. 14 – 17;
11 – Дмитрий Семёнов (г. Новокузнецк): «Как пропадают люди...» - проза. - стр. 18 – 21;
12 – Даниил Посажеников (г. Новокузнецк): «Художник» - проза. - стр. 22;
13 – Дарья Акулова, Алина Буцких (г. Новокузнецк) – стихи. - стр. 23;
14 – Галина Монастырская, Евгения Абаза (г. Таштагол) – стихи. - стр. 24;
15 – Кирилл Сазанов, Ольга Ромашка (г. Таштагол) – стихи. - стр. 25;
16 – Роман Жук (г. Таштагол) – стихи. - стр. 26;
17 – Александр Барков, Иван Замятин (г. Таштагол) – стихи. - стр. 27;
18 – Владимир Дегтярёв, Сергей Казаков (г. Таштагол) – стихи. - стр. 28;
19 – Надежда Ермакова (г. Прокопьевск), Любовь Дидух (г. Лесосибирск Красноярского края), Виолетта Никулина (г. Новокузнецк), Елена Острых (г. Новокузнецк) – стихи. - стр.29;
20 – Татьяна Эмих-Басаргина (г. Новокузнецк): «Если бы мой дед встретил моего деда...» - проза. - стр.30;

21 – Евгений Тищенко (г. Прокопьевск): «Где ты появился на свет...», «Слушателям тишины» - проза. - стр.31;
22 – Николай Подсевалов (г. Киселёвск) – стихи. - стр.32 – 33;
23 – Ольга Токмакова (г. Рубцовск) – стихи. - стр. 33;
24 – Анатолий Гуляев (г. Прокопьевск): «Откуда ты росла, земля моя?», «Да разве ж сердце позабудет...» - проза. - стр.34 – 38;
25 – Пётр Дулебов (г. Новокузнецк), Эльвира Шелестовская (г. Прокопьевск) – стихи. - стр.39;
26 – «Нам Пушкин сказки подарил» - стихи и рисунки детей литературной студии «Фесковские литераторы», руководитель Л.А. Никонова (г. Новокузнецк). - стр.40 – 41;
27 – Валентина Лопатина (с. Верхкатунское, Алтайский край) – стихи. - стр.42;
28 – Александр Бабарыкин (г. Калтан): «Слабый пол?», «Малиновая история» - проза. - стр.43;
29 – Сергей Гурьянов (г. Новокузнецк): «Карающий молот» - проза - стр.44;
30 – Юрий Гамов (г. Новокузнецк) – стихи. - стр.45;
31 – Леонид Пепенин (г. Новокузнецк) – стихи. - стр.46;
32 – Сергей Грушанский (г. Киселёвск): «Словами взятыми из сердца...», заметки о жизни и творчестве Николая Мартина – проза. - стр.47 – 48;
33 – Николай Мартин: «Вот опять свершилось чудо» - стихи. - стр.49;
34 – Литературные встречи и стихи: Людмилы Лукьянцевой, Николая Нагорного, Натальи Палаткиной и Татьяны Цыганковой. - стр.50 – 51;
35 – Елена Тах (г. Новокузнецк): «В гостях у Хирона», глава из фантастической повести «Петля во времени». - стр.52 – 53;
36 – Николай Ничик (г. Новокузнецк): «Писака» - проза. - стр. 54;
37 – Владимир Неунывахин (г. Новокузнецк): «Умирая, он плакал» - проза;
Валерий Берсенева (г. Междуреченск): стихи;
Дмитрий Саукайнен (г. Новокузнецк): стихи. - стр. 55;
38 – Николай Скударнов (с. Лучшево), Петр Синицын (г. Прокопьевск): стихи. - стр. 56.

150 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 12-1286, выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г

Учредитель: 000 «Редакция литературно-художественной газеты-альманах «Усыятская россыпь».

Директор, гл. редактор: Гуляев А.Н, Т. 8-906-987-19-55.

Зам. гл. редактора: Головачёв О.В. Т, 8-960-935-17-51;

Над номером работали: Гуляев А.Н., Головачёв О.В., Танкова Л.А., Подсевалов Н.Б., Сазанов К.В.

Рисунки: Головачев О.В., Танкова Л.А.

Адрес редакции: 653 013, ГСП, Кемеровская область, г. Прокопьевск, ул. Алмазная, 56.

Телефон для связи: 8-913-327-82-98

Электронный адрес редакции: usiatrossip@yandex.ru

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: г. Киселёвск, ул. Унжакова, 14. Объём 14,0 п.л, Заказ № , Тираж 1000.

Редакция рукописи не рецензирует и не возвращает. Рукописи для публикаций принимаются в электронном виде. Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных объявлений.

«Литературно – художественную газету Альманах «Усыятская Россыпь» можно приобрести:

В торговых точках Кузбасспечати городов Прокопьевска и Киселёвска, газетных киосках аэропорта г. Новокузнецка и ж.д. вокзала г. Прокопьевска. Литературных объединениях: Новокузнецка (м.т: 8 913 327 82 98), Прокопьевска (м.т: 8 906 987 1955), Киселёвска (м.т: 8 950 267 0730), Белово(м.т: 8 950 274 7692), Междуреченска(м.т: 8 923 465 75 66), Осинники (м.т: 8 960 935 1751), Таштагол (м.т: 8 951 164 4199; 8 960 901 65 50).

За пределы Кемеровской области «Альманах...» может быть доставлен по каналам почтовой связи Р.Ф. при условии предоплаты рыночной стоимости запрашиваемого объёма печатной продукции и почтовых расходов на расчётный счёт редакции:

Р/с 4070 281 002 621 0102 548; ИНН/КПП 4223 04 4383/4223 01 001; ОГРН 106 4223 028572 от 27.12.2006 г.; БИК 045 004 641

Банк: Сибирский банк Сбербанка Р.Ф., г. Новосибирск.

Антон Павлович Чехов родился 29 января (по старому стилю - 17 января) 1860 года в Таганроге. Отец - купец третьей гильдии, владелец бакалейной лавки. Чехов с детства помогал отцу в лавке. 1868 - поступил в таганрогскую гимназию. 1876 - разорившийся отец уехал в Москву, за ним последовала семья. Оставшись один,

Чехов продолжал учиться, зарабатывая на жизнь репетиторством. 1879 - окончил гимназию, переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. 1884 - окончив университет и получив звание уездного врача, на протяжении всей жизни занимался врачебной практикой.

С 1879, еще студентом, под псевдонимами Антоша Чехонте, Антоша, Человек без селезенки, Брат моего брата и др. начал помещать

мелкие рассказы в юмористических изданиях: московских - «Будильник», «Зритель» и петербургских - «Стрелка», «Осколки», «Петербургская Газета», «Новое Время», «Северный вестник».

1884 - первый сборник рассказов «Сказки Мельпомены», 1886 - «Пестрые рассказы», 1887 - «В сумерках».

Чехов бросил свой прежний жанр небольших газетных очерков и стал сотрудником ежемесячных журналов («Северный Вестник», «Русская Мысль», позднее «Жизнь»).

1885-1887 - совершается переход Чехова от «мелкой» работы к «труду обдуманному» - начинается вторжение в «область серьезная».

В 1890 Чехов совершил поездку на Сахалин, позднее много путешествовал по Европе. 1892 - купил имение Мелихово, в 13 верстах от станции Лопasnya (ныне г. Чехов). Помогал ме-

стным крестьянам как врач, строил школы для крестьянских детей, выезжал в губернии, охваченные голодом (1892), работал участковым врачом во время эпидемии холеры (1892-1893), участвовал во всеобщей переписи населения (1897). 1896 - премьера пьесы «Чайка», потерпевшей провал на сцене петербургского Александринского театра. С 17 декабря 1898 «Чайка» с триумфом шла на сцене МХТ и стала эмблемой театра.

1898 - после смерти отца, а также в связи с ухудшением здоровья (туберкулез) переехал из Мелихова в Ялту, где построил дом. Здесь он встречался с Л.Н. Толстым, М. Горьким, И.А. Бунинным, А.И. Куприным, И.И. Левитаном. Последние годы постоянно жил в своей усадьбе под Ялтой, лишь изредка наезжая в Москву, где жена его, даровитая артистка Книппер, занимала одно из выдающихся

мест в известной группе московского «Литературно-художественного кружка» Станиславского.

1900 - при первых же выборах в Пушкинское отделение Академии Наук, Чехов был избран в число почетных академиков Петербургской АН по разряду изящной словесности.

1902 - вместе с В.Г. Короленко отказался от этого звания в знак протеста против отмены Николаем II избрания М. Горького почетным академиком.

1903 - последний раз был в Петербурге.

Умер Чехов 15 июля (по старому стилю - 2 июля) 1904, Баденвейлер, Германия. 9 июля 1904 тело писателя было доставлено с немецкого курорта в Москву на Николаевский (ныне Ленинградский) вокзал. Прощание состоялось в здании МХТ. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Антон ЧЕХОВ

Пари

Была темная, осенняя ночь. Старый банкир ходил у себя в кабинете из угла в угол и вспоминал, как пятнадцать лет тому назад, осенью, он давал вечер. На этом вечере было много умных людей и велись интересные разговоры. Между прочим, говорили о смертной казни. Гости, среди которых было немало ученых и журналистов, в большинстве относились к смертной казни отрицательно. Они находили этот способ наказания устаревшим, непригодным для христианских государств и безнравственным. По мнению некоторых из них, смертную казнь повсеместно следовало бы заменить пожизненным заключением.

- Я с вами не согласен, - сказал хозяин-банкир. - Я не пробовал ни смертной казни, ни пожизненного заключения, но если можно судить а priori то, по-моему, смертная казнь нравственнее и гуманнее заключения. Казнь убивает сразу, а пожизненное заключение медленно. Какой же палач человечнее? Тот ли, который убивает вас в несколько минут, или тот, который вытягивает из вас жизнь в продолжение многих лет?

- То и другое одинаково безнравственно, - заметил кто-то из гостей, - потому что имеет одну и ту же цель - отнятие жизни. Государство - не бог. Оно не имеет права отнимать то, чего не может вернуть, если захочет.

Среди гостей находился один юрист, молодой человек лет двадцати пяти. Когда спросили его мнения, он сказал:

- И смертная казнь, и пожизненное заключение одинаково безнравственны, но если бы мне предложили выбирать между казнью и пожизненным заключением, то, конечно, я выбрал бы второе. Жить как-нибудь лучше, чем никак.

Поднялся оживленный спор. Банкир, бывший тогда помоложе и нервнее, вдруг вышел из себя, ударил кулаком по столу и крикнул, обращаясь к молодому юристу:

- Неправда! Держу пари на два миллиона, что вы не высидите в каземате и пяти лет.

- Если это серьезно, - ответил ему юрист, - то держу пари, что высидю не пять, а пятнадцать.

- Пятнадцать? Идет! - крикнул банкир. - Господа, я ставлю два миллиона!

- Согласен! Вы ставите миллионы, а я свою свободу! - сказал юрист.

И это дикое, бессмысленное пари состоялось! Банкир, не знавший тогда счета своим миллионам, избалованный и легкомысленный, был в восторге от пари. За ужином он шутил над юристом и говорил:

- Образумьтесь, молодой человек, пока еще не поздно. Для меня два миллиона составляют пустяки, а вы рискуете потерять три-четыре лучших года вашей жизни. Говорю: три-четыре, потому что вы не высидите дольше. Не забывайте также, несчастный, что добровольное заточение гораздо тяжелее обязательного. Мысль, что каждую минуту вы имеете право выйти на свободу, отравит вам в каземате все ваше существование. Мне жаль вас!

И теперь банкир, шагая из угла в угол, вспоминал все это и спрашивал себя:

- К чему это пари? Какая польза от того, что юрист потерял пятнадцать лет жизни, а я брошу два миллиона? Может ли это доказать людям, что смертная казнь хуже или лучше пожизненного заключения? Нет и нет. Вздор и бессмыслица. С моей стороны то была прихоть сытого человека, а со стороны юриста - простая алчность к деньгам...

Далее вспоминал он о том, что произошло после описанного вечера. Решено было, что юрист будет отбывать свое заключение под строжайшим надзором в одном из флигелей,

построенных в саду банкира. Условились, что в продолжение пятнадцати лет он будет лишен права переступить порог флигеля, видеть живых людей, слышать человеческие голоса и получать письма и газеты. Ему разрешалось иметь музыкальный инструмент, читать книги, писать письма, пить вино и курить табак. С внешним миром, по условию, он мог сношаться не иначе, как молча, через маленькое окно, нарочно устроенное для этого. Все, что нужно, книги, ноты, вино и прочее, он мог получать по записке в каком угодно количестве, но только через окно. Договор предусматривал все подробности и мелочи, делавшие заключение строго одиночным, и обязывал юриста высидеть ровно пятнадцать лет, с 12-ти часов 14 ноября 1870г. и кончая 12-ю часами 14 ноября 1885г. Малейшая попытка со стороны юриста нарушить условия, хотя бы за две минуты до срока, освобождала банкира от обязанности платить ему два миллиона.

В первый год заключения юрист, насколько можно было судить по его коротким запискам, сильно страдал от одиночества и ску-

ки. Из его флигеля постоянно днем и ночью слышались звуки рояля! Он отказался от вина и табаку.

«Вино, - писал он, - возбуждает желания, а желания - первые враги узника; к тому же нет ничего скучнее, как пить хорошее вино и никого не видеть. А табак портит в его комнате воздух. В первый год юристу посылались книги преимущественно легкого содержания: романы с сложной любовной интригой, уголовные и фантастические рассказы, комедии и т.п.

Во второй год музыка уже смолкла во флигеле, и юрист требовал в своих записках только классиков. В пятый год снова послышалась музыка, и узник попросил вина. Те, которые наблюдали за ним в окошко, говорили, что весь этот год он только ел, пил и лежал на постели, часто зевал, сердито разговаривал сам с собою. Книг он не читал. Иногда по ночам он сидел писать, писал долго и под утро рзрывал на клочки все написанное. Слышали не раз, как он плакал.

Во второй половине шестого года узник усердно занялся изучением языков, философией и историей. Он жадно принялся за эти науки, так что банкир едва успевал выписывать для него книги. В продолжение четырех лет по его требованию было выписано около шестисот томов. В период этого увлечения банкир, между прочим, получил от своего узника такое письмо: «Дорогой мой тюремщик! Пишу вам эти строки на шести языках. Покажите их сведущим людям. Пусть прочтут. Если они не найдут ни одной ошибки, то, умоляю вас, прикажите выстрелить в саду из ружья. Выстрел этот скажет мне, что мои усилия не пропали даром. Гении всех веков и стран говорят на различных языках, но горит во всех их одно и то же пламя. О, если бы вы знали, какое неземное счастье испытывает теперь моя душа оттого, что я умею понимать их!» Желание узника было исполнено. Банкир приказал выстрелить в саду два раза.

Затем после десятого года юрист неподвижно сидел за столом и читал одно только евангелие. Банкиру казалось странным, что человек, одолевший в четыре года шестисот мудреных томов, потратил около года на чтение одной удобопонятной и не толстой книги. На смену евангелию пришли история религий и богословие.

Рисунок Олега ГОЛОВИЧА "ВА"

В последние два года заточения узник читал чрезвычайно много, без всякого разбора. То он занимался естественными науками, то требовал Байрона или Шекспира. Бывали у него такие записки, где он просил прислать ему в одно и то же время и химию, и медицинский учебник, и роман, и какой-нибудь философский или богословский трактат. Его чтение было похоже на то, как будто он плавал в море среди обломков корабля и, желая спасти себе жизнь, жадно хватался то за один обломок, то за другой!

II

Старик банкир вспоминал все это и думал: «Завтра в двенадцать часов он получает свободу. По условию, я должен буду уплатить ему два миллиона. Если я уплачу, то все погибло: я окончательно разорен...»

Пятнадцать лет тому назад он не знал счета своим миллионам, теперь же он болясь спросить себя, чего у него больше — денег или долгов? Азартная биржевая игра, рискованные спекуляции и горячность, от которой он не мог отрешиться даже в старости, мало-помалу привели в упадок его дела, и бесстрашный, самодеянный, гордый богач превратился в банкира средней руки, трепещущего при всяком повышении и понижении бумаг.

— Проклятое пари! — бормотал старик, в отчаянии хватая себя за голову. — Зачем этот человек не умер? Ему еще сорок лет. Он возьмет с меня последнее, женится, будет наслаждаться жизнью, играть на бирже, а я, как нищий, буду глядеть с завистью и каждый день слышать от него одну и ту же фразу: «Я обязан вам счастьем моей жизни, позвольте мне помочь вам!» Нет, это слишком! Единственное спасение от банкротства и позора — смерть этого человека!

Пробило три часа. Банкир прислушался: в доме все спали, и только слышно было, как за окнами шумели озябшие деревья. Стараясь не издавать ни звука, он достал из несгораемого шкафа ключ от двери, которая не отворялась в продолжение пятнадцати лет, надел пальто и вышел из дому.

В саду было темно и холодно. Шел дождь. Резкий сырой ветер с воем носился по всему саду и не давал покоя деревьям. Банкир напуганно зрел, но не видел ни земли, ни белых статуй, ни флигеля, ни деревьев. Подойдя к тому месту, где находился флигель, он два раза окликнул сторожа. Ответа не последовало. Очевидно, сторож укрылся от непогоды и теперь спал где-нибудь на кухне или в оранжерее.

«Если у меня хватит духа исполнить свое намерение, — подумал старик, — то подозрение, прежде всего, падет на сторожа».

Он нацупал в потемках ступени и дверь и вошел в переднюю флигеля, затем ощупью пробрался в небольшой коридор и зажег свечку. Тут не было ни души. Стояла чья-то кровать без постели, да темнела в углу чугунная печка. Печати на двери, ведущей в комнату узника, были целы.

Когда потухла свечка, старик, дрожа от волнения, заглянул в маленькое окно.

В комнате узника тускло горела свеча. Сам он сидел у стола. Видны были только его спина, волосы на голове да руки. На столе, на двух креслах и на ковре, возле стола, лежали раскрытые книги.

Прошло пять минут, и узник ни разу не шевельнулся. Пятнадцатилетнее заключение научило его сидеть неподвижно. Банкир постучал пальцем в окно, и узник не ответил на этот стук ни одним движением. Тогда банкир осторожно сорвал с двери печати и вложил ключ в замочную скважину. Заржавленный замок издал хриплый звук, и дверь скрипнула. Банкир ожидал, что тотчас же послышится крик удивления и шаги, но прошло минуты три, и за дверью было тихо по-прежнему. Он решился войти в комнату.

За столом неподвижно сидел человек, не похожий на обыкновенных людей. Это был скелет, обтянутый кожей, с длинными жесткими кудрями и с косматой бородой. Цвет лица у него был желтый, с землистым оттенком, щеки впалые, спина длинная и узкая, а рука, которою он поддерживал свою волосяную голову, была так тонка и худа, что на

нее было жутко смотреть. В волосах его уже серебрилась седина, и, глядя на старчески изможденное лицо, никто не поверил бы, что ему только сорок лет. Он спал... Перед его склоненною головой на столе лежал лист бумаги, на котором было что-то написано мелким почерком.

«Жалкий человек! — подумал банкир. — Спит и, вероятно, видит во сне миллионы! А стоит мне только взять этого полумертвеца, бросить его на постель, слегка придушить подушкой, и самая добросовестная экспертиза не найдет знаков насильственной смерти. Однако прочтем сначала, что он тут написал...»

Банкир взял со стола лист и прочел следующие:

«Завтра в двенадцать часов дня я получаю свободу и право общения с людьми. Но, прежде чем оставить эту комнату и увидеть солнце, я считаю нужным сказать вам несколько слов. По чистой совести и перед богом, который видит меня, заявляю вам, что я презираю и свободу, и жизнь, и здоровье, и все то, что в ваших книгах называется благами мира. Пятнадцать лет я внимательно изучал земную жизнь. Правда, я не видел земли и людей, но в ваших книгах я пил ароматное вино, пел песни, гонялся в лесах за оленями и дикими кабанями, любил женщин... Красавицы, воздушные, как облако, созданные волшебством ваших гениальных поэтов, посещали меня ночью и шептали мне чудные сказки, от которых пьянела моя голова. В ваших книгах я взбирался на вершины Эльбруса и Монблана и видел оттуда, как по утрам восходило солнце и как по вечерам заливало оно небо, океан и горные вершины багряным золотом; я видел оттуда, как надо мной, рассекая тучи, сверкали молнии; я видел зеленые леса, поля, реки, озера, города, слышал пение сирен и игру пастушеских свирелей, осязал крылья прекрасных дьяволов, прилетавших ко мне беседовать о боге... В ваших книгах я бросался в бездонные пропасти, творил чудеса, убивал, сжигал города, проповедовал новые религии, завоевывал целые царства... Ваши книги дали мне мудрость. Все то, что веками создавала неутомимая человеческая мысль, сдвинуто в моем черепе в небольшой ком. Я знаю, что я умнее всех вас».

И я презираю ваши книги, презираю все блага мира и мудрость. Все ничтожно, бренно, призрачно и обманчиво, как мираж. Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть содрет вас с лица земли наравне с подпольными мышами, а потомство ваше, история, бессмертие ваших гениев замерзнут или сгорят вместе с земным шаром.

Вы обезумели и идете не по той дороге. Ложь принимаете вы за правду и безобразие за красоту. Вы удивились бы, если бы вследствие каких-нибудь обстоятельств на яблонях и апельсиновых деревьях вместо плодов вдруг выросли лягушки и ящерицы или розы стали издавать запах вспотевшей лошади; так я удивляюсь вам, променявшим небо на землю. Я не хочу понимать вас.

Чтоб показать вам на деле презрение к тому, чем живете вы, я отказываюсь от двух миллионов, о которых я когда-то мечтал, как о рае, и которые теперь презираю. Чтобы лишиться права на них, я выйду отсюда за пять часов до условленного срока и таким образом нарушу договор...»

Прочитав это, банкир положил лист на стол, поцеловал странного человека в голову, заплакал и вышел из флигеля. Никогда в другое время, даже после сильных проигрышей на бирже, он не чувствовал такого презрения к самому себе, как теперь. Придя домой, он лег в постель, но волнение и слезы долго не давали ему уснуть...

На другой день утром прибежали бледные сторожа и сообщили ему, что они видели, как человек, живущий во флигеле, пролез через окно в сад, пошел к воротам, затем куда-то скрылся. Вместе со слугами банкир тотчас же отправился во флигель и удостоверил бегство своего узника. Чтобы не возбуждать лишних толков, он взял со стола лист с отречением и, вернувшись к себе, запер его в несгораемый шкаф.

Без заглавия

В V веке, как и теперь, каждое утро вставало солнце, и каждый вечер оно ложилось спать. Утром, когда с росой целовались первые лучи, земля оживала, воздух наполнялся звуками радости, восторга и надежды, а вечером та же земля затихала и тонула в суровых потемках. День походил на день, ночь на ночь. Изредка набегала туча, и сердито гремел гром, или падала с неба зазевавшаяся звезда, или пробегал бледный монах и рассказывал братии, что недалеко от монастыря он видел тигра — и только, а потом опять день походил на день, ночь на ночь.

Монахи работали и молились богу, а их настоятель-старик играл на органе, сочинял латинские стихи и писал ноты. Этот чудный старик обладал необычайным даром. Он играл на органе с таким искусством, что даже самые старые монахи, у которых к концу жизни притупился слух, не могли удержать слез, когда из его кельи доносились звуки органа. Когда он говорил о чем-нибудь, даже самом обыкновенном, например, о деревьях, зверях или о море, его нельзя было слушать без улыбки или без слез, и казалось, что в душе его звучали такие же струны, как и в органе. Если же он гневался или предавался сильной радости, или начинал говорить о чем-нибудь ужасном и великом, то страстное вдохновение овладевало им, на сверкающих глазах выступали слезы, лицо румянилось, голос гремел, как гром, и монахи, слушая его, чувствовали, как его вдохновение сковывало их души; в такие великолепные, чудные минуты власть его бывала безгранична, и если бы он приказал своим старцам броситься в море, то они все до одного с восторгом поспешили бы исполнить его волю.

Его музыка, голос и стихи, в которых он славил бога, небо и землю, были для монахов источником постоянной радости. Бывало так, что при однообразии жизни им прискучивали деревья, цветы, весна, осень, шум моря утомлял их слух, становилось неприятным пение птиц, но таланты старика настоятеля, подобно хлебу, нужны были каждый день.

Проходили десятки лет, и все день походил на день, ночь на ночь. Кроме диких птиц и зверей, около монастыря не показывалась ни одна душа. Ближайшее человеческое жилище находилось далеко, и, чтобы пробраться к нему от монастыря или от него в монастырь, нужно было пройти верст сто пустыней. Проходить пустыню решались только люди, которые презирали жизнь, отреклись от нее и шли в монастырь, как в могилу. Каково же поэтому было удивление монахов, когда и однажды ночью в их ворота постучался человек, который оказался горожанином и самым обыкновенным грешником, любящим жизнь. Прежде чем попросить у настоятеля благословения и помолиться, этот человек потребовал вина и есть. На вопрос, как он попал из города в пустыню, он отвечал длинной охотничьей историей: пошел на охоту, выпил лишнее и заблудился. На предложение поступить в монахи и спасти свою душу он ответил улыбкой и словами: «Я вам не товарищ».

Наевшись и напиившись, он оглядел монахов, которые прислуживали ему, покачал укоризненно головой и сказал:

— Ничего вы не делаете, монахи. Только и знаете, что едите да пьете. Разве так спасают душу? Подумайте: в то время как вы сидите тут в покое, едите, пьете и мечтаете о блаженстве, ваши ближние погибают и идут в ад. Поглядите-ка, что делается в городе! Одни умирают с голоду, другие, не зная, куда девать свое золото, топят себя в разврате и гибнут, как мухи, вязнущие в меду. Нет в людях ни веры, ни правды! Чье же дело спасать их? Чье дело проповедовать? Не мне ли, который от утра до вечера пьян? Разве смиренный дух, любящее сердце и веру бог дал вам на то, чтобы вы сидели здесь в четырех стенах и ничего не делали?

Пьяные слова горожанина были дерзки и неприлично странным образом подействовали на настоятеля. Старик переглянулся со своими монахами, поблудил и сказал:

— Братья, а ведь он правду говорит! В самом деле, бедные люди по неразумию и слабости гибнут в пороке и неверии, а мы не двигаемся с места, как будто нас это не касается. Отчего бы мне не дойти и не напомнить им о Христе, которого они забыли?

Слова горожанина увлекли старика; на другой же день он взял свою трость, простился с братией и отправился в город. И монахи остались без музыки, без его речей и стихов.

Проскучили они месяц, другой, а старик не возвращался. Наконец после третьего месяца послышался знакомый стук его трости. Монахи бросились к нему навстречу и осыпали его вопросами, но он, вместо того чтобы обрадоваться им, горько заплакал и не сказал ни одного слова. Монахи заметили: он сильно состарился и похудел; лицо его было утомлено и выражало глубокую скорбь, а когда он заплакал, то имел вид человека, которого оскорбили.

Монахи тоже заплакали и с участием стали расспрашивать, зачем он плачет, отчего лицо его так угрюмо, но он не сказал ни слова и заперся в своей келье. Семь дней сидел он у себя, ничего не ел, не пил, не играл на органе и плакал. На стук в его дверь и на просьбы монахов выйти и поделиться с ними своею печалью он отвечал глубоким молчанием.

Наконец он вышел. Собрав вокруг себя всех монахов, он с заплаканным лицом и с выражением скорби и негодования начал рассказывать о том, что было с ним в последние три месяца. Голос его был спокоен, и глаза улыбались, когда он описывал свой путь от монастыря до города. На пути, говорил он, ему пели птицы, журчали ручьи, и сладкие, молодые надежды волновали его душу; он шел и чувствовал себя солдатом, который идет па бой и уверен в победе; мечтая, он шел и слал стихи и гимны и не заметил, как кончился путь.

Но голос его дрогнул, глаза засверкали, и весь он распался гневом, когда стал говорить о городе и людях. Никогда в жизни он не видел, даже не дерзал вообразить себе то, что он встретил, войдя в город. Только тут, первый раз в жизни, на старости лет, он увидел и понял, как могуч дьявол, как прекрасне зло и как слабы, малодушны и ничтожны люди. По несчастной случайности, первое жилище, в которое он вошел, был дом разврата. С полсотни человек, имеющих много денег, ели и без меры пили вино. Опьяненные вином, они пели песни и смело говорили страшные, отвратительные слова, которых не решился сказать человек, боящийся бога; безгранично свободные, бодрые, счастливые, они не боялись ни бога, ни дьявола, ни смерти, а говорили и делали все, что хотели, и шли туда, куда гнала их похоть. А вино, чистое, как янтарь, подернутое золотыми искрами, вероятно, было нестерпимо сладко и пахуче, потому что каждый пивший блаженно улыбался и хотел еще пить. На улыбку человека оно отвечало тоже улыбкой и, когда его пили, радостно искрилось, точно знало, какую дьявольскую прелесть таит оно в своей сладости.

Старик, все больше распаляясь и плача от гнева, продолжал описывать то, что он видел. На столе, среди пировавших, говорил он, стояла полунагая блудница. Трудно представить себе и найти в природе что-нибудь более прекрасное и пленительное. Эта гадина, молодая, длинноногая, смуглая, с черными глазами и жирными губами, бесстыдная и наглая, оскалила свои белые, как снег, зубы и улыбалась, как будто хотела сказать: «Поглядите, какая я наглая, какая красивая!» Шелк и парча красивыми складками спускались с ее плеч, но красота не хотела прятаться под одеждой, а, как молодая зелень из весенней почвы, жадно пробивалась сквозь складки. Наглая женщина пила вино, пела песни и отдавалась всякому, кто только хотел.

Далее старик, гневно потрясая руками, описал конские ристалища, бой быков, театры, мастерские художники, где пищут и лепят ил глины нагих женщин. Говорил он вдохновенно, красиво и звучно, точно играл на невидимых струнах, а монахи, оцепеневшие, жадно внимали его речам и задыхались от восторга... Описав все прелести дьявола, красоту зла и пленительную грацию отвратительного женского тела, старик проклял дьявола, повернул назад и скрылся за своею дверью...

Когда он на другое утро вышел из кельи, в монастыре не оставалось ни одного монаха. Все они бежали в город.

Борис ШЕРГИН

(род. 16 июля 1896 года -
ум. 30 октября 1973 года).

По совету приехавшего в Архангельск П.И. Субботина, директора художественной школы-мастерской в Подмосковье, в 1913 году юноша поступает в Строгановское художественно-промышленное училище. Но, овладевая профессией художника, писатель не может преодолеть влечение к северному слову. Самобытный архангелогородец в Москве выступает на утренниках словесности, рассказывает сказки Двинской земли. Вскоре в свет выходит первая публикация автора. В газете «Архангельск» от 21 ноября 1915, № 260 появляется «Письмо из Москвы «Отходящая красота», подписанное инициалами Б.Ш. После окончания училища Шергин возвращается в родной город. Заведя кустарными мастерскими губернского совнархоза, он стремится помочь угасающим местным промыслам (всемирно известной холмогорской резьбе по кости) возродиться в былой славе, воскресить свой неповторимый стиль.

Словесная стихия, вдохновляющая художника, слилась с его профессиональными умениями. Три его книги будут впоследствии оформлены им собственноручно. Вся жизнь Бориса Викторовича будет посвящена искусству. Земляки, видя такую преданность «старине глубокой», станут привозить заветные бесценные «стогодовалые» книги с Севера и из Сибири в Москву, куда Шергин переезжает на жительство в 1922 году.

Виолетта НИКУЛИНА.

Предлагаем вашему вниманию произведения Бориса Шергина.

Золотая сюрприза

— Уточка моховая,
Где ты ночь ночевала?
— Там, на Ивановом болоте.
Немцы Ивана убили,
В белый мох огузили.
Шлипрошли скоморошки
По белому мху, по болотцу,
Выломали по пруточку,
Сделали по гудочку,
Тихонько в гудки заиграли,
Иванушкину жизнь рассказали,
Храброе сердце хвалили...

— Сидите, завезите гости. Не глядите на часы. Вечера не хватит — ночи прихватим. Не думайте, что я стара и устала. Умру, дак выплещусь. Вы пришли слушать про Ивана Широкого? Добро сдумали. Небо украшено звездами, наша земля таковых Иванов именами. И не Иваны свою силу затеяли — время так открывается.

Иван Широкий был русского житья человек. Шелковая борода, серебряная голова, сахарные уста. Он был выбран с трех пристаней наделять приезжающих рыбой, хлебом и вином. За прилавком стоит, будто всхоже солнышко. Поздравляет и здоровствует, кого с обновкой, кого с наступающим...

Иван был вдовец, и моя сестра, Марья, честна вдова баловница, против праздника набелится добела, нарумянится доала, ждет Ивана. Он прикатит с закусками, с гитарой: учинится плясанье, гулянье, топот ножный. Я ругаться, они смеяться: «Не тогда плясать, когда гроб станут тесать. Царь Давид плясал перед ковчегом!»

У Ивана от первой жены был сын Вася; в

городах учился, до большой науки доходил. Своим детищем Иван всенародно восхищался: «Сегодня Васенька письмо послал с довольным наставлением, скоро сам придет. Я ему все расскажу и обо всем спрошу.

Сын приедет в самую навигацию. Отец пароходы встречает, пароходы провожает...

Вася строгий был:
— Отец, вы не то стоите, чтобы в столешницу стаканчиком колотить.

— Сын, напрасно вы будете обременять мои понятия. Я сам скажу экспромту.

К нам ненастливые ветры, приносили ратные вести: прусская аспидка пивом опивалась, во хмелю похвалялась:

— Я сера липучая. У меня пушки скакучие и на ногах бегучие. Вы до смерти на меня будете работать, до гроба мое дело делать. Я ваш ум растлю.

И Красная Армия ответила просто и не спесиво:

— Ты к нам за своей смертью приехала. Вася Широкий ушел на войну добровольно, с товарищами.

Иван разум сына любит и хвалит:
— Пуцуй любодейцу тряхнут, выгонять хмелью из сучки.

Когда Вася пал храброй смертью, Иван горе свое на люди вынес. Сядет в народе, руками всплеснет и слезами залетается. Люди ему слезы отирают:

— Твой сын в невеликие свои годы исполнил лета многа. Не тот живет больше, кто живет дольше. Иван скажет:

— Верно! Сын обо мне промышлял. Слово тайное крайное мне припасал. Теперь я слышу его слово... Горе мне! Я летами призажив-

ши, годами призабравши, что я живу?.. Кисла шанга деревенская!

И пришла поравремечко, докатилась минуточка — сделали деревни выбор на Ивана, везти подарки на войну. Эта дорога Ивану под ноги попала, и он повеселел:

— Не до горя, когда дела вдвое. Теперь у меня много детей. Поплыть глядеть... Марья, не реви, не держи меня. Дай от полной души вздохнуть.

На отъезде неведомо как Иван вередил свои серебряные часы. Марья говорит:

— Обрадуй меня, прими от меня золотую сюрпризу, мои красного золота часики.

С войны Иван писал, бойцов похвалял: «Много доброхотов наших, а все одного моего сердца. Светло и статно промышляют воинским делом. Их ни дождь, ни снег не держит. Болотами идут, по неделе бахилы с ног не скидывают, Отечеству нашему радеют. На воинов глядя, и я молодею. Всего меня переновило, переполоскало».

Теперь до главного дела доходит.

Пришвартовался наш Иванушко к госпитали. У Корельских пристаней. Тут лежал сбинтован молодой начальник Марко Дудин. Днем товарищей на совет созовет и такто их щекотурит. А в ночи не спит, Ивана за руку держит, Иван ему сказку говорит. Будто сын и отец друг друга жалеют.

Гитлерова аспидка тогда разъехалась, широко щеки разинула. Наши перешли до времени за озеро. Молодой Марко уж на ноги попал. На него вся госпиталь опрокинулась. Беспомощных людей сряди и соблюди и за озеро их на пароме переведи. Марко на всякое дело сам кидался, сон и еду позабывал.

Иван Широкий с Марком рядом бегают, его на ходу, как собаку, кормит.

Марко по должности своей приказывает и Широкому сплечь за озеро. Широкий не послушался. Утаился на отводном дворе, и вести о Марковых скорых шагах принашивал еврейгостинник. Прежде госпитали тут гостиница стояла, и старобытному гостиннику поставили кроватку для его древней немощи. Никакими манами не мог его Дудин сманить за озеро. Старичонко бородой тряхнет да костью махнет:

— Я еще перину буду зашивать. Кто рад без перин то?

А у Дудина не то что часы — минуты считаются. Некогда стало гостинника нянчить, о Широком обыскивать. Дудин Ивана давно за озером числил.

Марко, скажем, вечером остатную койку на паром погрузил, к рассвету сам излазил, а в полночь враг налетел.

Мятежно было в ту ночь. Иван прибежал в госпиталь, гостинника добыл? Тот шепчет по тайности:

— Пятерых попавших людей замкнули в палате. Марко в том числе. На заре им будут языки тянуть — спрашивать.

Иван спросил:

— Тебето не потянут языка?

— Мне, Иване, за восемьдесят. Умру — и все тут.

— Дедко, ты разумеешь немецкую речь. Как бы мне докупиться до Марко?

— Караулит нашего Марка немецкий Тырк Обезьянин. Чем ты его купишь, Иване?

— Есть у меня золотая сюрприза — червонные часы и с цепочкой.

Гостинник привел Ивана к дежурному Тырку и, хотя через порог едва ноги перелома, вежливо справил челобитье и сказал:

— Господин начальник, этот купец желает преподнести вам золотую сюрпризу. Взамен просит отпустить одного незначительного человека.

И в те поры Иван показывает из своих рук золотые часы.

За перегородкой храпели другие немцы, и Тырк говорит осторожно:

— Можно. Имена и возраст арестантов еще не переписаны. Но я принял пять человек и должен сдать пять человек.

И тут дело преславно бывает. Иван говорит:

— Ежели надобно только пятичисленный комплект соблюсти, то возьмите меня в это число, а молодого человека Марко Дудина отпустите.

Тырк говорит:

— Давай часы.

А Иван часы в пазуху прячет.

— Возьмешь, когда дело справишь. Станешь силой отымать — я зареву, придется тебе с комрадами делиться. И еще ведай, немец: ни словом не заикнись Дудину, что его некто выменил. Немедля запри меня в сених, в чулане: я услышу, как Дудин победит. Ежели по его следу стрелишь или фехверку пустишь, или гаркнешь, не увидит часиков твоя немецкая фря!

Тырку Обезьянину лестно на себя одного схватить золотую сюрпризу. Он Ивана Широкого спрятал. Марко Дудина тихомолком отпустил со двора.

Отдал Иванушко немцу золотую сюрпризу, купил доброму человеку свободу, а себе, старику, горькую смерть.

Осенняя ночь скороталась. Стали Ивана вязать и ковать. Повели под допрос.

Рисунок Олега ГОЛОВУЧА "ВА"

Рыжий фашист спросил:

— Любопытствую знать: будешь ли к нам прихаживать и слова принашивать, что в Советских деется? Иван говорит:

— Любопытствую узнать про фашизм, где вы эту грязь покупаете.

— Я тебя муками утоплю! Выручки тебе из Москвы не будет.

— Будто вам из Москвы и писали, что выручки не будет. Столько волосов нет на ваших головах, сколько силы Красной Армии идет на нашу выручку. Будет Корела вашими головами рыб кормить.

Тогда прусская аспидка исполнилась гнева и, рыкнув, как лев, осуждает Ивана под расстрел. Небось, каково было страшно и тре-

петно, но Иван взял силу больше страха.

День ненастный дождевой тучей покрывается. Иванушко в последний путь снаряжается... Хлопнули ружья немецкие. Пал Иван честным лицом в белый мох. Того часу и снегу туча велика накрыла болото, и лежал снег три дня и три ночи.

Безвестно уснул Иван, а слава его полетела на золотых крыльях. Вся река Иванов разум похвалила. Он верховную добродетель исполнил: положил свою душу за друга.

О смертном и славном труде Ивана Широкого узнали в деревне от Марка. Изпод немецкого замка Дудин выбежал в лес. Шел горою и водою, набрал на своих. Искал Ивана и не нашел...

По зиме, по белому снегу, Красная Армия выдула фашистскую душину из Корелы. Марко Дудин стал обыскивать в народе про Ивана. Гостинник оказался жив, только после немецкого биванья трясся всем составом и временем говорил суматоху. Однако Иванову судьбину объяснил внятно.

Дудин от Ивановых рассказов знал нашу пристань и деревню. Приехал к нам весной по первому пароходу. Стривовал Иванов портрет, припал устами и заплакал:

— Отцом ли тебя назову? Но ты больше отца, добрый печальник жизни моей! Ужасается разум, и сердце трепещет, и слово молчит, похваливая твое великодушие.

Огненными слезами плакал Марко. Не в обычае ему были слезы. Но эти мужественные слезы уладили нашу горькую печаль...

...Утолила Марья свои причитанья и говорит:

— Коли Ивану так было годно, то и мне любо. Сердцуто жалко, а умом то я рада. Марко, вези меня в свою гошпиталь полы мыть.

Он отвечает:

— Будешь ты моей маменькой.

Шиш пошучивает у царя

Всех Шишовых дел в неделю не пересказать. Про Шиша говорить — голова заболит. Про Шиша уж и собаки лают. Здесь я от большого мало возьму, от многа немножко расскажу.

Ходил Шиш, сапоги топтал, версты мерил. Надоело по деревням шляться. В город справил. Чья слава лежит, а Шишова вперед бежит. Где Шиш, там народу табун.

Это увидал из окна амператор:

- Что за народ скопивши?

- Это парнишка один публику утешает-с.

- Не Шиш ли?

- Так точно-с.

- Позвать сюда!

Шиша привели. Царь сразу над ним начал сгогатывать:

- Ты в татку ле в матку, в кого ты экой? Шути-ко мне шутку позазвонисте. Выкради из-под меня да из-под моей супруги перину. Выполнить задание - произведу тебя в жандармерию и твой патрет - во все газеты.

Сплошаешь - в Сибири сгною!..

Только Шиш за двери - амператор своим караульщикам ружья выдал:

- Мы с Шишом Московским об заклад побились. Перину из-под меня придет воровать. Спальню нашу караульте день и ночь!

Шиш выбрал ночь потемнее и в щель дворцового забора стал охрану высматривать. Видит - дремлют под спальными окнами, вора ждут. Людей бы на ум, а Шиша на дело.

Он дунул на огороды, выдернул с гряды пугало, опять к тому же забору примостился, вызнал пугало кверху - и ну натряхивать...

Это караульщики и увидели:

- Ребята, не робей! Вор пришел! Через тын лезет...

- Рота-а, пли!!!

Шиш того сразу пугало удернул. Будто убил. А стража радехонька:

- Ну, ребята, мертвое тело оттуль завтра уберем. А теперь на боковую. Боле некого ждать.

Только они восвосяи утянулись, Шиш че-

рез забор да в поварню. Стряпки спят. На печи в горшке тесто подымается, пузырится. Шиш с этой опарой да в царскую спальню окном.

Царь с царицей на перине почивают. Царь истолста храпит, царица тихонько носом выводит...

Шиш на перышках подкрался да как ухнет им опару ту под бок...

Сам с подоконника - и в кусты...

Вот царица прохвятилась:

на-та???

Фрелины Машки, Дашки забежали, заискали.

Царя разбудили... Его и горе берет, и смех долит.

- Полковник! Запрягай коня, скачи к Шишу. Он меня в дураках оставил... Ох, в землю бы я лег да укрылся!..

Полковник на добра коня - да пулей в деревню, к Шишову дому. Не поспел наш Шишанушко вернуться. Начальство на дворе.

- О-о, тошнехонько! Вставай-ка ты, омморок!... Эво как обделался!

Меня-то всю умарал! - Нет, гангрена! Это ты настряпала!..

До третьих петухов содомили. Тут царица одумалась:

- Давай лучше выкинем перину-то на подоконник, на ветерок, а сами

соснем еще часиков восемь.

Только они музыку свою завели - захрапели, Шиш перину в охапку да со двора. На извозчика да домой.

Навстречу бабы-молочницы:

- Шиш, куда полетел?

- У нас дома не здорово! Таракан с печи свалился.

Царица рано вскочила:

- Что я, одичала - сплю! Министры перину увидят - по всей империи ославят... Ха!!! Где пери-

людей бы на ум, а Шиша на дело. Он в клеть, достал бабкин наряд: сарафан, жемчужную повязку, ленты - накрутился и - в горницы. Полковник там. Видит - девица заходит, личиком бела и с очей весела.

Шпорами брякнул:

- Вы... видно, сестра?

- Да... сестра Шишова...

Забыл полковник, зачем приехал. Около этой сестры похаживает, похотывает. Шиш думает - пронеси бог тучу мороком...

- Вы бы по лесу его, прохвоста, искали...

- Хе-хе-хе! Мне и тут приятно-с!

Шиш бутылку откупорил: «Напьется пьян - убежу...»

А тот охмелел, хуже стал припадать:

- Желая с вами немедленно законным браком.

О, куда от этого жениха деться?..

На шаг не отпускает. Сиди рядом. Стемнело.

Полковник велит постель стлать. Попал гвоздь под молот. Над другими Шиш шуточки шутит, а над собой их не любит.

Только у Шиша уверток - что в лесу поверток. Он давай руками сарафан ухлapyивать.

- О, живот схватило! О, беда! На минутку выпустите меня...

- Убежишь?

- Что вы, у нас рядом! Вы даже для верности подол в дверях зажмите.

Полковник выпустил эту невесту в сени, а подолешко в притвор. Сидит ждет.

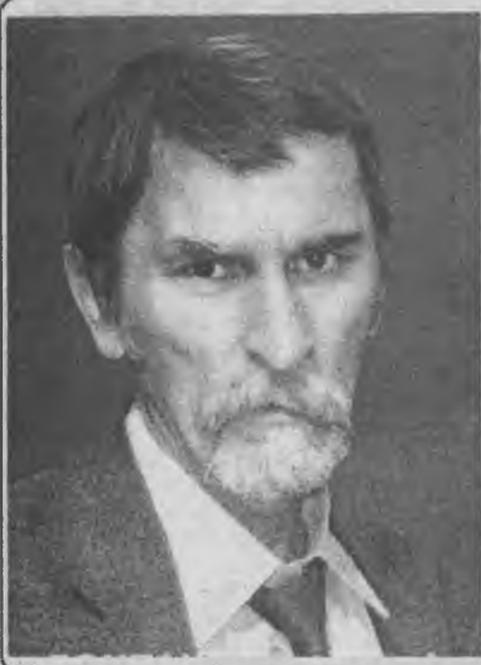
Шиш того разу из сарафана вывернулся да вместо себя козу и впряг в эти наряды. Сам шубенку на плечи, шапку на голову, котомку в руки - да и... поминай как звали.

Полковник слышит - коза у дверей топчется, думает - невеста:

- Милочка, ты что долго?

- Б-э-э-э!

...Двери размахнул, а в избу коза в сарафане. Полковник через нее кубарем - да на коня, да в город. Потом год на теплых водах от родимца лечился.

Александр КАТКОВ

Родился 27 июня 1950 года в казачьем хуторе Зайцево Ставропольского края. Учился в Пятигорском институте иностранных языков. Продолжил учебу в университете имени Карла Маркса в городе Лейпциге (Германия), защитил дипломную работу на факультете германистики. Служил в ракетных войсках в Прибалтике (г. Таураге). Работал переводчиком. Преподавал немецкий язык в вузах города Кемерово. Автор поэтических книг «Синие ставни», «Чаша», «Ветер славянства», «Путь на Итаку». Член Союза писателей России с 1992 года.

Фотограф Беллы Крюковой.

«У обочины разговора Постою, помолчу, погрущу...»

« Берусь поутру
звать Русь
к топору! »
А. Вознесенский

Это я снова там,
где роса у крыльца,
Где шершавую пяткой
ступенек коснулся.
Ах, как жарок июнь,
эта жизнь без конца,
Я еще до сих пор
на земле не проснулся.
День такой впереди!
Сенокос и река,
И озябшие губы
от кринки с протоки.
Даль моя с косогора так высока,
Жаворонок мой в небе
тоже высокий!
И под вечер в деревню
пойдут мужики,
Да в рубахах своих
с просыхающей соляю.
Как под небом у них
свои души легки
На покосе июльском,
духмяном, привольном!

А потом по дворам,
до вечерней поры,
Как и в прошлую пятницу,
снова и снова

«Тюк - да тюк»
над полешками топоры -
Это значит, что снова
баньки готовы.
Ничего, это нам уже стало с руки
Привыкать, чтобы снова
среди мора и глада
Наши русичи,
ратники, мужики
Нашу родину справно наладят.

Проживаем в годы позора,
Выживаем и мерзнем во мгле
Средь разрухи,
раздора,
разора,
Средь бутылок на нищем столе.

Все-то кажется -
где же надега
На Россию,
на нас,
на меня?

И откуда прискачет подмога,
Стременами надежды звеня?

Ах, как матушка приболела!
Вкривь и вкось дороги ушли
От ее болезного тела,
От бессмертной ее души...

Что ж, поплачем.
А дальше?
А дальше?

Как надеяться я хочу:
Наши дети:
Иванушки, Даши
На ветру не погасят свечу.

Бывает миг, когда печально
Припомнишь женщину одну,
Как будто лето с иван-чаем
Тебе поставили в вину.

Она, конечно, понимала,
Что ты уедешь навсегда,
И потому так обнимала
Тебя, беспутного, когда

Июнь в оранжевой рубашке
Ее обманывал в лугах,
И поцелуи, как ромашки
Цвели беспечно на губах.

Немой - не расскажет,
глухой - не услышит,
И зрячий, ослепший
на самом краю, -
Никто не поведает нам
о Всевышнем,
Который задался
в аду и в раю.

Как хочется нам
убежать от расплаты
И пасть на колени
пред ликом Его,

Да, я виноват,
да, мы все виноваты,
А, впрочем, не должен
никто ничего -
Ни этой поруганной нами отчизне,
Ни слезке из детских
распахнутых глаз.
Но ты привыкай там, Всевышний,
на тризне

Еще мы увидим друг друга не раз.

Памяти мамы

Единственный на всей планете
Я ехал маму хоронить.
И в призрачном прощальном свете
Дрожала тоненькая нить.

Под толщей черной снеговой,
В продутом тамбуре насквозь,
Хотел застать ее живою,
Испить родник прощальных слез.

Сибирью, а потом Уралом
Мчал поезд, рельсами звеня,
Туда, где мама умирала,
Напрасно ждущая меня.

Она застыла, успокоясь...
Ты, Боже, все поведай ей -
Про опоздавший этот поезд,
О горькой памяти моей.

Здесь, не смирившийся с утратой,
Харон готовит свой извоз
Туда, где я лицо упрятал
В подушку, мокрую от слез.

Глеба Агеева недоубили.
Смотрит мальчонка с телеэкрана.
Как эти нелюди не догубили!
Вот она - наша смертельная рана.

Я не могу уже больше смотреть
Дважды и трижды
в бесовскость экрана.

Как обошла его страшная смерть
От равнодушия и обмана?

Что ж ты отводишь
взгляд свой, поэт,
Кто за мальчонку
однажды ответит?

И неужель справедливости нет
В этом извечно
неправедном свете?

Но получается - в срамных годах
Средь воспеванья ромашек,
березок
Это такая недетская слезка
Нам не зачтется уже никогда?

Значит, замрешь
на сиротском крыльце,
Средь болтовни и всеми забытый
Глебушка,
мальчик недоубитый
С кровоподтеками на лице.

Моим товарищам
Поэты уходят.
Гудят сквозняки.
Темно на дворе
и повыбиты стекла,
И главной уже
не хватает строки,
Где жизнь под дождем
и слезами промокла.

А кажется, только что
рядом ходил,
Вино распивал,
балагурил беспечно,
И вновь это он,
так прекрасен и мил
На остановке
заходит конечной.
Но скоро зима и грянут холода,

И мы, холодея всей кровью,
до дрожи,
За толщею снега уже никогда
Его различить
напоследок не сможем.

Фотограф Беллы Крюковой.

Александр КЕРДАН

С поэтом и прозаиком Александром Керданом мы познакомились на праздновании юбилея Василия Макаровича Шукшина. Выступление Александра Борисовича было интересным и своеобразным, и нам захотелось поближе познакомиться с его творчеством. Александр Борисович любезно предоставил для публикации несколько своих стихов, остальные мы взяли с сайта «Журнальный зал».

Александр Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области в семье служащих. После окончания Курганского высшего военно-политического авиационного училища 27 лет прослужил в Вооруженных Силах России на различных должностях. Окончил педагогический факультет военно-политической академии и адъюнктуру Военного университета в Москве.

Кандидат философских наук (1996). Автор 2 монографий и 30 научных статей. В 2007 году в Московском государственном университете культуры и искусств защитил докторскую диссертацию по культурологии.

Литературным творчеством Кердан начал заниматься со школьной скамьи. Первая стихотворная публикация состоялась в 1975 году в Коркинской городской газете. В дальнейшем стихи, переводы и проза Александра публиковались в журналах: «Аврора», «Уральский следопыт», «Урал», «Сибирские огни», «Воин России», «Наш современник», в «Роман-газете XXI век», в роман-газете для детей «Путеводная звезда», в альманахах: «Истоки», «Эринтур», «Врата Сибири», «Чаша круговая», в газетах: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Российский писатель», во многих коллективных сборниках.

Стихи и проза Александра Борисовича переведены на английский, итальянский, грузинский, хантыйский, коми и азербайджанский языки и опубликованы в Канаде, в Италии и в Азербайджане. Главы его исторического романа «Берег отдаленный» опубликованы в США в еженедельной газете «Русская Америка» (Нью-Йорк). По итогам публикации, Кердан признан «Лучшим автором года» и награжден почетным дипломом этого еженедельника.

Он – автор 30 книг стихов и прозы, вышедших в Москве и на Урале. С 1993 года – член Союза писателей России (СПР). С 1996 года заместитель председателя правления Екатеринбургской организации СПР. С 2000 года – координатор Ассоциации писателей Урала, а в 2004 году избран секретарем Правления Союза писателей России.

Творческая и общественная деятельность Кердана отмечена многими наградами и премиями: Почетными грамотами и Почетными знаками ЦК ВЛКСМ (1978, 1984, 1987), ценными подарками Министра Обороны СССР (1988, 1990), грамотами: Союза писателей России (2002), Губернатора Челябинской области (2007), Главы г. Коркино (1994). Кердан – лауреат II Всероссийского конкурса патриотической песни «Пою мое Отечество» (2003), лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» (2001), лауреат Всероссийской литературной премии имени Генералиссимуса А. В. Суворова (2006), Всероссийской литературной премии имени А. С. Грина (2007), лауреат премии Губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства (2004), лауреат региональных литературных премий имени П. П. Бажова (2000), «Урал промышленный, Урал полярный» (2007) и екатеринбургских городских премий: имени Г. В. де Геннина и В. Н. Татищева (1999) и «Чаша круговая» (2006).

Александр Борисович награжден шестнадцатью медалями, получил Почетное звание – заслуженный работник культуры Российской Федерации, избран почетным профессором Уральского института бизнеса, ему присвоено звание «Почетный гражданин города Коркино». Награжден Орденом Дружбы (2009).

Баллада о бумажном листке

Ходила бумага по разным столам,
Кой-где на постой становилась...
Случалось, что рвали её пополам,
Когда попадала в немилость.

И вдруг обрела окончательный вид,
Где важная подпись на месте стоит,
А так же печатать есть и дата.
И стала такой непрístupной она...
А если подумать, такая - нужна,
Наверное, лишь бюрократу!

На семья крапивное зла не держу,
И всё ж не об этих бумагах твержу -
Мне белый листок всё дороже,
Где сердцем я звонкий глагол вывожу,
Когда провиденье поможет!

Пора подвести рассуждениям итог:
Указы, приказы поэту не впрок.
До смерти хотел бы иметь я
Всегда на столе своём чистый листок,
Как будто улрэк в том, что сделать не смог,
Как будто ступеньку к бессмертью...

Не разбирая слов, не слыша звуков,
Творил глухой Бетховен в оны лета...
Не это ли та самая наука,
Которой стоит обучать поэта?

Но дело в том, что бесполезны муки
Истолковать неведомого тайну:
Как силу слова обретают звуки,
Как музыка звучит в словах хрустальных?

Дано иль нет. Всё остальное - проза!
Коль не дано, не стоит и пытаться
Искать ответы, задавать вопросы -
Осталось лишь внимать и - восхищаться.

Ах, эти встречи, расставанья,
Что выпадают как на грех...
И звезд неясное мерцание,
Похожее на первый снег.
Теперь, когда в разгаре лето,
Когда еще не скучно жить,
Листая книжицу поэта,
По строчкам можно ворожить.
И жизнь отгадывать по строчкам,
И вновь загадывать по ним -
От многоточия до точки,
Где будешь ты неуязвим,
Как эти звезды, что по кругу

Вращает небо над тобой,
Не уязвимы друг для друга
И общей связаны судьбой.

Снегирь

Памяти В.М. Шукшина

Над Пикетом алая заря,
Яркая, как грудь у снегиря.
Я недавно прикатил в Сибирь:
- Друг, скажи, здесь водится снегирь?
На Урале точно есть, а здесь?
Должен быть.
Да я уверен, есть!
Потому что рожицы берёз
Светятся, как святочный мороз.
Потому что быстрая Катунь
Меж холмов светло струит латунь.

Потому что здесь встречал рассвет
Тот, кто и позвал нас на Пикет.

С виду вроде и не богатырь,
Он вобрал в себя всю эту ширь,
Чтобы задохнуться - и запеть,
Молодо рубашкой заалеть,
Чтобы видно было издали -
Есть заступник у родной земли,
Где калины горькие горят,
Где по-русски люди говорят,
Где взлетает каждый день заря,
Так похожая на снегиря...

В окне больничном облака плывут, как льдины
По вскрывшейся реке, которой нет конца...
Я список кораблей прочел до середины,
Дивясь таланту вещего слепца.

А вот мои суда, все отдали швартовы
И у причала, тесно сгрудившись, стоят.
По вскрывшейся реке они отплыть готовы,
Да только доктора покуда не велят.

Ах, эти доктора с их клятвой Гиппократова:
Глазасты, как Гомер, приборы в их руках...
Черным-черна, как трюм, была б моя палата,
Когда бы не окно да небо в облаках.

И сам я, как моряк, отправленный на берег,
И заточенья здесь не вынесла б душа,
Когда бы не Гомер да вечный зов Америк,
Где новый мой роман начнется не спеша.

И, может, потому прожить необходимо
Мне этот долгий путь и новый день начать,
Что список кораблей всего до середины
В свой срединный век успел я прочитать.

Его университеты

Он не был от рождения солдатом,
И не сказать, что был таким уж смелым...
Он изучал латынь по медсанбатам,
А геометрию - по секторам обстрела.

На сапоги наматывая тропы,
Вжимаясь животом в сухие травы,
Познал он географию Европы,
С ботаникой смешав ее по праву.

Пусть черный ворон над окопом каркал,
Он выучить сумел законы света...
Он победил, он встал над Трептов-парком,
Хоть сам и не успел узнать об этом.

Предчувствие

Ах, мне знакома эта пустота внутри.
Она полнее, чем признание,
чем до краев налитый
лунный ковш,
в котором стынет мира суета...
И, кажется, таит
все наше мирозданье
предчувствие свиданий и стихов.

Ах, мне знаком бессвязный счет минут,
который гармоничнее,
чем счастье,
поскольку сам
он предрешен не мной...
Так не бери на сердце
тщетный труд -
и объяснения, и участия,
меня приведший в храм
безмолвный соучастник мой.

Что ждет нас впереди?
Мы движемся к финалу.
К какому? Все равно,
поскольку сам процесс
движения к нему -

важнее, чем финал.
И пустота в груди,
и счет мгновений малых,
не знаю почему,
имеют больший вес,
чем ты предполагал...

Когда сойдет июльская жара,
И август обозначит перспективу
Грядущих холодов,
Наступит понимания пора,
Как просто быть счастливым
Среди сентябрьских золотых садов,
Откуда дачники вывозят урожай
В своих авто, тяжелых, словно танки...
Оставив возле яблони останки
Хозяйского бывшего куража
Для перелетных птиц...
И ты среди них,
Торчащий, словно пугало, без толку,
В себе отыщешь старых дум осколки,
Будто в альбоме на забытой полке
Изображения забытых лиц.
О, как светло осколки разбирать,
Смеяться и грустить попеременно
И перспективу жизни принимать,
Как женщины единственной измену,
Ей все прощая...
В этом весь секрет
Такого неожиданного счастья...
Как нет плохой погоды у ненастья,
Так, без ненастья, и хорошей - нет.

Иносказание

Обещало мне счастье - быть вечно со мной,
Чтобы доля казалась дорогой прямой...
Но судьба изогнулась, как пращурца лук,
Тетивой натянулась эпоха,
И стрелой ускользнуло вдруг счастье из рук -
Я держал его, видимо, плохо.

Что же мне на беспечное счастье пенять -
Ничего не успевшему в жизни понять,
И судить о стреле, что летит в никуда,
Обвиняя меня за промашку?
Ждал, что встретится радость, а вышла - беда,
Босиком и душа нараспашку.

Мне, уставшему верить
в спасительность встреч,
Обещала от них навсегда уберечь,
Насулила в грядущем печалей и мук -
Во спасение тела и духа,
Там, где лопнет струна, разогнется мой лук
И надеждою станет разлука.

г. Екатеринбург.

Любовь НИКОНОВА

ПОЭЗИЯ: ЭТО ПРАЗДНИК

Под знаком
праздника

Обмакнув перо в чернила космоса,
Мы выводим постепенно знаки,
Что по цвету золотистой колоса,
Потому и светятся во мраке...

Шелестя прозрачными страницами,
Отдаем энергию жар-птицам,
Чтоб они летали над столицами
И несли наш свет по заграницам.

Мы в своем присутствии упрочимся
Над бескрайним миром запределья.
Наконец-то, сбудутся пророчества,
Хлынут реки вещего веселья!

Без обмана, денег и оружия,
Направляемые только Абсолютом,
Мы раскинем крыльев полукружия
Над великим праздничным салютом!

Чтобы этот мир не потускнел,
Надо сделать много ярких дел:
Превратить бесцветное – в цветное,
Прозу жизни – в нечто неземное,
Рядовые общие фотоны –
В украшение солнечной короны;
Оживить скудеющие чувства
Ветерком наивного искусства,
Озарить углы глухого сада
Грозовой вспышкой авангарда...
И с земли увидеть, что таланты
В небесах горят, как бриллианты!

Жар-птица огненного типа
Среди других жар-птиц блистала.
Охваченная счастьем липа
В лучах жар-птицы расцветала.

Блаженствовали в этом свете
Стрекозы, бабочки, цикады.
И человеческие дети
Жар-птице тоже были рады.

Чрез полгода пришли метели
С своим уставом и закалкой.
И вот уже заиндевели
Уста и крылья птицы жаркой.

Подруги в сумеречном свете
Поникли без тепла и пищи.
Но человеческие дети

Внесли жар-птиц в свое жилище.

У очага, на крыльях спящей
И потускневшей грустной птицы
Вычерчивает уголь горящий
Инициалы Царь-девицы.

Всё гуще жаркие узоры
(Рисунок требует накала!) –
И вот она открыла взоры,
И поднялась, и засверкала...

За ней зажглись, за ней восстали
Ее пернатые сестрицы.
Над тдлькд на одной блистади,
Инициалы Царь-девицы.

Она запела о предвечном.
Как воск нагретый, голос капал.
И слово золотым колечком
Из клюва выронила на пол.

Куда колечко укатилось?
Не угадать. Весна в расцвете.
Жар-птица в сад переместилась.
Играют бабочки и дети.

В лесном, почти не хоженном краю
Я вижу камень с надписью «Люблю!»
Откуда здесь подобное признание?
Шутил ли кто?
А может, не шутил –
И камню дал серьезное задание,
Чтоб тот о сокровенном возвестил?
И камень светлой тайной окружен
И миссией своей преобразен.

Когда вырастают на камне растения,
Мы чувствуем замысел доброго гения.

В окраске и форме
обличья их разного
Мы видим присутствие
высшего разума.

И даже растение, с виду невзрачное,
Творцу адресует «Спасибо!» прозрачное.
И нищенский колос
из бедной реальности
К Творцу обращает
слова благодарности.

И скудный цветочек,
охваченный трепетом,
Творца прославляет
прерывистым лепетом.
А Святель свет, не зная усталости.
Он свет. И в мире прибавится радости.

Все кукушкины слезки,
Все анютины глазки,
Все прекрасные песни,
Все волшебные сказки,
Все легенды небес
И фантазии света
Уместились в одно
Незакатное лето.
Незакатное лето,
Незабвенное лето –
Благодарность Творца,
Вдохновенье поэта.
И поют существа,
И блистают создания,
Откликаясь на зов
Мирового сознания...
Но в цветочном раю
Или в чаще зеленой
Все же что-то болит,
Будто нерв ущемленный.
Эту тайную боль
Излучают березки,
И анютины глазки,
И кукушкины слезки.

Река передо мной, как древний миф,
Среди великолепия текла.
Звучал неиссякаемый мотив,
Рожденный силой света и тепла.

Цвели на первозданных берегах
Предвечные румяные сады.
И цапли на серебряных ногах
Стояли неподвижно у воды.

мне понравилось создавать
фотоизображения и соединять
их со стихами. При этом
наиболее полно ощущалось
взаимодействие с Творцом:
Человек во все века и годы
Творчеству учился у природы:
Ведь она и мастер, и мудрец,
Для художника счастливый образец.

В книге представлены стихи,
написанные под влиянием
«художественных произведений
Создателя», обнаруженных
в природе. Повлияли и другие
творческие мотивы.

Много лет меня связывают
дружба и сотрудничество с
детской студией «Изобразительное
искусство: уроки творчества»
лица №27 г. Новокузнецка
(руководитель – учитель ИЗО
Вострикова Ирина Николаевна).

Благодаря контактам с этой
студией, я выпустила в свет
книгу стихов для уроков изоб-

разительного искусства –
«Разноцветные капельки
солнца».

Воспитанники студии не
раз иллюстрировали мои
стихи в жанрах живописи,
графики, монотипии, аппликации,
бумажной пластики, витража,
а я с удовольствием откликалась
на их творческие работы стихами.

Некоторые из юных художников
посещают мою литературную
студию «Фесковские литераторы»
в том же лице. Постоянное
нахождение в творческом поиске
развивает воображение,
образное мышление. А ценность
образа несомненна. И в художественном
образе заключается информация
не меньше, чем в математической
или физической формуле.

Любовь НИКОНОВА.

Я проходила близко, не дыша,
Боясь существ задумчивых сплунуть.
И на меня смотрела их душа,
С тревогой не знакомая ничуть.

Где замерла Месопотамия
В объятьях древней Первольвицы.

Там, за воротами надмирными,

Таинствен был любой речной изгиб.
В воде сменялись тени облаков,
Созвездия пульсирующих рыб,
Туманности мерцающих мальков.

Вдыхает, сжатое веками,
Все, что могло стоять за мифами,
За их крылатыми быками.

А там, где золотился перекал
И разливалось пенье сотен птах,
К востоку строго шествовал отряд
Больших солнцеподобных черепах.

Вздвигаясь раскаленной плазмой,
Затем беззвучно опадая,
Сменяются субстраты разума,
На царствах царства создавая.

И мысль, что этот мир произвела,
Распространяясь в золотом огне,
Со мной добра и вежлива была,
Но тайн своих не открывала мне.

Мерцают знаки зачарованно
В собранных глиняных тетрадах.
И все, что нами расшифровано,
Еще потребует разгадок!

Возникнет мысль, и вспыхнет зарево,
Затронув семя первых знаков.
И нам придется взяться заново
За чтение клинописных знаков.

Он – ветер, на редкость упорный.
К тебе пригоняет он тучи.
Твой мир кружевной и узорный
От этого станет ли лучше?

Вся жизнь – как съемка моментальная
У той таинственной границы,

В сплетенье причудливых линий,
В блистанье шитья золотого
Внесет он смятение ливней,

Фотограф Светланы ЯСТРЕБОВОЙ.

Фотограф Людмилы ТИМОШЕНКО.

Дыхание леса густого.

Изменится качество света,
Заплещется воздух грубее...
Но ты принимаешь все это,
Пред ликом стихий не робея.

И милому молвишь толково:
«Нет пары счастливей на свете,
Поскольку от брака такого
В рубашках рождаются дети!».

Новый мир

Фотограф Любовь НИКОНОВАЙ

Над впадиною горной возвышение,
Зари и сумерек особое смешение,
В дар нищете - алмазов приношение,
Существ меланхоличных утешение...

Необратимых циклов повторение,
Миров несовместимых сотворение,
Свечей необжигающих горение,
Обычных птиц жар-птичье оперение...

Стремительных вращений замедление,
Невероятных ритмов появление,
Противоречий резких накопление,
А в целом, это просто обновление.

Таинствен темный душный сад.
Во мраке счастьем дышат очи.
Вот-вот начнется звездопад —
И дрогнет сердце этой ночи.
Но неподвижный Млечный путь
Не переменится ничуть.

Свет несомненный золотой
Нас наполняет теплотой.
Холмы сияют и бугры,
Переливаются шатры.
А у шатров стоят верблюды,
Как света полные сосуды.

Под вечер солнце в виде шара
Должно спуститься в зимний лес.
Лучи Божественного дара
Окрасят дальний край небес.

Останься! Скучен лес и холод.
Зачем, лаская берега,
Ты ночевать туда уходишь
И зарываешься в снега?

По небу отсветы — всё уже...
Ответных слов не различу.
Останься! Ведь со мной — не хуже.
Я расставаться не хочу!

И чувствую всей кровью вещей,
Как по невидимой волне
Сквозь снежный лес порозовевший
Ты приближаешься ко мне...

Я слушала «Квартет» Бородина.
Как музыки таинственно устройство!
Нахлынувшая вечная весна
Имела невестственные свойства.

Она — совсем не то, что видим мы
Усталым,
ко всему привыкшим взглядом, —
Она явилась посреди зимы
И нежно расцвела под снегопадом.

Ее цветы погибнуть не могли
В кружении и холоде метели.
Она отогревала мир земли
Для достижения светозарной цели.

И тысячи звучащих лепестков,
Подсвеченных любовью золотом,
Пространство от земли
до облаков
Заполнили скрипичной теплотой.

Так воцарялась вечная весна
В непостижимых
переливах света.
И это был «Квартет» Бородина,
Но проступало что-то
сверх «Квартета»...

Потенциалоскоп

Из сумерек лесов языческих
Смотрели очи сов мистических.
И взоры кошек электрических
Мерцали в чащах фантастических.

А из глубин океанических
Всплывали стаи рыб сферических.
И контуры существ мифических
Сменялись в мыслях утопических.

И странники в полях космических
Искали знаки сил магических.
И раскрывались в снах циклических
Бутоны роз астрономических.

Среди камней, на голых скалах
Сверкают синие цветы.
Чье вдохновенье их ласкало
В слоях неблизкой высоты?

Худ. Николай ТРЕТЬЯКОВ

Чья мысль сиреневою вспышкой
Касалась верхних ледников
И поднималась даже выше
Почти незримых облаков?

Чей незапятнанный рассудок
В часы подъема не исчез,
Горстями горных незабудок
Рассыпавшись вблизи небес?

Овета ищет тайно зритель.

Худ. Николай ТРЕТЬЯКОВ

Вот и выпулился птенчик из яйца,
Вышел в бурный мир
из-под скорлупок.
Жаждет солнца

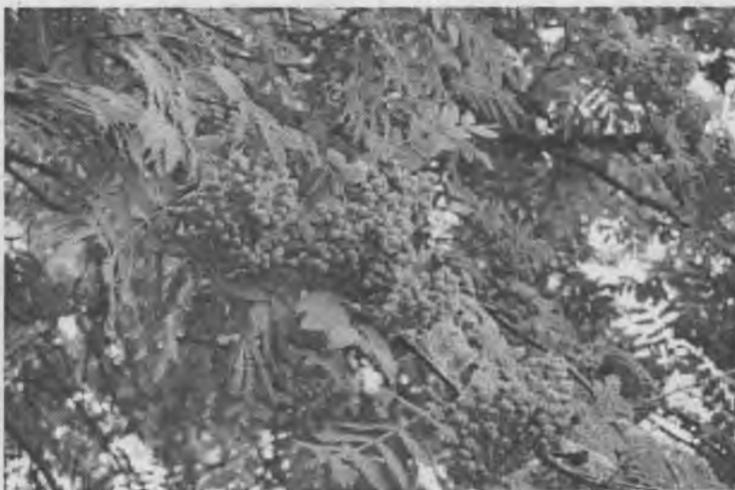
существо птенца,
Он решителен,
хотя и очень хрупок.

Все свои резервы развернув,
Подступил он к новой
жизни близко:
Приготовил крылышки и клюв
И прочистил горлышко для песка.

И ему под солнечным лучом,
В трепете восторга или страха,
Предстоит изведать, что почем,
Тяжела ли шапка Мономаха...

Не могу подтвердить я,
что осень — в бреду,
Не могу я сказать,

Фотограф Светлана ЯСТРЕБОВАЙ

что она — в лихорадке.
Кто болезни в Божественном
видит саду,
Бьется сам зачастую в припадке.

А здоровье души — изливается вширь
Иль восходит в просторные выси,
Где бессмертные силы
читают Псалтырь
И плывут абсолютные мысли.

И оттуда приходят дожди и снега
И меняют земное убранство.
Как лампы,
в рябинах горят берега.
Свет покровский вступает
в пространство.

И проникнуты свежим
сознаньем миры.
Принимает природа с любовью
Этот пушкинский праздник
осенней поры —
Русский холод, полезный здоровью.

Снеговик

Из свежего снега сырого
Слепив толстяка снегового,
От счастья дитя засмеялось.
И впрямь толстячок был приятный:
Смешной, белоснежный, опрятный.
Не зря с ним игра затевалась.

Стоял он, довольный кулёма...
Рассматривал мир он влюблено.
Возникшее сердце просило,
Чтоб длилась незваная нега.
Он стал существом — пусть из снега,
Хотя бы из снега. Спасибо.

Он случай приветствовал добрый.
Гордился он выпавшей долей:
Быть чьим-то созданием —
прелестно!
Ты вылеплен! Кратков чудо
Цени, не растаял покуда.
Ведь спят ли вновь — неизвестно.

Имеет каждый волк свою луну.
И по холмам она за ним петляет.
И, нарушая в мире тишину,
Ночную песню волк ей посвящает.
Страдающий охвачен организм
Волшебной властью лунного свеченья.
И слышен в песне крайний пессимизм —

Как признак безнадежного влеченья.
«Среди светил, среди миров и звезд
Что есть луна: находка или потеря?» —
Так говорит в тоске поджатым хвостом
Луну зачарованного зверя.

Жизнь — умница.
Придумала она
Эдем океанического дна.
Загадочная, сложная во многом,
Движенье подарила осьминогам
И, приучив подводный мир к нагрузкам,
Свой смысл открыла крабам и моллюскам.
И плавала уверенно и гибко
В ее объятьях золотая рыбка.

Свет неотступный

В глубине создания отмечено,
Как блистает неотступный свет
Там, где утро мудренее вечера.
Это утро длится сотни лет.
Там загадка мира выясняется.
Солнцем порождается не зря,
Долго над землей

распространяется

Алая духовная заря.
Вот в степи раскрылись
колокольчики,
Жаворонок в небе зазвенел.
Солнечных лучей тугие кончики
Уподобились дождю летящих стрел.

Сердце в это время украшается
Цветом красным, синим, золотым.
Чудо. Чудо Божье совершается.
Мир земной становится святым.

г. Новокузнецк.

Родилась в Новокузнецке. Детство прошло в бараках около КМК, где жили бывшие военнопленные и ссыльные немцы и прочий, высланный в Сибирь на временное и постоянное проживание, люд. Радость и горе, справедливость и бесправие умещалось в маленьких комнатках бараков и запомнилось на всю жизнь.

Как все советские дети училась в школе, в 1967 году поступила в СМИ. Успешно его окончила и пошла работать младшим научным сотрудником в НИХФИ. Выйдя замуж, уехала с мужем на строительство Новосибирского электротехнического завода. По возвращении в Новокузнецк трудоустроилась на Новокузнецкий алюминиевый завод.

Литературное творчество привлекало еще в школе. Сегодня Аделья Леонидовна пишет стихи и прозу как для детей, так и для взрослых, хорошо рисует. Её привлекает акварельный рисунок. Выставлялась в художественном салоне Союза художников, в библиотеке имени Гоголя.

Поэтические и прозаические работы Мачковой были опубликованы в газетах «Горняцкая солидарность», «Усвятская россыпь», вошли в сборник «Рифмуем уголь и любовь». Издан сборник стихов «Вишневая косточка».

Аделья МАЧКОВА Мгновения

В этой маленькой Вселенной
Мы затерянные птицы,
Мы затерянные птицы,
Не на небе, на земле.

Мы пытаемся гнездиться,
Мы пытаемся родниться,
Не желая быть случайным
На плывущем корабле.

Мы поем, и мир из песен
Нас манит. Он интересен.
Тогда крылья вырастают.
Когда крылья вырастают,
Птичьи стаи улетают.

Я рукой прикоснулась к чуду,
Что разлилось во мне, повсюду.
Затопило и море, и лес,
Создавая мой мир до небес.

Я душой прикоснулась к миру,
И ему подарила лиру,
Шепот листьев и трель соловья,
Песню жизни в нем сотворя.

Этот звук ни на что не похожий
Ощущаю я кожей, всей кожей.
Лист, на время приклеенный веткой,
Каждой частью своей,
каждой клеткой.

Звук, рожденный
безмолвием в тиши,
Звук, идущий из сердца, души.

Ветер воли, мой спутник любимый,
Почему мы с тобою гонимы?!
Ты подвластен стихиям земли,
Я подвластна мелодии слова,
Что волной захлестнет меня снова
И, как призрак, исчезнет вдали...

Только звук ни на что не похожий
Ощущаю я кожей, всей кожей.
Зов, рожденный безмолвием в тиши,
Зов, идущий из сердца, души.

Мысль породила слово.
Слово-дело.
И исполнитель нам знаком.

Но тело так хвалилось и хотело
У мысли быть проводником.

И мысль, поддавшись искушенью
Затихла. Тело без движения легло.
Хотело встать, но с изумлением
Без мысли шевельнуться не смогло.

Всех судеб нить в одной руке
Зажата крепко в кулаке.
В ней крутится веретено.
Прядется нить на полотне.
Рисунок задан, ткач готов...
Все начинается с основ.

Животворящей силой залит день,
В ней исчезают все сомненья.
И вот на пике изумленья
С Творцом сливается его же тень

Что есть, исчезнет в тот же миг.
Ты - юн, но ты уже старик;
Ты - есть начало и конец;
Ты - мудрый старец и юнец;
Ты - точка и безмолвья глас;
Ты - Сотворец на каждый час!

Передо мной раскрылся лист
Сегодняшнего дня -
Пустое поле. Просто чист.
И чистотой маня,
Нарушив дрему и покой,
Из образов, теней
Ложатся под моей рукой
Следы прошедших дней.

Слова в рожденьи - хрупкий челн.
Они, как капли, брызги волн.
И брызги эти так малы,
Что, ударяясь в грудь скалы,
Скользят слезой. Пока слезой...

Сливаясь фразами в прибой,
Летит стремительно волна,
Что дикой вольности полна.
И скалы, подставляя грудь,
Ей объясняют жизни суть.

Волна, оставив белый след
Соленых слез, несет совет
В глубины, в бездну темных вод.
Так ткется мудрость над и под.

Для святости нет средства,
у святости светел путь.
С Богами общается детство,
кто с жизнью играет чуть.
"Судьба!" - говорим горько,
все сваливая на богов.

Судьба - это звон только
от нами надетых оков.

Рука разжата и пальцы
дрожат от нутг.

Натянут узор на пальцы
разжатых рук.
В ладонях стучит сердце,
старается всех спасти.
Приказывает сердце:
"Деревом прорасти!"

Рисунок Людмила ТАНИКОВОЙ.

Вся жизнь, как карусель, кружится.
Мелькают дни, недели и века.
Лошадка вверх и вниз
по кругу мчится,
Пока не остановит чья-нибудь рука.
И лишь душа моя
куда-то всё стремится,
К свободе рвется и манит.
Неразделимы мы, но ты - в магните
птица.
А я, душа, я - твой магнит.

Я кричу, но голос очень тих.
Я зову, в ответ лишь шорох слышен.
Я в ничто забрасываю стих,
Словно косточки созревших вишен.
В никуда уносит их метель,
Но когда в ночи зажгутся свечи,
Сад вишневый окружит постель,
Белой пеной прикрывая плечи.

Кто вы, бредущие в пыли дорог,
В пустыне, выжженной от зноя?
За что такой суровый рок?
Кто вы, уставшие от боя?

На ваших потных лицах луч удач
Сверкнет порой улыбкой светлой,
И вновь сомкнутся губы. Тихий плач
За скрежетом зубов
стал неприметным.

Какие битвы надломили вас,
В каких делах участниками были,
Зачем попали в степь, где свет угас,
Да ветры душные завывали?

Кто вы, бредущие в пыли дорог?
С какой судьбой вы счет сводили?
Какой же вам назначен срок,
Какие правила забыли?

Я не судья и не пророк.
Мне не судить удел назначен.
Слова пустые не готовлю впрок.
Пусть будет к цели путь удачен!

Из бездны сверкающих брызг,
Под чей-то неистовый визг
Встает из пучины забвенья
Одно местоимение-

"Я" появился на свет.
"Я"- зазвучало в ответ.

Выходит, словно на парад,
За рядом ряд, за рядом ряд
То, что накоплено в веках,
Что птицей мечется в стихах,
О чем кричат, о чем молчат,
Тот враг, что болью был зачат.
Враги измученной души
Стучат подковами в тиши.
Я выхожу в последний бой,
В последний бой с самим собой.

Откуда появилась месть,
Из тайника какой души?
Пришла от ярости слепая.
Пришла, усталости не зная,
И, властно силу проявляя,
Сказала: "Я пришла. Я здесь!"

Кто породил тебя, старуха?
Какая страшная разруха
Произошла у нас в сердцах?

Сметая все, что было свято,
Мечь, безрассудностью объята,
Летит с оружием в руках.
Повсюду рассыпая страх.
И злой энергии полна
Кричит и требует: "Война!"

Война... страшнее нет затей,
В ней люди - груды из костей.
Кто победил, кто проиграл...
Мир раскололся - вот финал!

Родился в человеческой стае зверь.
Как человек, он был и гол, и слаб.
Скрипела тихо, закрываясь, дверь,
Храня касание не рук, а лап.

Он человеком стать хотел,
покинув дом.
Живет без стаи уже много лет.
А правда грустная, увы, о нем:
Живет, звериный оставляя след.

Я устала от лжи,
От фальшивых улыбок,
От завистливых глаз
И от глупых ошибок.
Я устала от мерок
По себе, не иначе,
От избытка ума,
От его недостачи.

Мы глупеем в борьбе
В ожидании чуда.
Раз не верим себе,
Значит мы ниоткуда.
Ниоткуда пришли,
Никуда не уйдем,
Эту жизнь поскрипим.
Поскрипим, упадем.

Раз не понят урок
От людской нашей лени,
Значит, снова и снова
Нам вставать на колени.
Если мир опорочим мы,
Он заставит опять,
Словно плод с червоточинной,
На земле догнывать.

Сердце

Сжалось и замерло,
вновь застучало,
Но не молчало,
всегда отвечало
На волны любви,
печали и горе.
Загадочным было,
непознанным морем.
Сливалось с простором
ритмом единым,
И было суровым,
и было ранимым.
На музыку музыкой
МИРА звучало,
Всегда отвечало,
но не молчало.
Если молчит
или бьется несмело,
Значит душа,
душа заболела.

Мы приходим непознанные
А уходим отринутые.
Хорошо, если сами,
А то опрокинутые
На больничные койки,
Под тюремные яги.
Нахлебавшись горькой,
Да под разные стяги.
Отстегают вожжей,
Слово выплюнешь с болью
И присыплешь с душой
Сверху перцем и солью.

Добро и зло, где им начало,
И есть ли где-то им конец?
Добро на подвиги венчалось.
Зло - обольститель для сердец,
Ведь страху, подлости и лести
Сегодня что-то много чести.

Живем, благоденствуем
и процветаем
В делах, уверенях,
что очень важны.
Мы все умираем,
когда понимаем,
Что больше уже никому не нужны.

Мне часто снится отчий дом,
Где детства мир был так беспечен.
Я знаю, скажешь: "Дом не вечен".
И прав, быть может, будешь в том.

Был он когда-то ладно скроен,
В сосновых бревнах нов и строен.
Труба, под ней из теса свод,
И на крыльце спал мирно кот.

С годами дом грузнел, осел,
Как дед, что отошел от дел.
И тихо доживать стал век,
Старая, как и человек.

Живу я в городе давно:
Квартира, фонари, кино...
Вот только часто стали сниться,
Наш дом и в нем родные лица.

Крыльцо с узорной резьбой.
Ведро с колодезной водой
Стоит на желтой половице...
И я спешу к нему напиться.

У дорог колодцы
с журавлем скрипучим,
Тропка от калитки,
баня,
сеновал,
Где на свежем сене колком
и пахучем
Я тайком когда-то ночевал.

Старые дома, гуси у крапивы,
Бегают по лужам дети босиком,
У калитки телка лижет терпеливо
Мокрую веревку
шершавым языком.

Клеверное поле, роши и рассветы,
Голубого неба благодать,
И такие нужные стариков советы ...
Только не привыкли
мы благодарно брать.

Зреют на полях золотые нивы,
Перед полем - ивовый плетень....
Знаю, что сегодня мы живем и живы,
Потому что выросли
из этих деревень.

Две дощечки через речку -
это мост.
Поворот. И там, за лесом
был погост.
За погостом поле клевером цвело,
Чуть поднимешься на горку -
вот село.

Шаг, еще, вот поворот и...
крест упал.
Кто-то был здесь,
кто-то все перепахал.
Кто над памятью глумился позабыл,
Тот, кому он сон нарушил,
с нами жил.

Сеял поле, жизнь любил,
детей рожал.
Он шутил, смеялся и как мы дышал,
А когда устал в пути судьбу искать,
Лег в цветущий клевер вечно спать.

Горький вкус полыни на губах,
Пыль лежит на поле, словно прах...
Поднимаюсь тихо в гору - нет села.
Серая дорога пролегла.

Каждый раз, новый путь выбирая,
Все мечтают о радостях рая.
Для начала всего-то лишь надо
Просто вытащить ноги из ада.

Равнодушие, равнодушие...
От усталости, малодушия?

Словно студень, дрожащий студень,
Равнодушие ползет по стране.
Путь земной и тяжел, и труден,
Под пластом равнодушия вдвойне.

Посидим, помолчим, посудачим.
Иногда, что бывает, поплачем,
Обменяемся словом избитым,
И уходим забыть, быть забытым.

Равнодушие, равнодушие...
Первый шаг на дороге к бездушию.

Деревня, родное крыльцо -
Родина.
Девчонка в веснушках лицо -
Родина.
Река, пережат и лес - Родина.
Из многих любимых мест - Родина.
Я - часть твоя, ты - во мне, Родина.
Мы вместе в одной стране, Родина.
Ты - жизнь, что придет и пройдена.
Ты - боль и любовь моя, Родина!

Пилигримы

Сквозь бури песчаные,
посох в руке,

Бредут пилигримы в песчаной реке
В надежде найти и увидеть
свой храм.
И топчут дороги по чьим-то следам.

Иссохшая кожа опущенных век.
От белого солнца пески,
словно, снег.

Полуденный зной,
дрожащий мираж.
Такой долгожданный,
желанный пейзаж:

Высокие стены, прохлада и лес...
Приблизился, дрогнул
и тут же исчез.

Лишь ветер. Песок заметает следы
От нашей земной и пустой суеты.

Есть в сердце каждого
собственный храм.
А мы все бредем
и бредем по пескам...

Когда-то в младости лихой
Хотелось вырваться из дома,
Где все привычно и знакомо,
Где был порядок и покой.

Раскинув руки парусами
Над лодкой жизненных утех,
Лететь над бурными волнами
Туда, где ждет нас всех успех.

Лететь, усталости не зная.
Но притяжение Земли,
Как чья-то воля неземная
Всегда пленила корабли.

Мне бы жить научиться заново,
Отболело бы все и зажило.
Все что ранило, отболело,
Мне оставив и душу, и тело.

Мне бы мудрости научиться,
Мне бы с мудростью обручиться,
И прожить свою жизнь без оглядки,
Не играя с богами в прятки.

Мне бы жить научиться заново,
Все плохое бы в лету кануло.
Все, что мучило, отлетело
Мне оставив и душу, и тело.

Так хочется радости в мире и песен
И стены раздвинуть,
чтоб был он не тесен.
Российские избы, тесовые крыши,
И купол сверкает
под золотом выше.

Пусть звонницы снова
наполнятся звуком,
Который прольется
над утренним лугом,
Где травы умоет слезами роса.
И звон предрассветный
летит в небеса.

Благодарю за все, что есть.
Благодарю за все, что здесь
Цветет и зреет, и журчит,
И с удовольствием урчит
От ласки под моей рукой;
За благодать и за покой;
За жизнь из сказок и чудес;
За лето, осень, зимний лес
И за весеннюю слезу,
Что у сосульки на носу.
За понимание - мир раним,
За то, что мы его храним.

Наш мир из сказок, мифов, песен
Стал мал, наверное, и тесен.
Теряя детскую беспечность,
Мы каждый миг уходим в Вечность.

И каждый шаг наш, как мгновенье.
И каждый след,
Как свет в сгорающих поленьях -

сверкнул и нет.
Засеяло от рода семья мои поля;
Не знаю, что дарит мне время,
а что земля.
Но жизнь, заложенная в зерна,
так велика,
Что проросли они, я верю,
во все века.
Я знаю, песней отзовешься,
и через много дней,
Когда своей душой
коснешься души моей.

В чем жизни смысл?
Да в ней самой -
Дороге непростой домой.
Туда, где вечности волна,
Где тайна таинством полна.

Я не советчик
и совет
Не дам, наверное, в дороге.
Надену башмаки на ноги,
Пойду из ночи на рассвет.

Дойду до камня.
Указатель.
Направо - рай,
налево - ад.
А я пойду туда, где сад,
Где храм в саду возвел ваятель.

Из камня бурого дорога
Блестит от тысяч босых ног.
Один устал, другой не смог...
Дошедших было ведь немного.

Нам всем дано пройти тот путь.
Когда-нибудь.... Когда-нибудь
Дойти до храма,
до порога.

Зарисовки

Слова... и осыпался звук
песком на песчаной горе.
Сколько веков, сколько рук
занято в этой игре.
Горы песка от слов,
песчаные города
Сохнут под солнцем. И вновь
все размывает вода.

Мимо стен, бетонных стен
Со своей иду поклажей
За свободой, за пропажей,
Попадая снова в плен.

Глухая улица. Темно.
А в доме кот о ноги трется,
И теплый свет от лампы льется
В дождем промытое окно.

На остановке сыро, зябко,
И размалеванный плакат,
Который всем вчера был рад,
Висит над нами, словно тряпка.

Труд пропадает чай-то, жаль.
Звонок.
Со скрипом дверь закрылась.
И все, что от дождя укрылось,
Трамвай увозит быстро в даль.

Вот и растаял светлый день.
Гудок, машина прошуршала.
От фонарей пугливо тень
По темным улицам бежала.

Качнув бетонными боками,
В ночи, как призрак, город встал,
А под холодными стенами
Усталый пес дрожа лежал.

Кто твой хозяин неизвестно.
Не я, скажу тебе я честно,
Но знаю, как в ночи одной.
Вставай, дружок, пойдем со мной.

Свет желтой кляксой
заливает плечи,
В словах воспоминанья о былом.
Слезами каплют на скатерть свечи,
Что, плавясь, догорают над столом.

Родились звуки.
Трепетно и чисто
Звенела песня, что-то говоря.
И переборы струн гитары,
ей вторя,
От всех забот уведят гитариста.

О пышности былой
грустит природа.
Земля размокла от осенних слез.
"Какая скверная, однако же,
погода", -
Наверно думает насквозь
промокший пес.

Ну что, дружок,
выпрыгивай из грязи.
Вот лужа. Лапы вымой, хвост.
И попадешь, быть может,
прямо в князи.
Из грязи в князи,
хоть и мал твой рост.

А в доме чистый пол
половичком застелен.
В кастрюльке ужин на окне.
Давай с тобой его поделим:
Тебе суп с косточкой, а мясо мне.

За дверью ветер стонет,
словно просит:
"Возьмите и меня с собой".
На землю утро холод бросит,
И первый снег посыплется крупой.

Большой Кавказ

Ночной перевал

Автобус заползает в ночь,
От света тень сбегает прочь.
Мы с вереницею огней
Тихонько двинулись за ней.
И горы будто расступились,
Там, в бездне небо с морем слились.
На волнах звездный небосвод,
И не понять, что над, что под.
И наш автобус над волной,
Над морем, даже над луной,
Что между небом и водой
Как желтый яркий мяч катится.
Луна плывет и веселится
Над нашей глупой светлой,
А мы спускаемся все ниже
От звезд, луны к земле поближе.

Вечерний сумрак, роши дремлют,
Все заливают тишина,
И вот уже объемлет землю
Ночная сонная волна.
Лишь лист на ветке что-то шепчет,
Да травы пахнут словно мед,
Да рыба в темных водах плещет,
Луна как желтый шар плывет
Дневные страсти приутихли,
Попали в омут сладких снов
И закружили, словно в вихре
До первых ранних петухов.

Гроза над морем

Над морем небо потемнело.
Вот, громыхнув пока несмело,
Раздвув лохматые бока,
Как зверь несется облака.
Притихло все,
а зверь хохочет,
Уже над волнами грохочет,
И демонинский хохот свой
Бросает с молнией в прибор.

И море вдруг ожившим телом
Зашевелилось и взлетело,
Гроза под выгнутой спиной

Подмять все то, что под волной.
Воды стихия и огня,
Соединяясь, вдруг взрывались,
И волны к тучам поднимались,
И ночь настала среди дня.

Все смешалось в черном мраке,
Рычание, вой, как в дикой драке,
Где каждый был силен и смел,
И в битве страха не имел.
Освободив себя от вод,
Огонь, бросая в небосвод,
С ворчаньем тучи отступали.
Ушли, но долго грохотали.

Северное сияние

Переливаясь разным цветом,
Кристаллы дивной красоты,
Блестая роскошью букетов,
Меняли форму и цветы.
Столбы сияющего света
Горели красками то лета,
То осени, а то зимы...
И были все отражены
Огни Вселенной над планетой.
И под завесой странной этой
Стояли, как в огромном зале.
Мы о величии мечтали...
А встретили и лишь молчали.

Размышления перед картиной Михаила Врубеля «Демон»

Холодных звезд касались руки.
Как парус, были два крыла...
Гордины больше или муки
Тебе свобода отдала?
Какой закон ты с ней нарушил?
Что смог создать, а что разрушил?

И вот ты соткан из печали.
И скалы над тобой молчали...
О чем? О том холодном дне,
Когда в дышащей тишине
Живыми будешь ты отвержен,
И тайной силою повержен.

За что? Нам не дано то знать.
Но скрытое смогли увидеть,
Понять его, иль ненавидеть...
А это каждому решать.

Худ. Михаил ВРУБЕЛЬ

Фрагмент «Демон».

На выставке картин Николая Рериха

Мы с нетерпением ждали
этой встречи.
Прохладный воздух,
обтекая плечи,
Наполнил зал живительной волной.
Пространство
завенело тишиной.
Дверной проем мелькнул
и вдруг исчез.

Здесь царство гор
и рдеющих небес.
Величие вершин,
сверкающий покой.
Безмолвие. Туман разлит рекой.
Лазурь озер. Таинственность долин.
Здесь властелин - лишь Дух один.

Аделья МАЧКОВА

Рисунок Олега ГОЛОВЧАКОВА

Огромные голубые глаза и светлая челка над ними, короткие штанишки, которые, как юбка, качались над худыми ногами, белые носки и сандалии - Валька или Валентин, так звала его мама в моменты большого душевного напряжения.

Валька стоял возле дома и с огромным интересом наблюдал за игрой мальчишек во дворе.

- Толян! - кричали ребята, и шустрый черноглазый мальчишка лет двенадцати ловко поддавал ногой мяч.

Мяч летал, пугая сорок и обитателей трехэтажного дома, прижавшегося к земле во дворе, заросшем лопухами и травой.

- Валентин, - прозвучал над Валькиной головой материн голос, - нам пора!

И цепкая рука повела Вальку от свободы, шума и мяча. Голубая в красных маках мамина юбка, плавно покачиваясь впереди, указывала путь. Вальку водили в Дом творчества, где он должен был научиться творить и развить талант - так решила мама: крикливая, с пронзительным голосом блондинка.

Однажды, когда Валька ждал маму, мяч, летающий над двором, упал рядом, обдав его грязью. Мальчишки замерли, ожидая угроз и крика от Валькиной мамы. Валька испуганно оглянулся на мелькнувшие в подъезде маки, и вдруг с размаху сел в грязную лужу.

- Валентин! - истерично крикнула выбежавшая мать, - мы опоздаем, быстро домой переодеться!

- А ты молодец, шкет, - раздался за Валькиной спиной голос Толяна.

Валька оглянулся, и лицо его озарила светлая, как лучик, улыбка.

Вечером, когда солнце прощально ласкало верхушки деревьев и крышу дома, Толян, пробега мимо Валькиного подъезда, заметил скорбную маленькую фигурку.

- Ты что, шкет, - подошел он к Вальке, - наказали?

- Нет, - тихо прошелестел Валька, - Барсик сегодня убежал, котенок.

- Придет, - упокоил Толян.

- Нет, он совсем маленький, - еле слышно шелестел Валька.

- Валентин, домой! - раздался громкий голос.

Ночью Толян долго не мог заснуть. Мешала какая-то до сих пор неизведанная им тревога. Как будто сердце Толяна стало вдруг

приемником, работающим на волне, на которой маленькое Валькино сердце, сжимаясь от тоски и горя, выбрасывало в пространство сигналы "SOS". Утром, едва рассвело, Толян выскочил на улицу. Он остановился посреди двора.

- Где же ты можешь быть, - прошептал Толян, - кис, кис, - звал он, ползая среди высокой травы и лопухов. Вдруг тихий писк привлек его внимание.

Он поднял лист лопуха и достал дрожащий крохотный комочек. Котенок холодным носом толкнул в грудь Толяна и та, неожиданно раскрывшись, затопила замерзшее существо теплом. Бережно придерживая котенка руками, Толян побежал домой.

Возле подъезда стоял Валька. В голубых глазах его, как в чашах, плескалась робкая надежда. Толян присел перед Валькой и протянул котенка. Две маленькие руки приняли его. Огромные Валькины глаза стремительно наполнялись счастьем, которого стало так много, что оно перелилось через край и заструилось по щекам.

Толян смущенно улыбнулся и протянул руку.

- Держи, шкет! - Валькина маленькая рука доверчиво утонула в руке друга.

Рисунок Олега ГОЛОВЧАКОВА

Снегири

Поздней осенью в город прилетели снегири. Красногрудые, с гладкими спинками, они расселись на ветках дерева, которое росло под окном Светланкиной комнаты.

- Наши края для них, что для других птиц жаркие страны - сказал папа Светланке. - Они прилетели сюда согреться, а потом улетят в свой холодный мир. Поздоровайся с ними а, когда они будут улетать, пожелай им доброго пути и они унесут твоё тепло с собой -

- Здравствуйте, птицы - сказала Светлана, расплющив нос об оконное стекло.

...В детском саду дети готовились к празднику. Шили нарядные костюмы, учили стихи и песни. Мама сшила Светланке красивое платье - красное в белую клетку, с красной грудью на которой были вышиты два белых цветка. Светлана, счастливая, крутилась перед зеркалом, осматривая себя со всех сторон. Папа, улыбаясь, присел рядом с ней. В руках у него была коробочка, а в ней две красивые туфельки. Туфельки сияли лаковыми бочками, они были почти совсем как у взрослых девочек, на небольшом каблучке и с бантиком впереди. Светлана ахнула: «Как снегири». Целый день она любовалась туфельками, а вечером поставила их под кровать.

- Спокойной ночи - шепнула им Светлана и счастливая заснула.

Утром зашла тетя Люда - мамина подруга. Она зашла с дочкой Катюшей. «Люда - мать одиночка» - так говорила мама. Светлана понимала, что у Катюши нет папы. Катюша скромно стояла у стенки, пока тетя Люда разговаривала с мамой.

- Вот, Таня, - говорила тетя Люда, - сшила Катюше платье, а туфли взять не на что. Пришлось сшить тапочки из такой же ткани, что и платье. Что за жизнь у нас?

Катюша потупила свои огромные серые глаза, и слезинка медленно скользнула из-под длинных ресниц но, словно испугавшись, повисла. Катюша торопливо смахнула ее и отвернулась к стенке. Светланкина женская

душа сжалась от горя и обиды, когда она представила себя в тряпочных тапочках. Насупившись, посмотрела на Катюшу, затем побежала в свою комнату и вернулась с красивыми туфельками.

- На, возьми - сказала Светлана решительно и поставила туфельки у ног Катюши.

Мама Катюши растерянно посмотрела на смущенную тетю Люду.

- Возьми, Катюша, - пришел всем на помощь папа, - Светлана к празднику тебе их дарит.

Катюша посмотрела с испугом и недоверчивостью на туфельки, перевела взгляд на папу, и из серых глаз ее плеснулась такая волна ожидания и благодарности, что папа, смущенно закашлявшись, отвернулся.

Когда Катюша с тетей Людой ушли, папа подхватил Светланку на руки, прижал к себе и шепнул: «Ты совсем взрослая стала у меня, дочка». Светлана, зажмурившись, уткнулась носом в родную папину шею и прошептала: «А я пойду в бежевых туфельках, они ведь тоже хорошие».

- Ну конечно, - успокоил Светланкино женское самолюбие папа.

Вечером Светлана легла спать, и ей снился прошедший праздник, шары и цветы, и две красные туфельки, летящие над городом.

Они махали крылышками, как два снегиря, унося Светланкино тепло и доброту в мир Катюши.

Яблоко

На улице Завокзальная, возле горы, лепились домики. Домики подпирались старыми, теперь уже пустыми, сараями да березками.

Эти пустующие сараи, да небольшая березовая рожица, попытавшаяся заскочить на гору, да так и застрявшая на пути - вот и все места обитания местной детворы на все времена года, кроме лета. Летом все пустующие сараи засыпались фруктами, а в августе - капустой и помидорами. Гости с жаркого юга приезжали на торговлю.

Ленка, длинноногое голубоглазое чудо, жила с матерью в старом бабушкином домике. Зимой они жили трудно, но дружно, а летом приезжал черноглазый Ахмед. Он заполнял шумом и собой избенку, покровительственно хлопал по спине мать и водил черным глазом по испуганно жавшейся в углу Ленке. Все углы дома были завалены яблоками и грушами, которые грузились утром в мешки и увозились на рынок. Мать иногда выбирала из кучи маленькое яблочко и совала Ленке в руку.

- Ешь быстрее, пока Ахмеда нет, - шептала торопливо.

Ленка, как мышка, уносила лакомый кусочек в свою норку и там тихонько грызла его. Но однажды, после удачной сделки, Ахмед зашел в дом с тазом, наполненным огромными красными яблоками. Он высыпал их на кровать и широким жестом пригласил Ленку:

- На, ешь!

Ленка завороченно смотрела на груды

пахучего чуда, затем медленно протянула тонкую руку и взяла огромное красное яблоко. Она прижала его к груди и осторожно вышла на крыльцо.

На сваленных горой у калитки ящиках сидел соседский мальчишка Санька. Саньку побил отец, и он сидел сердитый, готовый в любую минуту ринуться в драку. Но драться было не с кем, и постепенно Санькина обида стала расплываться, растекаться и закатывалась из глаз скупой слезой. Он опустил голову, разглядывая грязные руки с обкусанными ногтями, и вдруг от своего лица увидел яблоко. Оно было огромным. Яблоко светилось и источало волшебный аромат.

- На, - прошелестел тихий голос, - кушай, Саня.

Санька медленно поднял голову. Перед ним стояла худенькая длинноногая соседская Ленка. Голубые глаза ее сияли и лучились. Лучики, освещая лицо, падали на Санькино обиженное сердце.

- Ленка, - прошептал Санька, - какая ты красивая, ну, прямо как, прямо как... яблоко!

Ленка зарделась от первой мужской похвалы.

- Скажешь тоже.

Потом совсем по-взрослому посмотрела через плечо и убежала на крыльцо, обдав на прощание и Саньку, и весь двор голубыми искрами счастливых глаз.

А Санька держал яблоко, и сердце его набухало, становилось все больше и больше, наполняясь благодарностью и любовью.

Горянец Эдуард родился в Ленинграде 29 июля 1939 года. В 1942 году был эвакуирован из блокадного Ленинграда. Оказался в детском доме города Кемерово. Служил в СА с 1958 года по 1960 год. В 1972 году окончил Кемеровский химико-технологический техникум по специальности химик-технолог. Работал на заводе «Прогресс» токарем, инженер-конструктором до 1990г., откуда вышел на пенсию. Член Союза писателей Кузбасса с 2006 года. Награждался грамотой в номинации «За любовь к жизни» и благодарственным письмом, как участник конкурса, посвященного 65-летию со дня образования Кемеровской области, благодарственным письмом к 40-летию Кемеровской городской организации ветеранов. Печатался в областных газетах. Опубликовался в литературном журнале «Южная звезда» в 2008г. За 4 года выпустил 10 поэтических сборников: «Чего ж душе не хватает?», «Госпожа любовь», «Почка вербы обомлевшей», «Наперекор судьбе», «Образ твой», «Душа раннимая», «Заклинание», «Через бездну разлуки», «Хрустальный родник», «В плену любви». В 2008г. окончил школу искусств по классу гитары.

Эдуард ГОРЯНЕЦ

Казацкая шашка

В этом доме хранится
казацкая шашка,
Подходить же я к ней
почему-то не рад
И смотреть на нее.
Притяжение страшно –
Сколько жизней сгубил
беспощадный булат?

Ах, какой же казак обладал
ей когда-то!
Шел в крутую атаку,
потом от плеча
Разрубал, как арбуз,
до седла супостата,
Узнавая, что кровь у него горяча.

Россияне делились
на красных и белых
И, у каждого вера своя лишь жила.
В той гражданской войне,
в той кровавой купели
Наша Русь обреченной
на гибель была.

И подумай теперь, где есть ложь,
а где правда,
Кто был прав в той войне,
кто пред кем виноват?
А Россия была беззащитной
Непрядвой:
Против друга шел друг,
против брата шел брат.

Будет долго хранится
казацкая шашка,
Словно истина будет пред
всеми права.
И в бою на конях,
и в бою рукопашном
Не одна от нее полетит голова.

Душа бежит в военные года,
В полон страданий,
неизбывных бедствий,
Где я расстался с мамой навсегда
И нес, как крест,
скитальческое детство.

Людей война косила, как чума,
В блокаде жизнь была
крошечным атомом.
А Русь везла детей по детдомам
В Новосибирский край и
Ленинграда.

И земляки несчастные мои,
Вдруг повзрослев, спокойны,
но упрямы,
Пронзали скорбными слезами дни
И каждый ждал свою родную маму.
Но я всегда завидовал тому,
К кому родная мама приходила,
Душой бросалась к сыну своему
И нежность с приюта вводила.
К кому-то с фронта приходил отец,
Иль бабушка родная, или тетя.
Я чуткой жаждой маму ждал, малец,
В мучениях моих тянулись годы.

В детдоме няня тешила меня
И добротой зажгла
надежды пламя:
«Закончится победою война
И явится, как фея, твоя мама.
Уж дни победы были позади,
Пришла однажды
за ребенком дама.
К ней бросился, прильнул
к ее груди,
Вопил: «Возьми меня отсюда,
мама!».

Мне улыбнулась, как сынку, она
И молвила:
«Какой ты, право, милый!» -
Поцеловала горестно меня,
Картошечкой печеной угостила.
И с детских лет до седины волос
Среди невзгод, надежд
своих обманных
Я жду с войны свою родную маму
И тонет мир в пучине
горьких слез.

Русская речь

Рекой без названия
она может течь
И Волгою, и Енисеем,
Потоком священным с
тремлет эта речь –
Ей Пушкин владел и Есенин.

Ее невозможно
распать или сжечь,
Иль выбросить в урну небрежно.
И словно бубенчик
звонит эта речь,
В ней есть материнская нежность.
Пусть нам не в первые
отвержено лечь
На брани напастей и бедствий,
Но нет выше долга ее оберечь
И детям оставить в наследство.

Светлой памяти Димы
Климова,
погибшего в Чечне.

Когда летели пули мимо
И было нипочем стране,
Тогда упал мальчишка Дима
На неизвестной той войне.

И пусть у вас замерзли души,
А он таким солдатом был!
Не спрашивайте равнодушно,
Кого он жизнью заслонил.

Не проходите, люди, мимо,
Не опускайте долу глаз,
Когда воитель Дима Климов
О долге спрашивает вас.

И я прошу под этой синью,
Мой Бог, помолимся уже
О нашей матушке России,
О праведной ее душе.
г. Кемерово.

Лина ЯЛАНСКАЯ

Украина, город Никополь.

Добрый день!

Совершенно случайно мне передали почитать ваш альманах «Устьтская россыпь», чему я была несказанно рада. Сама я родилась в Сибири, в Усть-Куте, Иркутской области. Мне очень интересно все, что происходит в Сибири. Рада тому, что у вас появился литературный альманах. Посылаю свои стихи и надеюсь быть замеченой. Удачи во всех начинаниях. Хороших читателей!

С уважением Лина Яланская.

Стихи из сердца проростают

Среди заводских поэтов и прозаиков имя Лины Яланской, пожалуй, самое узнаваемое. Ее творческий успех стремительный. Пробовать писать начала с раннего детства, в журнальтику пришла в 16 лет. Начинала в городской газете «Никопольская правда». Сегодня она корреспондент заводской газеты «Электрометаллург».

«Победитель конкурса городских поэтов «Золотое перо», в последующие годы - член жюри этого конкурса. Участница фестиваля «Пристань менестрелей», проходившего в Бялаклавце. Четыре стихотворения Лины севастопольским композитором Татьяной Великодворской положены на музыку – это романсы.

Проза Лины по своей тематике отвечает ее молодости - о любви, верности и предательстве, поиске истины и надеждах. Публикуется в центральных и областных газетах, журналах. Живет и пишет с учетом трех установленных для самой себя жизненных правил: если идти некуда - иди вперед, не жалуйся на несправедливость жизни, если тебе есть у кого просить прощение, чтобы узнать каким будет завтра - нужно выстоять сегодня.

У молодого дарования есть все условия быть состоявшимся человеком: любимый сын, любимая работа, верные друзья и главное - всегда есть к чему стремиться.

Когда ты сделаешь последние шаги
Навстречу мне и жизни и надежде,
Когда весна поет тебе
победный, гимн,

И ничего не будет так, как прежде,
Когда душа твоя, излечена от ран,
Расправит крылья
и воистину воскреснет,
Я все свое тепло тебе отдам,
И будет светлым этот день чудесный.
Ты мне расскажешь все,

о чем молчал,
А я тебя тихонько успокою.
И новый день - начало всех начал -
Мы встретим вместе,
ведь теперь нас двое.
Ты просто самый лучший па земле,
Я долго и давно тебя искала
Останься - и не будет дней и лет,
Я не боюсь с тобой
начать сначала.

Мой вечер

Я к вечеру многое вижу иначе,
Когда суета отступает за двери.
Мой вечер счастливой
звездой обозначен.
Я в это до боли отчаянно верю.
Я тихо сижу, шелохнуться не смею,
Смотрю на заката лиловые пятна.
И, шумная днем, я от счастья немею,
И мне тишина эта очень понятна.
И в тихой, и сумрачной

комнате нашей,
Где пишут картины заблудшие тени,
Мой маленький ангел,
святой и уставший,
Спит, голову мне
положив на колени.

Когда мне наскучит курить
В угрюмой замызанной комнате,
Когда мне захочется жить,
Вы все обязательно вспомните.
Вы вспомните, кем я была
И смех мой - задорный и искренний.
И память волною тепла
Размоет мой сумрак
бессмысленный.

Когда я устану томить
Себя этой горечью приторной,
И снова протянется нить,
Скрепленная снами забытыми,
Я просто навстречу шагну,

И сердце мое успокоится.
Я просто себя вам верну,
И жизнь потихоньку устроится.

Этот вечер дорогого стоит –
Неприкаянный и неземной.
Где-то в сердце
так фальшиво стонет
Мой - почти бесчувственный покой.
Он не хочет этой благодати,
Понимая, что за ней грядет.
Повторяет тихо, как заклятье,
Что моя печаль меня найдет.
Этот вечер значит очень много.
Он на десять лет такой - один.
Опуститься до греха земного
У меня есть тысячи причин.

Из мелочных обид,
из жарких споров.
Сквозь камни и огонь,
сквозь горький дым,
Из тихих задушевных разговоров,
Из грусти тех, кто мною был любим –
Растут мои стихи.
Из тьмы, из праха,
Взывая к неизвестным мне чужим.
Растут стихи - моя сума и плаха.
Мой страх и бред.
Я знаю цену им.

На окошке, в кружеве из дыма,
Прах сдувая табака и грез,
Вспоминая,
кем была любима,
Тихо плачет, не роняя слез,
Кутаясь в ночную тишину,
Дама привлекательной
наружности,
Молча собираясь на вайну
Сосознанием
собственной ненужности...

Рисунок Людмилы ТАНКОВОЙ

Когда умирает душа,
Оркестр похоронный не слышен,
Процессии долгой нет,
И речи не говорят.

Когда умирает душа,
Мы ходим, едим и дышим.
Но меркнет небесный свет,
И как-то тускнеет взгляд.

Когда умирают друзья,
Мы новых друзей не ищем.
Мы молча сидим в тишине,
Не пряча опухших глаз.

Когда умирают друзья,
Мы курим, мы пьем и... дышим.
И с каждым вздохом они
Все дальше и дальше от нас.

Когда умираем мы,
Все странно, легко и тревожно.
О нас говорят хорошо
И в девять, и в сорок дней.

Когда умираем мы,
Другие живут осторожней.
Не дай же Бог, пережить
Нам души свои и друзей.

Рисунок Людмилы ТАНКОВОЙ

Так много пустоты и страха,
Так мало чистого тепла.
И пусть любовь моя, как плаха,
Я берегу тебя от зла.
Мне мало слов по телефону,
Но я на скудость не ропщу.
Раскрыв остывшие ладони,
Тебя, как птицу, отпущу.
Твой дом - весь мир, а я - земная.
Нам не ужиться, не срастись.
Но чистотой полна до края
Тобой подаренная жизнь.

Людмила ТАНКОВА

Во все века, люди пытались заглянуть в книгу будущего, попытаться предсказать то, что надвигается на нас неотвратимо – рок. Многие, ощутив приближение радости или беды, трактуют это предчувствие по-своему: легкий чих принимают за знамение судьбы, а раскаты колокола вечного – за летнюю грозу.

Часть отроков рода человеческого облачается в одежды прорицателей, ясновидцев, предсказателей. Они изобретают образчики прогнозов, сонники и слезники, и все только для того, чтобы хоть как-то прокормить свою ленивую плоть.

Но в таком случае каждый из нас способен предсказывать с не меньшим успехом, чем супруги Глоба, а то и сам Нострадамус. А что в этом предсказании главное? Главное – долго и с усердием смотреть в хрустальный шар при свете свечей. Вам нужно будет совсем немного. Прежде всего, отказать от всяческого общения с внешним миром, он будет отвлекать своей суетой, ежедневными проблемами.

Итак, нужна комната почти без окон. Полумрак. На старых, побитых молью занавесках пыль веков в палец толщиной, за неимением оной сойдет и дорожная. Стол завален древними манускриптами, что покоятся под толстым слоем той же пыли. На небольшом участке свободного места облапанный жирными пальцами хрустальный шар. Надо сказать, что шар может быть как натуральным, так и поддельным, даже из бутылочного стекла, главное убедить себя в том, что это тот самый утерянный шар Нострадамуса, только слегка позеленевший от ноши предсказаний.

На вас бесформенный балахон, тоже почиканный молью, что является свидетельством упорного долготерпения в заточении и усердия. Заглядывайте в шар... Что? Открытие?

Да, вы можете понять многое из того, что есть в человеке, узреть не только то, что есть в этом мире сейчас, что будет потом (откуда кто узнает, что оно так и будет), но и вдруг сподобитесь попасть в такое далекое прошлое, куда и мысль не залетала, боялась.

Гули-гули

Верховный Дух намаялся, летая по белу свету и, добравшись до дому, первым делом отправился в мыльню.

Горячая ванна слегка взбодрила его. Тогда принялся он измывать татарник. Разотрет пунцовый цветок до пены, потом водой окатится и чувствует, как оживает, молодеет тело.

Погрузился он в благодатную пену и стал размышлять о бренности бытия, о недавно созданной голубой планете. О той, что была заселена не только всякой тварью божьей: рыбами морскими, гадами ползучими, зверьями невиданными – но и человеком...

- Да уж, человеком..., - вспомнив о людях, усмехнулся про себя Верховный Дух.

- Вот удумал экспериментатор, так удумал... Создал по образу и подобию своему... А вот чем дело закончится – и сам не знаю.

Верховный Дух набрал в себя побольше воздуха и нырнул в воду, разгоняя пушистую пену и красные лепестки мыльнянки.

- О-хо! - выдохнул он, выныривая из воды. Тело приобрело молодость и свежесть.

- Надо бы туда наведаться, да поглядеть, чего они там еще начудачили. Театра не надо. На Земле тебе и комедия, и драма – всё в одном флаконе.

Верховный приподнял руку... и застыл в удивлении: между телом его и рукой сияла радужная мыльная плёночка. Боясь разрушить красоту, Дух даже дыхание задержал. Пускать мыльные шарики – это забава всех небожителей, но тут родился гигант. Вот дунь на него, и он исчезнет, оставив лишь капельки едкого мыла.

Пленка была похожа на крыло неуклюжего археоптерикса.

- А почему я не летаю? – воскликнул Верховный Дух.

Он оглядел миры. Вон белка-летяга, зверь, а летает. Правда, не далеко. И рыба летает, но не высоко.

- Петро, - окликнул Верховный Дух своего верного помощника, - Почему я не умею летать?

- Наверное, в этом нет необходимости, - Ответил Петр, немедленно материализовавшись из синего облака. - Зачем летать, если можно телепортировать?

- С одной стороны, да. Телепортация – это удобно.

- Разве есть другая сторона? – Петр был невозмутим в своей уверенности.

- Есть, - виновато развёл руками Верховный. - Телепортация – это что? Сейчас я здесь, а через мгновение – на другом конце Вселенной. Но что делается между двумя точками, я не знаю... А хотелось бы.

- Вы хотите летать, как археоптерикс?
- Разве твоя служба не могла бы создать что-нибудь более симпатичное и подвижное, чем этот монстр?

- Это к Николаю. Он чудотворец у нас, и из чего угодно сделает что угодно.

Верховный Дух вздохнул, соглашаясь и позвал:

- Николай, ты где?
- Здесь, босс, – отозвался чудотворец, появляясь из тьмы небесной. В руках он держал клетку, накрытую куском ткани.

- Слыхал?
- Конечно, слышал и даже кое-что принял.

Николай снял покрывало с клетки. В ней сидело чудо-животное: тело было покрыто перьями, как у облаков, только твердыми. Вместо передних лап, как у археоптерикса, за спиной были сложены два крыла, только легче и сильнее.

Пластинчатый нос или рот (не поймёшь),

короче, клюв хищно изогнут. Жуткие когтистые лапы намертво сжимали ветку. Каждый палец лапы заканчивался, как у тигра, острым когтем. Животное угрюмо смотрело исподлобья.

Верховный Дух почувствовал, как по спине бегут мурашки, до того тяжёл и пронзительен был взгляд необычного животного.

- Это кто?
- Орел, царь птиц!
- Любишь ты создавать царей. Тебе что мало проблем со львом?

Верховный Дух и Пётр обошли вокруг творения.

- Если я такой появлюсь на Земле, хороша же у меня будет слава, - задумчиво произнес Верховный.

Николай торжественно сложил руки на груди: ему птичка глянулась.

- Зато на всех трепет наводить будешь.
- Зачем?
- Для остротки.

Дух поморщился.
- Убери птичку... Убери...
- Совсем?

- Пусть живет. Орлом, говоришь, её зовут... Ладно, пусть этот царь живёт высоко на скалах, чтобы людей не пугать, и ловит зайцев да мышей, чтоб не зазнавался.

Николай подхватил клетку, чтобы быстрее раствориться во тьме небесной, но Верховный его окликнул:

- Ты мне создай такое существо, чтобы летало, немноженькое было и человеку мило. Хочу понаблюдать за своим изобретением «по образу и подобию» со стороны.

- Так вселись в самого человека, или в животину какую.

- Печально всё это заканчивается. Помнишь, я вселился в Зевса, что на горе Олимп жил. Так тот себя Богом объявил, да ещё громовержцем. Чуть Илью без работы не оставил. А Быка Аписа помнишь? Так его вообще в жертву принесли. И другим не лучше стало. Одна маёта для животины.

- Да-а-а, - вздохнул Пётр, - нехорошо вышло.

- Так что, друг любезный Никола, будь ласков, создай птичку.

Весь день прошел у Николая в трудах. Тысячу тысяч раз приходил он к Верховному Духу, приносил клетку с очередным экземпляром. Всё без толку. То слишком велика была птица, то слишком мала, то не так смотрела на мир.

Утомились небожители от работы, попали кто где смог.

Пётр сел на свое голубое облако, чтобы раздохнуть от дел насущных: ведь всех пернатых расселить надлежало, дать им имена, пищу и кров.

Сидит, развлекается изделием своих рук: а две птички-невелички друг вокруг друга ходят и гулюкают. Невзрачнейшие, серенькие создания, но уж больно ласковые: то целуются, то милуются – и всё «гулю-гулю». Душа радуется.

- Пошто утаил тварей небесных, - грянул за спиной голос Верховного Духа, - пошто не представил пред очи мои?

Испугался Петр гнева Верховного и говорит:

- Не сердчай на меня. Ты же отверг и могучего орла, и красавца павлина, и проворную синицу, и мудрую сову. Где уж моим простеньким гулям с ними состязаться? Так просто я их создал, для отдыха души.

- Не прав ты, Петр, такая птичка всегда и всем мило будет. Она и ласкова и незаметна. Сели её к людям, пусть гнезда вьёт над окнами. Люба мне твоя птичка.

На этих словах они и порешили вопрос. С тех пор живут голуби около человека. Обидеть птицу грех, потому что в её обличье на Землю приходит сам Верховный Дух, чтобы доглядеть за творением своим – за человеком.

Рисунок Олега ГОЛОВУГА

Чистый поток параллельного мира

На небе кажется ночь. Или почти ночь?

Давай разберёмся: «почти ночь» - это что? А может быть «почти ночь» - это как?

Разобраться нет уже сил. Но по тому, что в коридорах компании пусто, как в бескрайней Вселенной, а за пластиковым окном от Барколя зажглись фонари, и проносятся машины с зажженными фарами, можно определить - ночь всё-таки наступила.

В здании остаются несколько горящих окон, в том числе и наше.

Нашествие тёмного времени суток определяю ещё по одному признаку - голова становится большой и легкой, словно воздушный шарик. Такая невесомая, все мысли в подвешенном состоянии. Под воздействием турбулентных потоков усталости, мысли слетают со своих извилин и легко кувыркаются в пространстве черепной коробки, ни мало не заботясь о материализации нервных импульсов.

То, что рабочий день давно закончился, не факт, а состоявшееся действие для большинства служителей корпоративной идеи. Для мыслящего человека конец трудового дня - это начало собственно рабочего времени, потому как и после того как свои насиженные кресла покинет большая часть труженников умственного труда, ваять нечто, почти гениальное, становится легко и просто. Можно освоить темочку, посидеть от души над материалом, дополнить текст измышлениями о листочках и цветочках, из простого шахтёрского клямбура сделать конфетку. И тогда на полосе в газете не только «шагают комплексы по лавам». При этом никто из служителей бумажного действия не требует очередного отчетно-причетного опуса в триста страниц.

На сегодня сделано почти всё. Осталось «покурить, да итить». Я счастлива, потому что голова мыслит в унисон с уставшей от долгого сидения пятой точкой.

Заходит шеф (тоже дома не сидится), спрашивает: «На Казыр пойдёшь?» (и это почти ночью).

Все части моего органа соединены между собой лишь физиологически, а номинально каждая мыслит сама по себе. Поэтому на вопрос шефа голова слегка задумывается. Она уже давно угорела от города, пыли, гари, семьи, очередного номера газеты, кухни. Ей хочется на улицу, подышать свежим газом, посмотреть на тусклое ночное небо в газовой пленке. Если повезёт - увидеть пару звёздочек.

Потому голова глубокомысленно хочет произнести что-то вроде «да, нет, и не знаю даже».

Ноги, застоявшиеся от двенадцатичасового бездействия на мягком офисном кресле и от безделья вспоминавшие Алтай, горы, броды, волю, чистые реки и воздух, подпрыгнули и заорали во все свои пятки: «Да-а-а!».

Голова удивлённо взбросила брови: «Что значит «Да»?». Но нижние конечности, ничего не объясняя, умалали: «Скажи «Да». Да, да, да...».

Вместилище мыслей ещё немного подумало: «Пожалуй, надо вознаградить конечности за долготерпение. Да и сама развеюсь. Глядишь, мысли по полкам наконец-то рабегутся. Ладно, пусть уж будет «Да».

II

...Пятница. Утро. Не могу точно утверждать, что утро, потому как на небе та же Луна, только немного в другом месте. Под окном жужжание машины. Разъездились. Потягиваюсь и на другой бок.

Резко заорал будильник. Ему в унисон поёт мобильник... Хорош дуэт, но чего бы ради. До подъема ещё спать и спать. Будильнику по шапке. Мобила не замолкает. Рефлекторно несу её к уху, и незамысловато думаю о звонящем, посылая его в места весьма отдалённые. Из трубки знакомый до боли голос. Где-то я его уже слышала?

- Ты готова? За тобой уже едут.

Шеф! Слово от кипятка, подскакиваю на кровати. Начинаю вспоминать вчерашнее:

- Я же собралась в рекламный тур по Казы-

ру на выходные...

Моя голова брюзжит:

- Делать тебе больше нечего. После тяжёлой недели можно бы дать себе подольше поспать.

Ноги уже носятся взад и вперёд по комнатам и радостно поскрипывают:

- Ничего в электричке подремлешь. Вперёд - к свободе!

Летаю по дому: умываться, зубы чистить, кофе, бутерброд в зубы. Надёргиваю по ходу движения брюки (зачем-то лыжные), майку, ветровку, на ноги «буцыфалы» (это ботинки такие удобные, теплые и не скользящие на мокром склоне). Конечно, можно было и кроссовки надеть. Они и лёгкие и модные. Но приказано - ботинки. Мне их принесла сама начальница, озабоченная комфортным и безопасным движением своего подчинённого.

Итак: на ноги надеваем трекинговые ботиночки на узорчатом ходу. На спину - рюкзак с тем необходимым, что было определено условиями приглашения. Оно и понятно, на дво-

ре осень, первые заморозки и первый снег уже пролетел, так что перчатки и пуховичок не повредят вдали от дома и цивилизации. Настоящего рюкзака мне по счастью не досталось, так что обхожусь илюхиным школьным, но тоже довольно вместительным. Под окном снова урчит машина, останавливается. Похоже, эта за мной.

Несу к машине, как угорелая. Запрыгиваю, киваю всем «привет», падаю на сиденье, веки вместе, голову набок - хочу уснуть. Не тут то было, соседи по рекламному туру начинают муссировать вопрос о времени накрытия «поляны».

Мой организм безмолвствует: пить ночью? Нерентабельно. А потому и в машине, и в электричке придрёмываю.

- Следующая станция «Лужба».

Передали по громкой связи. Народ зашевелился. Я вместе с ними. Рюкзак на плечи. Иду к выходу, вспоминаю молодость из прошлого века, горжусь своим туристическим прошлым, радуюсь тому, что достаточно ловко отличаю тропу в тайге и горах от асфальтовой шоссейки в городе. Значит, не совсем «чайник».

Дорогу нам преграждает водная артерия. Неглубокая, но вброд не перейти. Мы, городские жители привыкли к мазутно-мутной Томи. В ней и ног плавца не видно, не то чтобы донышко, рыбок, песчинки. А здесь речушка чистая, как слеза младенца. Смотрю в неё, и в сердце поднимается волна умиления и восторга. У ног, перекачиваясь через большие и маленькие камешки, тихо струится вода. Она холодная и приятно леденит ладони. На дворе осень.

Откуда-то из детства приходит чистый поток. Хочется наклониться к реке, вымыть руки, напиться, зачерпнув горстью хрустальную воду. Обжигающий глоток. Вода не пахнет хлоркой, от неё не несёт химией, она первозданная.

потихоньку опускаю руку за борт. Та быстро немеет. Да, студёна речка осенью.

Дальше, как-то всё буднично: в первом приюте нас покормили, затем рюкзаки сложили в квадрацикл (любопытная техника, по любым буеракам, как по асфальту), и пешком по хорошо ухоженной дороге вперёд - на Алгуй. Дорога скучна. Одно развлечение, что здесь все всех знают. Почему? Да потому что все кто встречается нам, все здороваются.

На каком-то этапе ходьбы, от руководителя проекта поступает предложение «доехать на машине до Пьяного озера». Ноги опять гаркнули своё «Да», наверное успели подустать, а может быть они другие слов и не знают. Однако голова, как ни была сердита на нижние конечности, милостиво согласилась на поездку в цивилизных условиях.

Путешествие становится интереснее. Монотонная ходьба сменяется весёленькой качкой и потряхиванием на ухабинах и валунах. Приходится держаться за поручни и поддерживать части тела, чтобы они не развалились на очередном бугре.

Остановка. Выгружаемся.

Ни трезвого, ни пьяного озера что-то не видно. Зато около дороги лежат пьяные наши спутники, рядом рюкзаки, чуть ниже - небольшая лужа.

Опять пardonьте, оказывается - это не лужа, а то самое Пьяное озеро. Видимо только по великой пьянке сей водоём можно назвать озером.

Итак, озеро обнаружено, рюкзаки здесь, а приюта, что-то не заметно. Как-то не пахнет здесь гостеприимством, обещанными щами и горячей баней. Что-то здесь не так.

Точно, не так. Все эти удовольствия по карте расположены недалеко по прямой, в жизни же, чтобы достичь их надо всего лишь подняться на крутую гору, вершина которой теряется из глаз где-то там, а затем еще и спуститься с неё. Что веселее - время покажет.

Кидаем с шефом рюкзаки на спину (да... по такой тропинке лимузины не ходят) и пошли вверх. Сотоварищи только ещё одолели километраж, и, все в мыле, изволят выпить с устатку. И вот он подъём. Склон так это под сорок пять градусов, а то и поболее. Тропинка узенькая, шириной в одну стопу. Вторую поставить рядом не моги - промахнешься. Так что остановиться не судьба. Приходится поочередно ставить ноги все выше и выше по склону. А это вам не прогулка по улице Кирова.

Плечи радуются тихой радостью, что при подготовке к поездке не нашлось для них настоящего рюкзака, высотой с мой рост. Школьный раз в три меньше туристического, и то на подъеме кажется, что его набили кирпичами. Пояс верхних конечностей опускается всё ниже и ниже, почти достигает тазобедренных суставов. Дыхание становится прерывистым. Лёгкие, привыкшие к воздуху без кислорода, сжимают спазмами. От избытка этого самого кислорода в голове появляется лёгкое кружение.

Сдерживаю в себе желание забраться в реку с ногами. Понимаю, что буду выглядеть абсолютной идиоткой. Чтобы избежать соблазна, отохожу от берега, начинаю рассматривать чистый пестрый галечник. Каждому камешку на этом берегу как минимум несколько миллионов лет со дня их образования. Пытаюсь представить, как выглядела местность хотя бы пару миллионов лет назад. Получалось очень мило: теплынь, вокруг пальмы, змеи, носороги... А может «лес дремучий снегами покрыт»? Вправо и влево расходятся звериные тропы, стаи птиц в небе синем. В любом случае нигде не видны следы ног человеческих. Речушка мирно журчит, как и сегодня. Высокая трава прикрывает её берега. Над ними высятся горы...

А вот горы похоже такие же, как и миллионы лет назад. Ну, может быть чуть повыше или пониже. Вот, к примеру, те две вершины, что величественно поднимаются меж гор, как они выглядели?

В задумчивости впериваю взор на вершины.

- Это Дураки.

Поясняет мне мой собственный начальник. Возвращаюсь в день сегодняшний. Почему Дураки? Оказывается, что на них (их не две, а три штуки), может подняться любой дурак, до того они пологие и утопанные. Рассказывают, что на их замечательных склонах есть достопримечательность, галюн (pardonьте за столь щекотливое упоминание), так вот стены этого заведения обиты металлическими пластинами с гранками нашей любимой газеты «Горняцкая солидарность». О как!

Тут за нами подошла лодка. Пора на другой берег. Перевозчик, хорошо пропитый мужик неизвестной национальности, причаливает, и пока мы грузимся, вычерпывает с дна воду белой шахтёрской каской (как символично). Деревянная моторка, выплывавая дугу, идет тяжело. От борта до воды всего одна ладонь и та плашмя. Не сдерживаюсь и

Ноги уже слегка трясутся. Это тебе не на каблуках по асфальту цокать. Надо ботинок поставить так, чтобы на слизняке он не поехал вниз, а ты с размаху не ударила бы фейсом в грязь.

- Безобразия, - скулят нижние конечности, - неужели трудно сделать здесь эскалатор, или, на худой конец, простые ступеньки забетонировать.

- Может тебе ещё и фуникулер построить, - задыхаясь, ехидно проговорила голова.

- Не откажусь.

Склон переходит в тягун. Шеф улепётывает вверх до безобразия быстро. Мне становится стыдно, а потому, шикнув на бранящиеся части тела, прибавляю ход, в надежде на то, что вот-вот должно прийти второе дыхание.

Но где бродит это второе дыхание, никто не знает. Лёгкие надрывно свистят и уже в открытую кроют матом голову, ноги и всех остальных, согласившихся на халявный тур.

Ногам не до шуток, потому как из трясушки их стало бросать в столбняк. Икроножные мышцы (ишь ты, название то какое, не сразу и вспомнишь на крутом склоне) начинают грубо шантажировать весь организм. Грозят забастовкой, если их немедленно не вернут домой.

- О чём вы дорогие, - хрипит от натуги голова, кислородная атака чистого воздуха сильно сказалась на её мыслительных способностях, но не до беспредела, - назад дороги нет. Электричка пойдёт через три часа, а за это время мы не дойдем до неё. Хотите ночевать на берегу? Без еды, спальника? Соберитесь ребята, потерпите. Вы можете, и я в вас верю.

Второе дыхание, где же ты где? Где тебя нелёгкая носит?

Очень хочется упасть на травку, покрытую изморозью, и не двигаться.

Слева от тропинки весело разместилась семейка молодых опенков. Кривенькие ножки, лихо заломленные шляпки...

Ах, нахалы, вы ещё насмехаться.

Ты гляди, самый маленький язык показывается, дразнится. Ну, нас не проймёшь. Голыми руками не возьмёшь. Подумаешь, какая-то горка. И не такая уж она высокая, и не такая уж она и крутая. Вон шеф уже почти на вершине. Что мы не ходили по горам? Ещё и по круче этой перемахивали...

Органон встряхнулся, собрал всех воедино. Голова, от возмущения и стыда, собрала в кучу мысли и чувства. Ноги прокомандовали: «Эй, там, на палубе держитесь!»

А тут подоспело и второе дыхание. Стало легко и весело. В мире оказалось столько интересного.

Осенний мир черневой тайги был также прекрасен, как и летом. Грибы и грибочки высквакивали на дорожку, чтобы поглядеть на нас городских, которые, покинув теплые постели, шлёпали по осклизшей горной тропе. Ни кем непуганный мышонок, замер от удивления. Он привстал на задних лапках, поводя крохотным носиком, втягивая в себя новые запахи. Глаза-бусинки созерцали пришельцев...

Это был один из тех параллельных миров, которые окружают нас со всех сторон. Мы

не можем в него проникнуть и не знаем о нем ничего, можем лишь догадывать, придумывать, изучать анатомию, физиологию. Но кто из нас точно может сказать: о чём жители этого мира думают, что они чувствуют, как они к нам относятся? Кто может с ними поговорить? Э-э-э! Вот то и оно! Времена колдунов и ведунов безвозвратно прошли. Остались в наличии лишь ученые да шарлатаны.

...Ты гляди, за беседой и время прошло, и вершина приблизилась.

За частоколом из пихт долины не видно. А жаль. Хотелось бы увидеть, где она там и какая?

- Увидите ещё, - бурчат ноги, - лучше поглядывайте на дорогу. Под горку, это не в

горку. Здесь и навернуться легко.

Что верно, то верно. Чуть не так ноги встали и поехали. Так, внимание на дорогу. Шлёпнуться не хочется.

Склон становится всё круче и круче. Приходится идти на полусогнутых. Каждая травинка тебе сестра, каждый куст — брат. Инстинктивно хватаюсь за макушки этих сестрёнок и братиков. А они держат, помогают мне преодолеть земное притяжение. Сквозь деревья засветилась долина. Гордо расправляю торс. Вот мы какие, и всё то нам нипочём!

Уже переправляясь через ручеёк по бревенчатому мостку, успеваю заметить, что долина очень похожа на полуприкрытый глаз хакаса. Хм-м-м...

Около верхнего века приютились три домика, между ними крохотный ручеёк.

- Это не ручеёк, - поясняет шеф, - это река Алгуй.

Кто бы спорил. Вот и приют, который должен нас приютить. На первом этаже столовая, а нам дорога на второй этаж, по лестничке, что будет покруче горы. Забираюсь на этаж на четвереньках. Так интереснее. Еще в детстве мы так забирались на крышу бабушкиного дома. На крыше было тепло, уютно и пахло сеном.

планеты было благо. Встал человек на две ноги, научился кое-чему в жизни и пошел оставлять свои следы там и сям. Пожалуй, кроме следов от ног на песке, ничего путного человек не сделал для природы, одни убытки. Вон Красная книга покраснела от стыда за наши деяния. Н-да, куда ни кинь, всюду клин.

Тонкий запах березового дыма вклинился в мысли. Возвращаемся. Нас ждет ещё одно чудо в тайге — баня. Ну, мимо этого пройти никак нельзя. Родной хондроз жестко предупредил о возможных последствиях. Но перевесила баня. В ней всё путём: просторная раздевалка, мыльня и парная. Тётки, напарившись, бегут на улицу и ныряют в Алгуй. На улице конец сентября, в воздухе пахнет снегом... и купание в реке. Совместимо ли это?

Проверим. Из парной несусь на улицу, спускаюсь к речке и, не раздумывая, не советуясь с органоном, сажусь в воду...

А-а-х! Дух захватывает. В кожу втыкаются тысячи маленьких иголок, и усердно массируют тело, да так, что оно на секунду становится невесомым. Выныриваю и снова в реку. Класс!!!

Первый раз выдерживаю только два ныряния.

Парная возвращает тело на планету, а дух молодееет лет на двадцать. Хочу ещё.

Тут в нашу девичью баню, скромно вваливается бородастый и датый коллега. Он в непонятках, чего это тётки зажимаются, засобиралась вдруг...

Пока суть да дело, на землю падает ночь. Тёмная, жгучая. Над чаще межгорной впадины сияет алмазами звёзд далёких и неизведанных миров, чернильно-синий купол неба. Вот она потайная дверь в бездонную Вселенную. Кажется, что если подняться сейчас на макушку горы и толкнуть небесный свод, то откроются врата Мироздания. Надо только суметь найти заветную тропинку в ночном мраке, ползущим от земной поверхности. Надо только вычислить код шифра, которым заперта эта дверь.

Вдруг между горой и Вселенной образуется тонюсенькая щель, будто небесный свод хочет оторваться от Земли и отправиться в свободное путешествие в межгалактическом пространстве. Но багорные крюки чёрных силуэтов елей и пихт с силой врезаются в темно-синее тело и крепко держат непостоянную небесную сферу.

Щель увеличивается, и в неё на Землю начинает струиться космос. Он студён и жесток. Чтобы защититься, нежные земные травы накидывают на себя пушистые белые шубки. Камни, валёжник, хрупкий мостик через ручей покрываются белёсой ледяной испариной.

Холод забирается и за воротник к горетуристу, который до этого считал, что самая дикая природа находится в городском парке.

Турист ёжится, вожаделенно поглядывает в сторону тёплого домика. Но его друзья-товарищи и соратники по рекламному туру взбодрены солидной порцией Acva Vita? В них уже на сорок градусов выше, чем в окружающем мире. Потому инсинуации по поводу космического заморозка им не даны.

Большой, бородастый дядя, пытит словно печь. Его голову венчает малюсенькая до вульгарности бейсболка. Прелестные сланцы, надетые на босу ногу, абсолютно адекватно смотрятся с изящно помятыми шортами a la Maimi. Белая майка умопомрачительно прикрывает источающую пар волосатую грудь, и сексуально подмигивает, открывая весьма внушительный и ощутимый для чужого глаза,

круглый живот.

Туристы празднуют день свободы от цивилизации. Они собрались вокруг костерка, они не поют и не рассказывают байки. Разговор бесшабашный, бессмысленный, как в любой изумленной компании.

Истинный турист уже привык к тому, что за пределами городов есть прекрасный мир. Они приходят в него, чтобы отдохнуть душой, очистить сердце и мысли от городской скверны, набраться сил. Почувствовать себя маленькой песчинкой в необъятной жизни параллельного нам мира. Потому вечером у их костра байки и песни не затихают.

Мы же оглушены открытием, смотрим на пламя костра. Видимо вот так же смотрели на огонь наши далекие предки. Страх перед неизведанностью притягивает нас к освещенному пламенем месту.

Но костру на это ровным счётом наплевать. Потому он, как и тысячи лет назад, поплывёт в окружающих небольших искорках. С удовольствием принимает сухие ветки и поленья. Почуввав очередное жертвоприношение, костерок принимается обжаривать дар. Пробегится огоньком по поверхности, пару раз лизнёт, потом вдруг вцепится в деревяшку мёртвой хваткой и разольётся по тьме светом и теплом. Грейся путник наздоровье.

Конечно городской житель, упакованный в притеплый пуховик, двигается к костерку, смело расстёгивается, сбрасывает с себя колпак. Огонь пригревает, размаривает спереди, а вот сзади острыми иглами вгрызается космос с его холодом. Вращаясь вокруг своей оси, чтобы как-то поддерживать тепловой баланс, человек улыбается, поругивая себя в душе.

- Дома тепло и свет сбалансированы, постель теплая, мягкая. Куда тебя понесло, в какую тьмутаракань? Сейчас бы перед телевизором... на диванчике... на столике чай с мёдом... Э-хе-хе!

Чтобы согреть спину, незадачливый турист поворачивается. Крутые склоны гор зловеще нависают над головой. Тьма-тьмущая так густо намазана на горы, что кажется невозможным по ней пройти.

Щель на стыке горы и неба становится всё светлее и шире. Из него выплывает серебристый поток, он пробивает тьму и падает на макушку противоположной горы. Это восходит Луна. Её свет, будто вода, стекает с макушки вниз, весело бежит по склону, спускаясь всё ниже и ниже. Немыслимо ровный и белый он высвечивает остовы деревьев, громады скал. От света начинает блистать, словно россыпь драгоценных камней Голконды, изморозь на траве и деревьях.

Луна легко выкарабкивается из-за горизонта. Улыбчиво смотрит в долину и, оттолкнувшись от горы, подпрыгивает в небо.

Тишина ночи нарушается шумом незамёрзшего водопада, да шелестом прозрачных струй речки Алгуй. Звуки пьяненького разговора у костра тонут в тишине морозной ночи. Они повисают около огня, заглохают. С десяти шагов уже и голоса не голоса, а морозный шелест, и костёр не костёр, а простая звёздочка во мраке суток...

Постепенно у костра становится все меньше и меньше туристов. Гаснет костерок, природа и ночь поглощают цивилизацию. Наступает царство истины. Люди спят в домике, кто, где и как может.

Утром долина, покрытая толстым слоем изморози, встретила проснувшийся народ звенящей тишиной. Шум воды утонул в морозе. Ослизлые бревнышки мостков грозились скинуть человека прямо в поток.

После умывания и завтрака нам предстояло продолжение банкета, но уже на другой стороне горы, да ещё и в некотором удалении от замечательного Пьяного озера.

Что ж, такого «селяви». Раз уж другого способа, выбраться из означенной долины, не придумано пока: самолеты здесь не летают (и даст бог, ещё долго не будут летать), эскалаторов не построено. Рюкзак снова на плечи и вперёд. На гору!

Подъём уже не утомил так сильно, как вчера, чувствовалось, что органон отдохнул, помылся в баньке. Потому второе дыхание открылось достаточно быстро. У подножья горы нас ожидало маршрутное такси. Эта-

кий замучено-замызганный Пазик. По тайге на маршрутке... Приколно!

Обрадовались зря. У Алгуйского месторождения талька, нас выгрузили и предложили пешую прогулку по тайге, через несколько приютов. Обещано, что для нас будет забита свинья, то есть, готовится обед на одном из приютов.

Без рюкзаков, налегке, по протоптанным тропам... Да, легко!

Тропы и впрямь протоптаны, будто мамонты переходы делали. Всё утопано. Споткнуться и заблудиться негде. Идём смотреть Алгуйские тремолиты.

Народу они почему-то напоминают паруса лодок, но если быть внимательнее, то становится очевидным, что это стайка дельфинов несется по травяному океану тайги, и только спинные плавники высются над поверхностью.

Погода по-летнему теплая. Нам жарко. Достижаем ближайшего приюта, затем дальнего приюта... Обедом не пахнет. Бородастый дядя очень хочет кушать. Он кричит на всю ивановскую:

- Где та свинья, из-за которой я два дня по тайге мотаюсь.

Выясняется, что обед идёт вместе с нами, но к нему нет ни ложек, ни чашек, ни кружек. На очередном приюте в прокат берём инвентарь и пытаемся заморить червячка. Червячок возмущен, почему его надо заморить холодной гречневой кашей, перетоптанной с другой едой.

Экзотики становится всё меньше и меньше. Тропы всё шире, мусору всё больше: цивилизация наступает широким фронтом.

На той же маршрутке ползём по горам, по долам. Мотор греется и ревет. Его жалко. Долго не протянет в таком режиме.

Слева от нас отвесная скала, справа – обрыв. Дынышка не видно.

Допылили с грехом пополам до реки Казыр. Переправились на катамаране на другой берег. И попали в объятия туристической цивилизации: Дорожки песочком посыпаны, коттеджи треугольниками, в них кровати и постельные бельё, столовая, опять же – баня и всё такое.

Приют находится на пороге «Каша». Два могучих валуна с двух сторон сдавливают поток. А тому и деваться то некуда. Проламывается он сквозь эту щель, протискивается, бьется лбом о пороги и перемешивается в белую кашу.

Процесс завораживает. Особенно, когда из парной выпрыгиваешь. От тебя клубами пар на морозном воздухе. Бежишь к купели в реке. И вот когда плюхаешься в воду, тело, обожженное холодом потока, ликует от восторга. Выныриваешь, и до твоего уха доходит мерный гул дробления потока на мелкие частички. Порог мощными челюстями перемальвает струю, не оставляя ей даже малейшего шанса на целостность.

Баня и купель, купель – баня... Уходить не хочется, но следом идут ещё люди.

Поднимаюсь на валун, чтобы сверху полюбоваться на простое чудо природы. Околдованная потоком, не могу шевельнуться, не то чтобы уйти. Как много смельчаков есть на свете, которые решаются покорить kloкочущий ледяной котел с «Кашей»?

Там где вода ещё только целится пройти препятствие, она прозрачная. Видны песчинки на дне. Появляется дикое желание нырнуть в реку. Взмахнуть руками и ласточкой вниз...

Почему люди не рыбы? А почему мы думаем, что рыбы не люди? Ещё один параллельный мир. Что мы о нём знаем?

Ого! Мысли разгреблись по своим полкам. Появилось жизненное пространство для словоблудства. Восстанавливаются связи меж оксонами и дендритами. Глаза не только смотрят, но и видят. Уши слышат мир. И всё это осмысливается.

Я ловлю себя на мысли, что не хочу возвращаться в параллель большого, душного и шумного мира, где людской поток втискивается между валунами гражданских законов, перемальвается и перемешивается в тёмную кашу, в которой не видно человеческих душ.

Фотоэтюды

Андрея ИЛЬЯСОВА из серии «Поднебесные Зубья».

Обнять светлое будущее...

Вадим шел вперед к светлому будущему широко, будто крылья, раскинув руки.

Он долго блуждал во тьме, прежде чем увидел тусклое пятно света. Да, это было то, что надо.

- Клево, - сказал Вадим, спотыкаясь в очередной раз, - бабка с дедом всю жизнь работали для того, чтобы будущее было светлым. Теперь они каждый день ругаются с матером и фатером, потому что те могут покупать будущее оптом и в розницу. Только кто из них видел, какого цвета будущее? А я вижу и даже потрогать смогу...

Так, разговаривая сам с собой, он смотрел туда, где появился свет. Так ведь можно и не только увидеть это будущее своими глазами, но можно и потрогать, узнать: какое оно – это светлое будущее, с чем его можно есть.

Вадим пошел в сторону света. Старая прошлогодняя трава, проросшая короной молодой травы, цеплялась за ноги, не позволяя быстро добраться до сказочного времени. Парень спотыкался, падал, пацка новый костюм, который мать привезла из Германии специально для выпускного.

Белая дорогая рубашка давно выскочила из брюк и торчала из-под пиджака, галстук виновато показывал язык из кармана, куда его сунула Анжелка. Она нашла их с Ромкой в дальнем углу коридора. Думала, что ребята пьют пиво, и просто взбесилась, увидев руку Вадима перетянутую галстуком. «Ты же мне обещал...» - говорила она, развязывая галстук, и тут наступила на пустой шприц. «Дерьмо», - проговорила Анжела, затолкала ему галстук в карман и ушла.

«Вот дура» - тускло подумал выпускник, поднимаясь после очередного падения. Ему хотелось помириться с Анжелой, но как он не знал, да и не хотел сейчас знать. Наступил на свисающий край атрибута взрослой жизни и не заметил, как дорогой галстук выпрыгнул на поле и остался лежать тоскующей змеей.

Вчерашний ученик поднял глаза и увидел перед собой прозрачного человека. «Полный отстой, - подумал он. - Исчезни!» Вадим потряс головой: человек превратился в куст. «О, плюмба, ты кувиркаться? Ну я тебя сшибу...» парень сделал шаг вперед и плюнул на куст, не попал. Плюнул еще раз. Безрезультатно. Плевки падали ближе дальше, но на куст не попадали, тот стоял, как замороженный.

Послышался продолжительный звук, словно кто-то звал. Вадим поднял голову и снова увидел свет. С трудом вспомнил, куда стремился и от чего уходил.

Сегодня он стал взрослым. Лицей наконец-то кончился. Не надо больше ходить на уроки, учить, сдавать зачеты. Полный отстой. Дома тоже был отстой. Туда не хотелось. Вечно занятый своей фирмой фатер, вечно бурчал по поводу неблагодарного поколения. Его редкие появления в родовом гнезде были так редки, что общались с ним только в виртуале. Правда, просмотр фатером дневника, приносил дзенски. Договор есть договор: за каждую пятёрку десять баксов, за четверки – деревянные.

Мутер строго следила за учебным процессом, вовремя носила подарки преподам, чтобы в дневнике стояли в ряд пятерки. Легко договаривалась об экзаменах. Кароче, полный отстой.

Вадим споткнулся в очередной раз. Перед ним было препятствие – насыпь с железным

Рисунок Олега ГОЛОВУЧА

рельсом наверху. Посмотрел вокруг: трава кончилась. За длинным, как линейка, рельсом лежала дорога. «Интересно, кто её сюда принес?» - подумал идущий и попытался перешагнуть рельс. Тот оказался невысоким. Пошел вдоль него, но края не было видно. Пошел от него – наткнулся еще на один. «Странно, а зачем их два? Наверное, размножаются делением».

Дорога была настоящей, почти такой, как в виртуальных играх, только странная: деревяшка, гравий с пляжа, снова деревяшка и снова гравий. Шагнул. Промаяхнул и не попал на деревяшку. Гравий громко крикнул под ногами. Встал на деревяшку, чтобы не тревожить сердитый гравий. Прицелился и прыгнул на следующую часть дороги.

Странная дорога. Можно было просто залить бетоном, как взлетную полосу или закатать асфальтом, как двор в лицее.

В лицее полный отстой, заняться нечем. Придешь на урок. А там поговорить не с кем и не о чем. Училка пристает с вечным: «Как ты думаешь?» А зачем думать, когда за фатером деньги за тебя сто раз на одну тему подумают. Родаки развлекались недавно – подарили колеса. Не бог весть какие. Могли бы и черного «Бумера». Было бы круто.

У Ромки тоже всегда были при себе колеса, но уже другие. От них такие приколы начинались, что шоу шепелявых с тоски чахнет.

На выпускной Ромка принес такое ширялово... крышу просто сорвало. Захотелось чего-то необыкновенного, например, уйти в светлое будущее. И он, Вадим, ушел. Ушел и нашел.

...Вот оно приближается всё быстрее. Вадим встал. Классно! Даже идти не надо. Летит, не-притормаживая. О! Заревело будущее призывно, что хоть уши затыкай.

Свет ударил в глаза.

Вадим раскрыл объятия, чтобы схватить это светлое будущ...

...Петрович, водил составы уже без малого тридцать лет. Больше всего любил именно этот перегон. Здесь не было неожиданностей: поселки далеко, дороги обходят болото и никак не приближаются к железке. Каждый куст знаком, словно добрый друг. Справа притулились ивы: переплелись, обнялись – попробуй пройди сквозь эти заросли.

А вот за этим поворотом...

Луч света выхватил из темноты человеческую фигуру. Кто-то шел навстречу...

Рука машинально дернула стоп-кран... Взвыла сирена... Заскрежетали тормоза...

Прямо перед локомотивом мелькнуло откровенно улыбающееся мальчишечье лицо...

г. Новокузнецк.

Дмитрий
СЕМЁНОВ

Участковый инспектор Синюхин чувствовал себя «чайником». Не тем, который не умеет ездить на машине или включать компьютер, а той самой емкостью, в которой кипятят чай.

От злости он начал нервно болтать ногою и тарбанить пальцами по столу. Потом шумно выдохнул, умоляюще посмотрел на посетительницу и, растягивая слова, стал выговаривать:

- Варвара Борисовна! Что ж вы уже седьмой лист испортили? Мы с вами полчаса уже пытаемся написать заявление и дальше «шапки» не продвинулись! Что вы тут опять написали? «От Мариной Вар. Бор.»

- Какой такой Вар Бор?! Я же сказал: имя и отчество пишутся полностью, без сокращений! Вы же в каждой строчке отсебятину пишете! Сначала написали: «Директору милиции», вместо «Начальнику», потом придумали подполковника, вместо подполковника. А как вы фамилию Трушин написали? Право слово, Варвара Борисовна, знал бы начальник, что вы его Трушиним и дважды Триушиним обозвали, он сам бы на вас заявление написал!

- Ну, я не знаю, оно само так пишется, - смущенно пробурчала шестидесятилетняя пенсионерка Марилина. - Я уже не помню, когда чего писала-то, сыну в армию, наверное, в 1990-м году.

- Знаете, тетя Варя! Хотя и не положено, но я, наверное, сам, от вашего лица, это заявление левой рукой напишу! А вы, если в прокуратуре спросят, поклянетесь, что сами писали! Пойдет?

-Ой, пиши, сынок, пиши! Все, как есть, подтверждаю, - и пенсионерка с чувством облегчения уступила участковому лист бумаги. И наблюдая за тем, как он быстро пишет, решила сделать уточнение. - А вот, скажи, участковый, зачем оно надо-то? Заявление это? Федька-то сам нашелся! Вон там у вас в КПЗ сидит... трезвится.

- Тетя Варя! - участковый на минуту отвлекся от написания заявления, посмотрел в глаза пенсионерке и, как будто был представителем древнейшей народности, ответил вопросом на вопрос. - Я вот, вас же не спрашиваю, как надо помы в школе-мать? И советов вам не даю! Если положено писать, значит положено, никуда не деться! Поступило от вас заявление на тему: «Прошу оказать содействие в розыске». Значит, ищем. Нашелся. Пишите, что нашелся, - и мы не ищем!

- Так-то ж вы и не искали его даже! Его Пал Сидрыч нашел!

- Искали, искали... по своим оперативным каналам, о чем нам распространяться не положено, - глубокомысленно заключил участковый, помахав указательным пальцем. И тихо напевая: «... и на первый взгляд как будто не видна...», - положил перед пенсионеркой заполненное заявление. - Так, стоп! Не торопимся! Переписываем буква-в-букву! - и участковый огромными буквами быстро написал на листке: «С моих слов написано верно, мною прочитано», - вот тут.

Пенсионерка вздохнула и медленно какими же огромными буквами стала выводить свои каракули в конце написанного участко-

Как пропадают люди...

ироничный фантастический детектив

вым заявления. Синюхин, видя это, подавился воздухом. Прокашлялся, махнул рукой. Выдернул заявление из рук, оглядел чудовищно здоровые буквы, шумно выдохнул, снова махнул рукой и со словами: «Хрен с ним, и так сойдет!» ткнул пальцем под последнюю строчку. - Вот тут подпись, как за пенсию, обычными буквами! Я крупно писал, чтобы вам видно было!

Пенсионерка поставила странную закорючку. И глядя в глаза участковому, умоляюще спросила:

- А Федьку-то когда отпустите? Он, поди, уже проспался? А то в стайку уголь перекидать надо бы...

- С ним у нас длинный разговор будет, - участковый отвернулся, складывая бумаги в папку. - И не оглядываясь, пояснил: - В его смену в Садовом обществе происшествие было. Надо с него объяснение истребовать. Все-таки сторож.

- Так вы чего? Думаете, это Федька по садам лазил? Да не в жизни! Пить, пьет, а воровать бог не научил! Вы этого скупилона Сидрыча не слушайте! Он вам наговорит! В прошлом годе он, плут, деньги на колодец собирал, и где теперь тот колодец? Аккурат на его участке! И вообще... Я на него губернатору пожалуюсь!

- Жалуйтесь, жалуйтесь. Можно даже в Генеральную Ассамблею ООН написать, - участковый взял пенсионерку под руку и стал выводить ее из кабинета.

- А это в Москву надо писать? - переспросила Варвара Борисовна.

- Ну почти... - скрывая ехидную улыбку, промурлыкал участковый. - Я вам адрес потом на бумажке напишу... и через Федора передам. Идите домой. Не пропадет Ваш Федя. Всего хорошего! До свидания!

Участковый закрыл за посетительницей дверь. И только собрался звонить по телефону, как услышал в коридоре вопли и шум перебранки. Дверь в кабинет распахнулась. В него забежал толстый плечистый мужик лет сорока в каракулевой кепке. Крикнув в коридор: «Варвара Батьковна, приходи в правление вечером. Все тебе покажу: все печати, всех губернаторов!» - захлопнул дверь. Обернулся к участковому, снял кепку, обнажив потную лысину, театрально улыбнулся и, не дав участковому открыть рот, деловым тоном спросил:

- Ну, начальник, как там Федька? Поплыл?

- Не контактен, - пробурчал Синюхин. - А вы, Павел Сидорович, доверенность принесли?

- Да какая, начальник, доверенность? Брось ты, мы же не под протокол тут беседуем! Ты мне скажи: левые это были или все-таки свои скрысили?

Некоторое время Синюхин выдерживал паузу. С одной стороны, ссориться с председателем правления садового общества «Красный камень» ему не хотелось, с другой стороны, участкового весьма раздражали нахрипистость и хамоватость Павла Сидоровича Папенко.

- По факту возможного незаконного проникновения в садовые домики по улице Зеленая и Жасминная проводится проверка, до конца разбирательства ничего вам пояснить не могу, тем более, что пока собственники не обратились с заявлением по установленной форме, - отчеканил Синюхин и воззрился на татуировку на руке председателя садового общества. Та была весьма лаконичной и гласила: «Не гони!»

- Ну вот, опять включил казенную пластинку... разочарованно пробубнил гражданин Папенко. - Я же не от себя, я по поручению общества...

- А доверенность принесли? - обрадовано парировал участковый и ехидно улыбнулся.

- Давай, брат, поговорим, как мужик с мужиком! Без выкрутасов этих. - И Папенко помахал пальцами, как будто нежно мял женскую грудь, потом демонстративно погладил оттопырившийся карман кожаной куртки.

- Не могу, как мужик... - участковый скорчил мученическую гримасу и продолжил, - я должностное лицо! Пока, кроме факта проникновения, мы ничего подтвердить не можем, как и причастность к нему гражданина Федора Присыпкина.

- Капитан, я ведь мог сам этого алкашенка развести! Но я же вам его предоставил тепленьким, почти не попорченным. Пьяным, правда... Но иначе его с психушки бы не выписали! Ты понимаешь, что там не просто хату подняли, а выставили фазенду самого Пантелева! А что будет, когда он с югов вернется?

- Без оценки ущерба мы не можем уголовное дело возбудить и отказать в его возбуждении тоже не можем. - Равнодушным бюрократическим тоном отрезал участковый и постукал костяшками пальцев по потрепанной книге с заголовком «Сборник подтекстов Российской Федерации». Выдержал трехсекундную паузу и добавил: - Может быть, в этом трехэтажном «домике» всегда такой бардак был...

- Не надо мне тут отмазки лепить... - раздраженно фыркнул Папенко. - Не помогут они мне. Давай проясним расклад. Факты - вещь упрямая. Восемь или больше садовых домиков прошерстили. Сперли всякую мелочевку. А единственная охраняемая дача перевернута капитально. При этом сторож исчезает и обнаруживается на третий день в больничке, где косит под психа. Как я сам выяснил, бухал он беспробудно. Спрашивается, на какие такие шиши? Ежу ясно, что он тут при делах, навряд ли сам все замутил, но бомжей-субутильников навел он!

- Вот пусть этот еж и разбирается. Мне пока ничего не ясно. Сплошные загадки и нестыковки, - рявкнул, не выдержав, участковый. И тут же стал, загибая пальцы, перечислять: - Во-первых, следов там было обнаружено не менее пяти, и все от разной обуви, причем обувь, как тапочки, без подошвы. В доме все перевернуто и нагажено, так только подростки себя ведут. Во-вторых, пентаграмма в самом центре дома нацарапана. На кухне мы топор нашли старинный, самодельный и рванули из плохо выделанной кожи. И, самое смешное, в коридоре разбросаны около полутора тысяч рублей! Бомжи - они что растапы и деньгами швыряются?

- У нас что, Маугли завелся? - удивился председатель садового общества. Почесал щетину и, обрадовано замахав указательным пальцем, выдвинул свою версию: - Да, это шпана куролесит! Нарядились индейцами, ну и заигрались. То-то Федька все твердил, про каких-то дикарей. Ну, точно! Все сходится. Только, куда они барахло-то утащили?

- Вот про это я и говорю, - вздохнул участковый, - похоже, сторож Присыпкин тут не замешан. Не логично в этом деле все. Ох, не логично. Не просто. Я сам на сатанистов или там толкиенистов грешил, только вот утром новая информация к размышлению. Знаешь, на повороте с трассы Бахруз кафешку строят? В полутора километрах от твоего садового общества. Так вот, у него бригада гастарбайтеров пропала со всем инструментом. И куда они делись, никто не знает, так как бригадир тоже пропал. Бахруз решил, что это мы их в плен взяли. А мы-то и ни причем.

- А они не могли все замутировать? - насторожился Папенко.

- Могли. Но тут уже нестыковки с показаниями Присыпкина обнаруживаются.

Участковый достал распечатку ксерокопий иностранных паспортов и задумчиво стал всматриваться в лица пропавших строителей, изображая на лице напряженную работу мысли, нашептывая в полголоса непривычные имена: Равшан, Джамшут, Сайхаттуло, Мирзебаллай, Сагитт...

Председатель садового общества пару минут молчал, морща лоб о свою кучерявую кепку, затем, встав со стула, решительно заявил: - Так, если эти неруси с Присыпкиным заодно были, тогда все понятно становится. Вы-

ставили хату, потом устроили нам спектакль с этими пентаграммами и топорами, чтобы мы на молодяк подумали. А Федька главный придумщик. И чтобы отмазаться, в дурничку побег сдаваться. Я думаю, прессовать его надо на полную катушку.

- Все у вас, приבלатненных, честных предпринимателей, просто, - вздохнул участковый. - По закону, чтобы прессовать, нужно сначала дело возбудить... Нам эти кражи в конце квартала совершенно не нужны.

- А вы по факту пропажи иностранцев возбудите. И как подозреваемого в похищении, Федьку отработайте, как следует, и по почкам, и по куполу... - дал совет Папенко.

- Знаете, гражданин председатель, я скоро, наверное, плакат вывешу: «Не говорите нам, что нам делать, и мы вам не скажем, куда вам идти!». Этих иностранцев по имеющимся документам вообще в природе не существует. Ну, не въезжали они на территорию нашей области. Нелегалы. А нет тела - нет дела...

- Но вы же разбирательство по розыску Федьки начали? А он тоже, вроде, приживалой живет у Варвары, - нашел аргумент председатель.

- Федька-то местный, прописка есть. Даже на учете, как семейный дебошир, у меня стоит. Да и сожительница у него наличествует, которая в розыск подать может. А Бахрузу, может, даже выгода от пропажи строителей будет. Работяги работали у него два месяца, а вот заплатил он им или нет, другой вопрос? Я подозреваю, сбежали они от него калымить на другой объект...

- Или дальше воровать, - добавил председатель садового общества.

Кархун Косматый, третий ярлолт горского клана Мантагов чувствовал себя кипящим котлом, который окунуто в снег. Ярость шипела и бурлила в нем, словно горная река. «О, жестакые Боги!» - выкрикнул он, сжав в руке тяжелую секиру, и в порыве ярости бросил ее себе под ноги в снег. Следом выдал уже совершенно непотребный тираду, в которой приличными были только предлоги. Два десятка воинов клана, одетые в кожаную броню с нашитой бронзовой или железной чешуей и кольчуги, опустив тяжелые колья и массивные боевые топоры, с молчаливым пониманием тупо взирали на своего предводителя. Боевая ярость считалась одной из добродетелей, которой жестокие Северные боги одаривали достойных вождей. Воины молча расступились, пропуская Кархуна в центр боевого построения, где на снегу сидел бледный пареня в длиннополом одеянии мага.

Молодой человек хрупкого телосложения с юношеским пушком на подбородке, обреченно выронил из рук посох, прижал к груди медальон-амулет, зажмурился и по-детски шмыгнул носом.

Вся пламенная речь вождя горцев касалась непосредственно его и не сулила юному магу ничего хорошего. Неотвратимым ураганом разъяренный вождь горцев приближался к магу и, буквально, в три прыжка оказался возле него. Занес мускулистую руку в латной перчатке, чтобы одним ударом выбить дух из несчастного юноши. Но здравый смысл остановил карающую десницу варвара.

Кархун с сожалением взмахнул рукой над головой юноши и только слегка ткнул его в лоб. Ожидавший удара секиры юный маг ойкнул и завалился в снег. К нему тут же, повинувшись жесту вождя, подбежали два воина подхватили под руки и поставили на ноги. Кархун, не снимая латной перчатки, взял парня за подбородок, заставляя открыть глаза, и сквозь зубы просипел: «Ну, и где мы? Это разве замок Редстоун?» Юный маг по имени Асмолис не знал, что сказать... Да и Кархун уже сам мог разобрататься в очевидном. Дилетантское колдовство мага-недоучки забросило его и воинов совсем не туда, куда он планировал.

Рисунок Олега ГОЛОВИЧЕВА.

«Каменные Пики Агарты! Зачем я поддаюсь искушению закончить поход побыстрее? - размышлял Кархун. - Доверять стоит только честной стали. Если небесам и горным ветрам было угодно задержать их в Антейской долине, надо было, скрипя зубами, смириться с судьбою, а не искать легких путей. Но мне не терпелось вернуться домой с добычей и славой, обнять жену, посадить на шею своего первенца, устроить пир с друзьями и собратьями по оружию... И что теперь?»

Кархун шумно выдохнул, подозвал к себе десятника Сарила и, жестом указав на видневшийся вдаль дымок, распорядился:

- Бери Гантия и Хаклуса, пробежитесь до того холма. Внимательно все осмотрите. Нам надо знать, куда нас забросила Хромя Судьба и этот сопливый маг! И будьте осторожны...

- Да, ярголт! Мы все сделаем, как надо! - ответил бородастый десятник и уже развернулся, чтобы уйти. Но все-таки он остановился, обернулся и спросил:

- Мой вождь! Когда мы готовились к атаке замка, еще было лето. Здесь, явно, зима. Думаю, разумнее было бы выдвинуться всем. Мне кажется, это обжитые места, и людям необходимо согреться в укрытиях.

- Я вижу снег, Сарил. И я вижу, что солнце садится. Мы вступили в пентаграмму в ночной темноте. Только боги знают, где мы сейчас оказались. Если мы в Белых землях, где Ночной полог полгода окутывает твердь, нам придется пройти полмира, чтобы вернуться домой, и я хочу довести нас всех туда живыми. Холод не страшнее неизвестности. Так что, поторопись, - ответил вождь горцев.

Десятник кивнул и бегом побежал, вместе с двумя воинами в сторону холма.

- Го-го-господин Кар-р-р-хун, - дрожащий, еще детский голос молодого мага Асмолиса, словно скрежет несмазанной дверной петели, резанул слух старого воина.

Кархун развернулся и презрительно посмотрел на юного волшебника.

-Я, я... вот. Я сейчас все прикинул... Мы не в Гарнихоле и не в Самберте. Мы вообще не в Северных землях. Мы переместились через «Третью Диагональ» То есть, я хотел сказать, возможно, мы не в своем времени и не в своем измерении... Мы, либо, в Редстоуне будущего, либо, если я напутал с рунами, совсем в другом мире, - молодой маг смутился и стыдливо опустил глаза, не выдержав уничтожитель-

ного взгляда Корхуна. Тот только сплюнул на землю и проскрежетал:

- Ты, наверное, перепутал все, что мог. Проклят будет час, когда я тебе поверил, сопляк! Ты пришел ко мне, обещая провести нас за стены замка Редстоун. И теперь сам не знаешь, куда нас завел. Если бы у тебя все получилось, мы бы уже открыли ворота герцогу Атласу и грабили личные покои мятежного Барона Редстоуна.

- Я смогу вернуть нас в Гарнихол. Я точно смогу, я этот обряд делал три раза. Правда, придется ждать полночи...

- Сделай доброе дело, исчезни до полночи. Иначе я разрублю тебя на куски, - Корхун снова плюнул, оттолкнул оруженосца, пытавшегося накинуть на плечи ярголта отороченный мехом плащ, и решительно зашагал к своим смущенным воинам.

- Братья! - обратился ярголт к своим соплеменникам. - Мы оказались в чуждой земле, но клянусь всеми богами, я вас выведу. Разжигайте костры, надевайте всю одежду, что найдете. Здесь студеной земля, но наши пламенные сердца не остынут! - Корхун шумно выдохнул, хотел еще что-то сказать, но только с сожалением махнул рукой и, пиная обледенелые камни, направился к своему бывшему наставнику в ратных делах, а теперь квартирмейстеру-Хромому Яргу. Тот задумчиво стоял на пригорке, наблюдая за удаляющимися силуэтами разведчиков.

- Ярг, что ты думаешь, об этом дерьме, в которое мы вляпались? - спросил Корхун.

- Мы не в Поземном царстве и не в Небесных чертогах. Значит, сильно ничего не изменилось. Ты долго прожил в долине, Кархун. Годы службы у герцога сделали тебя вдумчивым, ты стал похож повадками и словами на изнеженных жителей равнин. Твоя ошибка в том, что ты стал верить слабым жителям Империи. Ты искал простых путей. Но настоящие герои не используют магию. Настоящие герои ее уничтожали. Магия - это порождение демонов, - произнес, неодобрительно качая головой, старый воин. Он с самого начала похода возражал против использования магии для проникновения в осажденный замок.

- Ярг, зачем снова заводить этот разговор? Я двенадцать лет прожил в Империи. На присланные мной деньги жила половина клана. Я обучился грамоте и стал другом Герцога. Что бы у нас было будущее, мы должны не грызться с Империей, а жить вместе. Маги - это одна

из основных опор трона Императора.

- Конечно, Кархун, тебе не хочется быть простым наемником. Ты хочешь стать землевладельцем. Герцог пообещал тебе титул рыцаря и права на все нынешние земли клана. Но это не твоя земля, Кархун. Это земля горцев! Три сотни лет разные правители называют нашу землю своею. Но что получали их сборщики налогов? Копье в бок. Ты хочешь быть следующим? У нас нет господ, у нас нет магов. Я пошел с тобой в поход только ради памяти твоего отца.

- Прекрати, Ярг, я это слышал много раз. Наш народ не может жить запертым на перевале. Мы вырождаемся. Стычки с соседями, болезни, голод, - ставят нас на грань вымирания. Когда ты был молодым, в поход уходили сотни наших воинов. В этом году я смог собрать едва два десятка охотников. Либо мы изменимся, либо исчезнем.

Старый воин собрался было, что-то возразить, но в это время прибежал запыхавшийся молодой воин по имени Хаклус и без всякого почтения возбужденно протараторил:

- За леском селение... Большое... Никого живого не видно. Дома покинуты. Тропинки занесены снегом. От селения идет широкая дорога, на ней колея от телег или саней. Только в одном домике идет дым от очага.

Сарил просил подкрепления. Он хочет захватить пленных. Да и еще: вдаль мы видели высокие длинные башни. Из них клубится дым.

- Сигнальные башни? Или, может, там плавят руду? - высказал свое предположение старый Ярг.

- Надо смотреть самому. Ох, не нравится мне все это. Сейчас должно быть утро, а не сумерки. Нам нужно убежище. Об остальном пусть заботятся Боги. Сзывай людей. Двигемся всем отрядом. - Кархун поднял с земли свой щит, секиру. Отвязал от пояса шлем и водрузил его на голову. Вскоре два десятка воинов, увязая в сугробах, молча потянулись через лесок и холм по следам разведчиков.

Федька Присыпкин знал, что можно наткнуться на явления чертей, снежного человека, на крайний случай - летающих тарелок. Но когда он, выглянув в окно сторожки, увидел мужика в старинном шлеме, который закрылся щитом от собаки, то решил, что на сегодня уже хватит. Федька был совсем уж пропащим забулдыгой. Свою норму он знал. Пол-литра обычно хватало. Но сегодня он выпил только три по сто или два по сто пятьдесят.

Федька помотал головой. Пригнул в валенки. Схватил у печки кочергу. Задумался на мгновение. Плюнул. Вернул кочергу на место. Взял из шкафа старенькую тульскую гладкостволку. И громко матерясь, для смелости, выскочил из дома. Как он и ожидал, глюки не прошли.

Мужик в шлеме отмахивался круглым щитом от кавказской овчарки, утробно гоготал, в правой руке он держал топор на длинной рукоятке, обухом которого примеривался оглушить несчастного Прошку. Двухлетка Прошка заливался лаем и кружил вокруг незнакомца. Молодой пес упивался развлечением. Наконец-то нашелся неверующий Фома, проигнорировавший предупреждающую надпись «злая собака» на заборе.

Федька, крикнув хулигану: «Чего, штаны лишние?» - остался в дверном проеме и демонстративно перехватил ружье в руках. Хулиган отвлёк от собаки, оценивающе глянул на Федора и пролаял непонятное ругательство. Федор в ответ, с чувством превосходства, направил на незнакомца дуло ружья и рявкнул: «Руки в гору, господин хороший! Неча казенных собак дразнить!» В это

же время Федор услышал шум над головой, поднял глаза и увидел, как на него съезжает «крыша».

- Бля!.. - только и успел он сказать. И оказался погребенным под снежными сугробами. Ружье обиженно хлопнуло выстрелом. Заряд мелкой дробы стрелнул в небо. Спрыгнувший вместе со снежной лавиной молодой парень, улыбаясь, оглядел оглушенного сторожа. И указав на торчащий из собачьей будки хвост, обратился к своему напарнику:

- Сарил, тебе никак эта псинка понравилась? Давно бы уже ее успокоил.

Старый воин, пряча щит за спину, ухмыльнулся в усы и пробурчал:

- Пес, конечно, красивый, но только сторож из него...

Подняв с земли доску, Сарил закрыл ей вход в собачью будку и подпер снаружи плахой для рубки дров.

- Чего так долго возился? - спросил он молодого спутника.

- Не каждый вечер по чужим крышам лезу... Кто знал, может, она провалится?

- Провалится она, ага! Смотри, сколько снега держала. А этот привратник весьма не прост был. Посох громовой имел... - Сарил выдернул из снега ружье и стал внимательно его рассматривать.

- Ты бы, десятник, поостерегся: все же вещь магическая, вдруг на чужих наколдована...

- Молчи уж, знаток женских мягкостей! - Сарил ухмыльнулся, показывая обереги на груди. Я с Кархунем в Антейской долине второй десяток лет. Уж боевую магию могу почуять. Нет здесь опасной магии, так - мелочевка. Маг бы с нами разговаривать не стал, нежить бы наслал или скрючил бы сразу заклятием. Вытаскивая этого и тщи в дом. А я пойду Кархуну докладывать.

Молодой воин по имени Гонтый кивнул, но на миг по его лицу пробежала гримаса обиды. Как только Сарил скрылся из вида, Гонтый дал волю своим эмоциям. Он пнул ногой оглушенного чужеземца, снял с пояса моток веревки, и, опутывая локти сторожа дома, принялся бурчать себе под нос: «Вот опять... Сарил доложит, Сарил наврет. А это я захватил пленного. Я по следам у срамного места догадался, что привратник один. Я залез на крышу этой хоромины. А Сарил только собаку гонял. А теперь он герой!...»

Гонтый сгреб из сугроба оглушенного мужчину и поволок его внутрь дома. На пороге парень остановился. «А не обрушатся ли на меня проклятия? Я вошел в чужой дом, да еще волоку туда побитого привратника? Надо умиловить домашнего духа... Только где он? В каком углу? Где домашний алтарь?»

Гонтый стал оглядываться. Все вокруг было непривычное. И тут, словно ответ на вопросы обиженного дребезжания и гул. Большой белый сундук покачнулся и замер. Гонтый упал на колени и, бормоча извинения вперемешку с молитвами, настороженно смотрел на белый алтарь домашнего бога.

Старый потрепанный холодильник «Бирюса» за все тридцать лет своей службы никогда не удостоивался такой чести. Торопливо доставая из-за пояса пару речных жемчужин, Гонтый решил подойти к чудному алтарю. «Ох! Ошибался Сарил. Ошибался. Магия здесь есть!» - подумал молодой воин.

Непривычной была обстановка жилища. Не увидев снаружи алтаря никакой дароносицы и ниши для подарков, Гонтый решил потянуть за ручку странной белой штуковины. Мигнув пару раз, внутри зажегся свет. И удивленный Гонтый увидел сокровищницу алтаря. Там были дары. Из всего того, что было внутри, Гонтый смог опознать только куриные яйца. Нерешительно он положил внутрь свои подарки и, кланяясь, попятился к выходу. Грома и молнии не последовало. Белый сундук громыхнул пару раз и затих. «Жертва принята», - рассудил Гонтый и перевел дух.

И тут же его озарило прозрение. И чего он перетрусил? Перед походом, в день священной Агарты, старухи жрицы сделали восковые фигурки всех воинов, отправившихся в поход. И теперь все чужие проклятия обратятся не на них, а на фигурки. Фигурки стоят в святилище Агарты, а уж древняя богиня сможет защитить своих детей.

Впрочем, истинное свое имя парень не проносил, а значит, подземные духи не смогут живым затащить его в Подземное царство. А что это означало? А это означало, что он первым оказался в чужом доме и по праву победителя хозяина может взять, что захочет. Правда, громовой посох Сарил унес с собой, но все-таки дом полон имущества. Гонтий встал во весь рост, хлопнул в ладоши, прогоняя духов корысти. И уже по-хозяйски стал оглядывать помещение. Пленник что-то пробурчал. Гонтий нахмурился. Подошел к печи. Ох, и чудной тут дымоход? Сгреб горсть золы и измазал лицо пленного. «Ну вот, теперь охранные духи тебя не узнают. Хоть запросись подмоги. Теперь можно подумать о добыче.»

Для начала Гонтий обшарил карманы пленника. Несколько мелких монеток, какие-то листочки с надписями, бумажный пакет с травами, упакованными в тонкие трубочки. Явно, благоволия. Колец и украшений нет. Ну, что ж... Явно, это не купец. Привратник. Откуда тут богатства? Впрочем... Гонтий глянул на печь и улыбнулся. Возле поленицы дров стояло металлическое ведро, наполненное углем. Это означало, что где-то рядом должна быть кузница. А что самое ценное для воинов? Металл! А этого добра здесь должно быть достаточно. Следовало поискать оружие... Разрез десять минут активных поисков Гонтий разглядывал целую кучу металлических и деревянных предметов. Увы, мечей, щитов и доспехов он не нашел. Похоже, воин здесь не жил. Все найденные ножи, явно, предназначались для кухни, работы они были качественной, но вот хлипковаты. Два найденных топора были мелковаты, имели короткие рукоятки и для боя не годились.

Самым ценным из найденного был большой моток медной проволоки, железная кружка и большая крышка из белого легкого металла, размером походившая на щит. Да еще в железной емкости он нашел несколько десятков отличных металлических гвоздей.

На меч, конечно, не хватит. Но вот если взять метал с крестьянских орудий... Тут Гонтий увидел сточергу. Обрадовано взвесил ее в руке. Три Стоуна! Металл, сразу видно, хороший. Настоящая сталь! Ну что ж. Если взять еще посуду... Вполне неплохой куш. Кроме того, в углу висела одежда: фасоны чудные, но все же Гонтий примерил верхний кафтан, зеленого цвета. Окрас был пятнами. «Чисто, лягушка!» - отметил Гонтий, глядя на себя в зеркало, возле вешалки.

И тут же заметил то, что глупо просмотрел. Зеркало! Какое оно большое? Два локтя высотой и локоть шириной. Такие зеркала делают для королей. А какая работа?! Если его распилить на обычные, с ладонь... Ух! Хватит всем девкам селения! Нет. Не надо его пилить. Такое зеркало в городе можно продать за золото. А какая интересная посуда? Из такой и принц не откажется откусать. Не золото, конечно, но весьма искусно сделана. Местные гончары - хорошие мастера! Да и стеклотувы тоже. Гонтий запоздало увидел под столом целую коллекцию стеклянных емкостей. Не в каждой таверне подавали вино в стеклянной посуде. Видно, жизнь у местных не голодная. Подняв одну из емкостей, Гонтий увидел, что в ней налита прозрачная жидкость.

«Вода!» - обрадовался Гонтий, не надо пить из вонючих бурдюков. Он, не раздумывая, сделал большой глоток. И тут же выплюнул обжигающую жидкость. Закашлялся. Вот ведь, нахлебался уксусу. Гонтий понюхал емкость, резкий запах запоздало подтвердил, что это, отнюдь, не вода.

Гонтий замешкался, первым желанием было пойти и исторгнуть из себя возможную отраву, но потом он почувствовал волну тепла по желудку, догадался, что жидкость - не яд, скорее, лекарство. Парень подошел к огню печи и стал осматривать другие емкости. Похоже, это питье у хозяина дома пользовалось популярностью. Гонтий встряхнул бутылку, одна из капель жидкости попала на чугунную плиту, зашипела и вспыхнула. Гонтий ухмыльнулся, капнул на стол из бутылки. Поднес тлеющую лучину и, удовлетворенно стал разглядывать голубой огонек сгораемой жидкости. Жидкий огонь! А Сарил, что-то говорил об отсутствии признаков магии. «Ну-ну...»

...Значит, это громовая палка? - спросил

старый Ярг, осматривая принесенный Сарилом предмет.

- Да, она гремит, как гром, а с металлического конца извергаются искры, - пояснял на ходу бородастый десятник.

- Пахнет дымом, - констатировал квартирмейстер. - Но, судя по изгибам, это не жезл и не посох, скорее, напоминает мне ложе арбалетов жителей Гарникола. Что скажет маг?

- Что может сказать сопляк? Обзовет это посохом легендарных колдунов Замаргары, - раздраженно пробурчал вождь горцев Кархун. Но после паузы сказал, - впрочем, я вижу тут руны. Думаю, его все же стоит позвать. Эй, Хаклус, приведи сюда мага! Мы уже подошли к поселку. Пусть будет под рукой.

В это время воины уже выстроились цепью рядом с заборами. Они недоверчиво разглядывали заснеженные крыши и странную колею дороги. До слуха доносились обрывки их недовольного бурчания: «Людей не видно, может, тут чума прошла... Залодованное место... А в окнах-то стекло... Гляди, как блестит, не во всяком храме на стекла тратаются... Вот мы тут стоим, а к нам, пади, уже все их войско спешит... А может, это гробницы? Дома для мертвцов? Крепости не видно... Люди так жить не будут.»

Рядом залаяла собака. Напряжение людей разом стало улетучиваться. Все знали, что собачий лай прогоняет нечисть. И по цепи воинов шепотом доносились другие предположения:

- Уехали жители на праздники в город... А может, тут кочевники живут? Откочевали в теплые места... Подняли бунт. Их всех казнили, а дворы теперь ничейные...

Когда запинаящегося мага подвели к Кархуну, тот вместе с Яргом разглядывал крупную надпись на заборе.

- Что скажешь, маг? - спросил Кархун. При этом последнее слово в его устах прозвучало ругательством.

Прищурив глаза, маг заинтересованно осматривал три крупных символа. И тут же начал пояснять.

- Я предполагаю, что первый символ, косой крест, как и в других местах, означает солнце. Другой символ похож на рогатый знак покровителя скота и плодородия - Уда. А крайний справа очень напоминает изображение громовых стрел Зига. В целом, я думаю, это охранные символы. Это сообщение можно расшифровать как предупреждение. «Мы охраняемы светилом, многочисленны и плодотворны, и готовы сражаться - обрушимся подобно грому!» - закончил Асмолис.

- Мне наплевать на твои предположения, сопляк! - прохрипел Кархун. - Я думал, ты мне ответишь твердо, что значат эти знаки, и где мы оказались. Но ты только предполагаешь! Сарил, ты видел подобные надписи в других местах этого поселения?

- Во множестве. Большая часть именно из трех символов. Думаю, это оставляют люди, когда покидают свой дом. В некоторых домах много пыли. В домах нет людей несколько месяцев. Под некоторыми надписями изображения мужских детородных органов. Возможно, эти надписи связаны с брачными обрядами. Я захватил пленного, вероятно, он все прояснит.

- Хорошо, Сарил! Приведешь пленника ко мне. А я в это время навещу вон тот трехэтажный особняк. Думаю, там живет владелец этих мест. Либо это храм... В любом случае, нас ожидает богатая добыча.

- Равшан, ты думаешь это хорошая идея, да? На ночь глядя переться в эти развалины? - чернявый мужичок в рабочей спецовке бежал за своим напарником, пряча руки в просторных рукавах.

- Э-э, Сагитт, ну, чего ты предлагаешь? Жадный шакал, отродье нечистой собаки, Бахруз, не платит нам денег. Хорошо, хоть кормит пока. А до Уразы, думаю, совсем про нас забудет! А тут деньги предложили сразу!

- Да. Деньги это хорошо, но вот воровать кирпичи было не хорошо, да... А если Бахруз узнает, да? Если кто проболтается?

- Наши не будут болтать, разве только Сайхоттулло лишнее скажет. Но мы все сделаем быстро, и никто ничего не поймет. Я каменщик в третьем поколении, «Стройтехни-

куму» окончил и работаю с кирпичами второй десяток лет. И такой фокус делал уже не раз. Пока никто мне не сказал, что я Аллах прогневил.

- Да, Равшан, я верю тебе. И Джамшут тоже самое говорит, да. Но сначала надо было привезти старый кирпич, выложить стенку, замазать все, да. А потом новый продавать!

- Сагитт, хватит кудахтать, словно женщины! Бахруз до субботы тут не появится. Место мы давно присмотрели. Мирзэбалал с Джамшутом уже все заготовили. Пять ходок с тачками, и мы все перевезем! Еще два дня у нас, чтобы сделать эту стенку! Я в Казани мечеть строил, в Красноярске - здание администрации. И там мы кое-что сэкономили, и никто ничего не понял.

Ведя разговор, мужчины подошли к полуразрушенному облезлому двухэтажному зданию с выцветшей надписью на фронтоне: «Санаторий Солнечный». Некогда вполне крепкое здание с одной стороны почти до фундамента было растащено по кирпичикам. В километре от здания находился дачный кооператив и, вполне очевидно, что брошенное здание постоянно подвергалось набегам любителей халых строительных материалов. Нынешние владельцы этой недвижимости, явно, сэкономили на сторожах. И поэтому все защитные меры от расхитителей заключались в бетонной стене, вбитой прямо в центр автодороги, ведущей к руинам. Сваю вбили от всей души - ровно до середины. И из-за особенностей рельефа ни одной машине не удалось бы подъехать к развалинам ближе, чем на сотню метров. Вот эти сто метров два гастарбайтера и преодолели на своих двоих.

- Что то не слышно, чтобы наши работали! Уже темно скоро будет, - удивился Равшан и крикнул, - эй, Джамшут, голова твоя, овечьи кишки. Где ты спрятался? Время намаза еще не наступило...

Предчувствие опасности, заставило его обернуться. Он увидел людей, бегущих к нему с двух сторон. Бегущие были ему не знакомы, мало того, они выглядели очень и очень странно. Если бы беспорядочно намотанные разноцветные одежды незнакомцев были бы более грязными, их можно было бы принять за бомжей. Но было несколько важных отличий: все мужчины были вооружены топорами и мечами, на головах их блестели бронзовые и стальные шлемы. Сквозь наброшенные фуфайки, «Аляски», кожаные и камуфлированные куртки, женские махровые халаты просвечивали кольчуги...

Кархун Косматый задумчиво оглядывал трехэтажный дом местного дворянина. В том, что дом принадлежит представителю местной элиты, сомнений не было. Высокий кирпичный забор, металлические решетки на окнах, крепкие цельнокованные железные двери, роскошь внутренней отделки комнат, причудливая мебель. Смущало только отсутствие конюшни. Но ведь и людей тоже не было. Не могли же богатые люди путешествовать пешком? Сели на лошадей и уехали.

Кархун задумался. Искусение присвоить себе это жилье, да и весь поселок, было очень велико. Но обнаруженная на третьем этаже большая картина, охладила «захватничес-

кие» планы Корхуна. На картине была запечатлена битва. Что за сражение, Корхун так и не узнал. Напрасно он и маг пытались разобрать надписи внизу. Даже если бы Корхуну стало известно, что на картине изображены люди, умершие больше четырех веков назад, это бы не развеяло охватившее его чувство тревоги при взгляде на картину «Грюнвальдская битва», подаренную бизнесмену Пантелееву чешскими партнерами. Хромой Ярг застыл перед картиной на полчаса. Он внимательно рассматривал картину. Цокнул языком и констатировал:

- Да-а, весьма толково сделаны у них доспехи... А вот седла неудобные. Думаю, тот что в центре, хозяин дома или его предок... Чую, нарубит он нас в капустку, когда вернется.

- А я вот думаю, хозяин совсем не воин! - решил сделать замечание десятник Сарил. - Смотрите, сколько книг в этом деревянном стоячем сундуке! И какие в них четкие буквы! Возможно, он колдун. Иначе, почему он не оставил охрану?

- Если бы он был колдун... - пробубнил Корхун, - мы бы уже ощутили его магию. Я думаю, местные ушли в поход вместе с семьями. Врагов поблизости у них, видно, нет. Вдали мы видели странные дымные трубы. Возможно, там что-то происходит... Я думаю, нам надо скорее вернуться домой, я не хочу искушать судьбу. Как думаешь, Ярг?

- Я велел всем вернуться, когда зайдет солнце. Гонтий, пошел осматривать руины к северу, там слышались подозрительные стуки. Я дал ему десяток Захра. От пленника пока ничего узнать не удалось. Он не понимает нашего языка, - Ярг шумно выдохнул. Повертел в руках странные изрисованные бумажки, которые нашел в тайнике у камина, забросил их за спину. И вытащив нож, аккуратно начал срезать пеструю шелковую ткань с дивана, приговаривая, - какой мы плащ сошьем, всем на зависть!..

- А хозяин этого дома, возможно, собиратель редкостей, - вновь подал голос Сарил, рывшийся в книжном шкафу. Он вытащил подарочное издание книги «Охотничьи ножи», ткнул в одну из цветных иллюстраций и радостно воскликнул:

- Можно я заберу эту книгу? Я закажу кузнецам такой кинжал.

- Бери, бери - проворчал старый Ярг, - скатывая содранный ткань и присматриваясь к бронзовым ручкам на мебели. - Гляди, вон в том углу - изображение того, что с тобой сделают хозяева, когда вернутся... - И Ярг недобро улыбнулся, обнажив свои гнилые редкие зубы.

Несколько секунд Сарил разглядывал изображение распятого на кресте человека. Потом сплюнул и проворчал:

- Ну, если защита этого дома только на этой запугивающей деревяшке, то я спокоен. Хозяева надеялись на стальную дверь и решетки. Но смогли же мы их выбить? Если боги нас благословят, мы сумеем унести все трофеи домой. Ребята набрали много добычи. И хоть золота и серебра здесь нет, зато много всякого добра, которого не найдешь ни на одном из рынков Равнины. Одежда, правда, смешная. Но если перешить, то вполне ничего.

Молодой маг Асмолис смотрел на ночное небо чужой страны и грустно вздыхал. Звезды было видно плохо, но их рисунок поразительно напоминал очертания родного неба. Маг заглядывал в исписанные листки и нервно перебирал четки. Он не услышал, как к нему подошел Кархун.

- Ну что, путаник, когда ты намерен вернуть нас домой? - осведомился ярог горцев.

Асмолис испуганно вздрогнул, из его рук посыпались исписанные пергаменты, он лихорадочно бросился их подбирать, при этом стараясь не смотреть в лицо вождя горцев, чтобы не выдать своего страха.

- Отвечай, щенок, когда тебя спрашивают! Я мог бы нанять настоящего мага, но связался с такой пустышкой! - Корхун скалой навис над молодым волшебником.

- Господин Кархун, - проблеял Асмолис, - я действительно где-то ошибся... Но пентаграмма была начертана мною верно, все астрономические знаки были указаны правильно. У меня только одно предположение... Это

Редстоун будущего, либо это совсем другой мир... Другая реальность...

- Ты думаешь, я совсем не понимаю в магии? - Кархун ухмыльнулся. - Я читал работы Сапфиния. Он утверждал, что нельзя попасть ни в прошлое, ни в будущее. Прошлое мертво и исчезло, а будущее еще не свершилось.

- Это если перемещаться в границах одного мира, но их, возможно, миллионы. А при перемещении из иного мира в наш - можно выбрать координаты переноса произвольно. И место, и время... Возможно, я где-то напутал в символах реальности, - стал оправдываться Асмолис.

- Я вижу, у тебя появилось настроение мудрости? Может, мне следует, для освежения твоей памяти, отрубить тебе пару пальцев? Ну и, ежели ты забросишь нас опять не туда, я буду укорачивать твои конечности, пока к тебе не вернется память! - рявкнул Кархун.

- Я точно могу перенести нас в Гарнихол, этот обряд я проводил неоднократно. Цепь древних мегалитов не даст вмешаться случайностям, - торопливо заверил Асмолис.

- Ну что ж, пусть будет Гарнихол... Я не прочь снова посмотреть на Пирамиду Астия, к тому же оттуда ближе к горам, чем от Редстоуна. Воины нагружены добычей, было бы глупостью отказаться от возможности продать ее на рынке столицы равнины. Когда ты намерен провести обряд?

- Я почти готов, мой господин. Здесь полнолуние, как и в нашем мире... Энергия Открытой луны сможет перенести нас всех. - Асмолис уже унял дрожь в руках и ответил уже вполне уверенно.

- Не забудь про пальцы... - пробурчал, криво ухмыльнувшись, вождь горцев. И пошел к трехэтажному дому, где уже пировали его воины. В разграбленном доме нашлись запасы крепкого спиртного.

До полночи оставалось полчаса. Причудливая пентаграмма в центре захваченного и разграбленного дома, уже была начертана. Для нанесения рисунка пришлось с пола снять линолеум. И теперь несколько воинов спорили косяком достанутся куски «чуждой кожи».

Стараясь не обращать внимание на суету вокруг, Асмолис ритуальным обсидиановым ножом вырисовывал последние руны. Он замер и около трех минут задумчиво смотрел на рисунок, держа в руках занесенный нож. Эта пауза не укрылась от внимания Кархуна, придирчиво наблюдавшего за манипуляциями мага.

- В чем дело? - спросил ярголт варваров.

- Числитель или знаменатель? - словно разговаривая сам с собою, пробормотал маг.

- Какой числитель? - вспыхнул возмущенный Кархун, демонстративно положив руку на торчащий за поясом кинжал.

- Символ Равновесия, в третьей диагонали... Если я нанесу его не в той параллели, мы можем перенестись в прошлое. Я уже сомневаюсь... - абсолютно равнодушно ответил молодой маг.

- Как это можно проверить? - настаивал Кархун. Последний час он чувствовал себя как на иголках. Дурные предчувствия стали терзать опытного воина. Сам воздух чуждого мира казался ему ядовитым, пахнущим дымом и разложением.

- При переносе возникает аура. Если я не нанесу все тридцать три знака, пентаграмма не активируется... Но если я ошибусь... Она возникнет, но будет отличаться цветом. А цвет можно увидеть только при переносе достаточной массы.

- Пятерых тебе хватит? - спросил Кархун, явно выражая раздражение и нетерпение.

- Думаю, в самый раз, - ответил Асмолис. Одним росчерком нанес символ и улыбнулся, взглянув прямо в глаза Кархуна. Тот хотел было осыпать молодого мага ругательствами, но сдержался, поняв, что сейчас не то место и не то время. Кархун отошел к Яргу и дал распоряжение подготовить захваченных пленников. Ярг сокрушенно помотал головой:

- Ох, зря! Их можно было бы продать в южные страны за неплохие деньги!

- Если этот дурень ошибется, пусть чужому небу удивляются рабы, а не мои воины. Если он не ошибется, рабы от нас никуда не денутся, - отрезал Кархун.

Солнечные лучи, преломляясь в цветных витражах, играли разноцветными бликами на мраморном полу зала Большого Приюта магов Гарнихола. Великий Магистр Каспертор, развалившись в мягком кресле, перебирал в руках простые деревянные четки с вырезанными рунами и, улыбаясь, смотрел на своего заместителя Гильдмастера Фотия, который принес белоснежную шкатулку с пергаментными свитками.

- К аудиенции все готово? Я думаю, нам следует закончить это сегодня. Великий Архитектор Вселенной намекает нам, что дело того стоит.

- Да, Ваша Божественная милость, я навел все необходимые справки. Все подтверждается, - Фотий поставил шкатулку на стол Магистра.

- Ну, тогда рассказывай, что тебе удалось выяснить нового. - Великий магистр отложил четки и начал изучать принесенные бумаги.

- Как я уже докладывал, кандидат Асмолис родился в Гарнихоле, воспитывался при храме Четырех Ворот, так как его семья вся погибла во время бунта Сапрема Третьего. После чего он был взят в ученики магом нашей гильдии Примунартом. Мои источники подтвердили эти сведения. Парень на редкость сообразительный, но премудростей полного цикла посвящений не достиг. Примунарт специализировался на обеспечении магического переноса по всей цепи мегалитов и имел соответствующую лицензию.

С месяц назад Примунарт был обнаружен в сточной канаве с перерезанным горлом. Причиной такого конца явились его подозрительные махинации со своими клиентами. Примунарта неоднократно обвиняли в том, что обратившись к нему люди бесследно исчезали. В результате, к нему обращались весьма рискованные и скользкие типы, для того чтобы быстро улизнуть из Гарнихола. Думаю, Примунарт просто отправлял несчастных грешников напрямик в Подземное Царство, а не в указанные в договорах места.

- Друг мой, прошу ближе к личности кандидата! Он был замешан в этих историях? - не выдержал магистр.

- Думаю, едва ли. Примунарт был не заинтересован в разглашении своих делишек. После того, как он погиб, молодой человек попал в затруднительное положение. Он, не имея лицензии и официального признания статуса, не мог заниматься переносом людей по цепи Мегалитов. А перемещение в произвольные места требовало скрупулезных расчетов, таблиц же переносов у него быть не могло. Эти тайны наша гильдия свято хранит.

- Но ведь Примунарт этим занимался? - спросил магистр.

- Да, занимался... Но, насколько я знаю, записей он не вел. Если бы у нас были доказательства незаконной деятельности, он сразу же расстался бы с лицензией. Впрочем, Примунарт и так плохо кончил.

- Насколько я понял, оставшись без средств существования в результате гибели учителя, паренек подался к наемникам?

- Да! Тут начинается самое интересное! - Фотий указал на один из документов и продолжил рассказ. - Он присвоил себе титул мага и пообещал вождю варваров магическим образом провести его в осажденный Редстоун.

- Ага, выходит он все-таки нахватался от Примунарта привычки влезать в «скользкие» дела, - магистр усмехнулся.

- У него, наверняка, не было выбора. Но, думаю, утечка информации из гильдии все-таки была. - Фотий нахмурился.

- Это не столь важно. Слухи о наших возможностях давно просочились в мир. И хотя мы их отрицаем, дабы не привлечь излишнего внимания дворянства, многие горячие головы остужают знание того, что мы можем открывать все закрытые двери. - Магистр довольно улыбнулся.

- У меня есть все основания заявить, что Асмолис нашел для нас еще одну, ранее не известную дверь... - Фотий молча выложил из шкатулки на стол магистра небольшой кругляш из латуни, блестящий нож с ручкой из блестящего, похожего на рог материала, не-

привычного вида книгу. - Как я вчера уже Вам говорил, а теперь могу утверждать - все эти вещи из другого, не известного нам мира. Таким образом, мы имеем доказательства открытия четвертой сферы, соприкосновения. Мои люди опросили почти всех горцев Корхуна Косматого, выкупили значительное количество проданной ими добычи. Все подтверждается. Вначале я сам не был уверен в фактах, указанных в обращении Асмолиса, но теперь сомнений очень мало.

- Ты проделал важную работу, Фотий. Думаю, самое время мне лично поговорить с этим удачливым юным магом. Впервые за последние триста лет, кто-либо заявил об открытии пути в новую сферу Архитектора, и грех было бы не пообщаться с ним лично.

Совсем юный молодой человек, с напряженным от волнения лицом, широкими шагами шел к креслу магистра. Не дойдя до него десяти шагов, он рухнул на колени и, не поднимая головы, стал шептать молитвы, дожидаясь разрешения говорить.

- Назовись, - услышал он приказ.

- Ничтожный ваш слуга, заблудший и презираемый, пришел коснуться вашей тени, - ответил молодой человек ритуальной фразой.

- Спрашивай, - голос Магистра был суров и решителен.

- Я раскаиваюсь и молю о прощении. Готов понести кару и искупить свои преступления.

- Подними голову, я хочу взглянуть в твои глаза, - голос Магистра приобрел более мягкий и покровительственный тон.

Парень поднял глаза и нерешительно начал: - Я без дозволения смел преступить третью диагональ. Я, движимый корыстью...

- Не надо, я все это уже знаю. Лучше расскажи, как ты смог совершить это деяния? Откуда ты получил необходимые знания? Кто вел тебя, мальчик?

- Прихоть богов! Я намеревался перенестись в Редстоун, но вместо этого... - молодой человек, сбиваясь, запинаясь, и местами повторяясь, рассказывал свою историю.

Весь рассказ Магистр молчал. И только в конце он стал задавать вопросы.

- Значит, вернувшись на место, откуда ты перенесся в чужой мир, ты обнаружил, что руна равновесия в начертанной тобой Пентаграмме имеет другой вид?

- Да! С правой стороны у знака Весов отсутствовала переключательная линия. В итоге эта часть руны стала напоминать крестьянский серп. Рисунок стал иметь другое начертание. К своему удивлению, я понял, что уже видел этот знак! В чужом мире! Вот эта пуговица была оторвана с одежды жителя иного мира, - Асмолис протянул латунную пуговицу, на которой была изображена пятиконечная звезда, в центре ее пересекались серп и молот.

Точно такую пуговицу Магистр уже видел среди принесенных Фотием доказательств.

- Очень любопытно! Получается, ты случайно угадал сакральный символ чужого мира? - обрадовался Магистр.

- Вероятно, это так, - согласился Асмолис. - Вы не привезли с собой захваченных пленников из этого мира? - спросил после небольшой паузы Магистр.

- Нет. Один из них сумел сбежать. Четверо других я... случайно отправил в другое измерение... Они не в нашем мире... Вернее, сейчас уже не в нашем мире... Думаю, они оказались в Темных веках... Я считаю, что они оказались в прошлом...

- Никто не может быть в своем прошлом... - пробормотал Магистр, - теперь они в другом настоящем.. Гм... к этому вопросу мы еще вернемся. Это спорный вопрос... А эти символы, тебе они ничего не напомнили?

- Конечно, запомнили. Поэтому я пришел к Вам, Магистр. Я прошу принять меня в Орден вольных каменщиков.

- Ты смелый человек. Ты знаешь о нашем тайном обществе? Ты готов принять на себя бремя ответственности?

- Я готов!

- Хорошо. Ты видел наши символы: циркуль и молот. Это символы Великого архитектора и его труда. Теперь это наши символы. Создатель не познаваем и неопишем. Он - великая Бесконечность. Наши враги обвиняют нас, что

мы поклоняемся пустому месту. Но они ошибаются. Те, кому они поклоняются, суть ипостаси великого Архитектора. Мы поклоняемся Целому, они - только части. разве можно уважать только руку или ногу? Мы уважаем личность. И служим Верховной Личности, частью которой мы тоже являемся. Чем нас больше, тем личность полнее. Ты понимаешь меня?

- Да, магистр. Продолжайте, прошу вас.

- Наш орден ведет начало в Темные века. Тисячелетия назад Великие строители Пирамид - Мегалитов на всех континентах собирали тайные знания. Считается, что они строили Храмы для царей, но на самом деле они строили их для себя. Вольные каменщики. Основной их труд был в собирании людей, а не в возведении чудесных строений. Они собирали знания, они собирали тайны. Они завещали нам великую цель: не растерять знания, дарованные нам Великим Архитектором; найти все миры, основанные Творцом; и вернуться в место изначалья - Благословенную Фергана. Их было четверо - великих людей, основателей нашего Ордена: Точки Джамшут, Точки Раф-Шанн, Точки Саа-Гиит, Точки Сайхат-Тулоо, - Магистр удовлетворенно отметил искренние чувства восхищения и удивления на лице молодого мага. Он кивнул головой. И сказал:

- Ты узнал нашу тайну! И теперь у тебя всего два пути - умереть или быть нашим братом. Я верю в тебя и благословляю тебя.

Асмолис снова упал на колени, но в это время в его голове бегали испуганные мысли. Эти имена... «Где я их слышал? Джамшут, Рафшанн, Сагитт, Сайхаттулоо?» - он вспомнил зеленую вспышку, в которой исчезли четверо пленников. О, как они кричали!.. И вообще, эта пентаграмма... Он, торопясь, не нанес символа завершения... Получается, каждое полнолуние она будет работать?

Магистр разглядывал нового адепта и был вполне доволен. Парень был весьма интересен, и, хотя, судя по описаниям, этот мир ничем не напоминал Райскую мифическую долину Фергана, в нем могли остаться нужные знания Великого Архитектора. Он нагнулся к подошедшему Фотию и прошептал ему на ухо: «Восстанови по описанию парня его пентаграмму и найди пару добровольцев. Нужно организовать экспедицию»...

Четвертаясь, Павел Сидорович Папенко втаскивал новый линолеум в разоренный дом Пантелеева. Жена и дочь уже привели часть помещения в порядок. Но безобразную чертовщину на первом этаже надо было обязательно прикрыть.

- Надо было все-таки заставить Присыпкина отработывать. Времени совсем нет. Придется самому всю ночь работать. Блин, почему тут такой тусклый свет? Где выключатели? Папенко включил фонарик и понял, что стоит в центре пентаграммы..., которая светилась...

Участковый инспектор Синохин скучал в кабинете второй час. Он ожидал появления председателя садового общества Папенко, чтобы съездить за результатами дактилоскопической экспертизы. Но тот где-то «потерялся». Наконец, Синохин решил, что люди очень ненадежные и плохие существа, плюнул и пошел на обед. Основания разувериться в людях у Синохина были. Вчера он общался с Бахрузом. И попросил его дать ему «наколку», где искать пропавшую бригаду. Сегодня тот позвонил и радостно сообщил, что у пропавшего бригадира Джамшута действительно была на правой ягоде наколка - герб ГДР и надпись «ЗВ 1990 г». Разозлившийся Синохин бросил трубку.

Через полчаса оперативный дежурный стукнулся в закрытую дверь кабинета Синохина... Пожал плечами и оставил в дверях записку: «Опять потеряшки - некий Папенко, ул. Заливная, 6 - дома не ночевал. И еще звонили с психушки, туда доставили двух глухонемых бомжей, одетых под колдунов.»

- Вот так люди и пропадают... - констатировал дежурный, впиная в дверную щель листок бумаги, и отправился подремать на кушетку.

г. Новокузнецк.

Даниил ПОСАЖЕННИКОВ Художник

Искорки от костра взлетали вверх, превращаясь в яркие звёзды — хрустальные слезинки на дремлющем, ночном небе. Бархатная вуаль тишины опустилась на мягкую, прижавшуюся к земле траву.

Я ощущал её невесомое дыхание. Мой взор, устремлённый в чёрную невозмутимую бездну, не ощущал никаких преград, да и откуда им там взяться?

Поодаль вокруг костра мои недавние друзья вели разговор, разглядывая чарующую ночь, изредка подкидывая сухие ветки в лёгкое пламя. Огненные саламандры взвились над пышущей древесиной и принялись извиваться на раскалённых угольках.

Я в блаженстве растянулся на благоухающей траве и снова посмотрел на небо. Когда-то оно казалось мне немим, а теперь... заговорило.

Да... Мечта стала жизнью, а моя жизнь — чудом.

Наверное, всё, что происходило со мной от самого рождения, подводило меня к этому дню, когда я, наконец, обрёл себя. Ведь не так давно и мыслить не мог о таком счастье, об этой беспредельной, всеобъемлющей радости...

Глава 1

Бухта казалась отколотым полукругом от разбитой кофейной чашки. Звонкие осколки потонули в прохладной глубине и расцвели причудливыми кораллами.

Песчаный берег, на котором уснула пристань, переходящая в небольшой старый бастион, плавно извивался, обнимая скалистые массивы по краям бухты. За крепостью рассыпался дремлющий в утренней неге городок. Ясный, тихий свет опускался на аккуратные башенки, переходы, гранитные ступени грозного укрепления.

Я плыл на уютном небольшом пароходе. Но эта картина не очаровывала меня, а вводила в тоску, ослепительное солнце не грело, а било по глазам.

И пароход казался серой посудинкой. Прохаживаясь по верхней палубе, я с ненавистью смотрел на лица, озаренные улыбкой. Было раннее утро, поэтому кроме пары жизнерадостных счастливых я никого не видел.

Невольной мой взгляд привлекла крепость, будто выросшая на золотистом берегу. Сверкающие жаром башенки, зубчатые стены. Время разрушит, разложит по кусочкам этих каменных исполинов, этих аккуратно отёсанных могучих великанов. И они, крушась, падут в этот песок, как в золотой саркофаг. И даже память о них время сотрёт.

Всё... всё оно прогнет под себя, сломает: и этот пароход, и меня. Вся эта безнадежность падёт на новых людей. По обычаю найдутся безумцы, которые будут строить и создавать, считая своё существование бытием, исполненным смысла. Но это будет только лишь болезнь их разума. Их не примут, нет! Их по праву будут считать безумцами.

Светлые умы задавит тоска,

злость, досада. Они «излечатся», и не отличишь их более от других. Пройдёт отчуждённость, грусть, и эти люди будут улыбаться как все. Будут верить тому, чему верят все, только изредка скорбно усмехаясь, начиная в сомненьях думать о том, что они и не были больны, что их жизнь была наполнена смыслом, или горько шепча, но тоже с легкой долей сомненья:

- Обречены! Обречены...

Раздумья застлали мне глаза серой пеленой, сковывали озябшее сердце, то, разжигая злость, то вводя в какую-то пустоту, когда из оцепененья меня вывел резкий, острый голос:

- Это вы, это вы тот мерзкий матерьял полотни! — процеживал в ярости сутулый старик в потёртых, изумрудного цвета брюках и неуклю-

робко одобрит, а потом воистину примет.

Но...но это позади... - Огромная тень грусти легла на его лицо, и тихий, но отчётливый голос произнёс: - Я и сам хотел стать знаменем, но страх...испуг. Они сломали меня. Я был пророком среди безумцев, но не вынес бремени одиночества, и стал своим среди сумасшедших, приняв их за братьев.

Да, опрокинутся чаши морей, вспенится вода, проглотит раскалённый круг и как на вашем полотне — сгинем мы, погрузившись во тьму... Сгинем! — старик скривил губы, с остервенением передернулся, одинокая слеза смочила его веки, он резко развернулся и зашагал прочь.

«Сгинем, обречены, — гудело в голове. — Но зачем же ждать?»

Я перегнулся через борт. Огромное, зелёное море манило обманчивой прохладой, звало. В неизведанных толщах изумрудной воды не было света, солнце не проникло туда, и там, в обветшалых глубинах жил лишь мрак. Море раскачивалось, переливалось, жадно потягивалось, вдыхая зной.

Туда, туда. И будто чьи-то руки, лица манили меня в глубину, шепта-

рел на его чистое, открытое лицо, правильные черты, в уме неслись мысли о том, как рисовать его портрет. Молодого, исполненного надежды, капитана. Он предложил мне помощь, но я вежливо отказался и отправился гулять по просторным улочкам городка. Вспоминал, как начинался мой путь свободно-го художника...

Меня привлекало всё: и лица людей, и причудливые пейзажи. Даже изображение обычного яблока на столе, под необычным углом освещения, доставляли мне непередаваемое удовольствие. Изогнутая сухая чёрная ветвь в красных проблесках усталого солнца очаровывала моё воображение. Я часами следил за набегающими друг на друга волнами. Только бы успеть запечатлеть это движение, этот неповторимый изгиб ветки или волны. Мгновения неповторимы... Да, мои картины были искусством света, но... но люди, которые лицезрели их, почти всегда отворачивались:

- Мы видели это небо, — говорили они, — оно всегда над нашими головами. Мы видели море и на закате, и в часы рассвета. Мы уже видели это. Зачем тратить время? Бессмысленные пейзажи, бессмысленное напрасное искусство.

Вы говорите про новизну жанра, необычную технику написания. Да, мы видим солнце на ваших картинах несколько необычным, под довольно интересным углом зрения. Но мы хотим не этого. Будьте же истинным новатором!

Дайте нам то, что мы ещё никогда не видели, дайте нам огонь, пожирающий вечно голубые небеса, дайте нам мир, где солнце не удержалось на сапфировом своде и грянуло расплавленным золотом о твердь под нашими ногами и разлилось бы пышущим металлом по свету, иссушая моря и сжигая леса. И даже камни бы остлели, и остался бы только пепел. Подарите нам огонь, подарите алое пламя нового искусства!

...Я прислушался и поверил. Зачем любоваться природой, ловить мгновения, если они мимолётны и по прошествии нескольких секунд умрут. Разве мои картины дарят им жизнь? А огонь напомнит, что всё когда-нибудь станет пеплом и увечечит моё имя. Не навсегда, но эта слава будет золотой. Так пусть будут огонь! Но не заката, который расцвёл на небе, не пламя солнечных лучей и даже не огонь апокалипсиса. Огонь бездумный, огонь анархии, который не будет призывать задуматься, и не будет небесной карой. Он просто напомнит: всё станет пеплом, всё станет прахом.

Живите ради жизни. Играйте ради самой радости игры. И люди будут, не бояться пламени, но и не будут благословлять. Обезумевшие, они просто поверят в бессмысленную жизнь.

Я рисовал огонь и мрак. Рисовал, как ночь опустилась на город, где я жил и, вломившись в окна, не желала уходить. Бешено гнал ветер по выложенным плитами тротуарам. Камни выпрыгивали из дороги и неслись следом. Столы со стульями разрывали окна, бились неуклюжими углами. Двери срывались с петель, взмывали вверх с безумным ветром. Великие арки трещали по швам вместе с домами. Мосты ломались под тяжестью ночи, падали в воду, расплескивали воду, уходили на дно, задыхаясь во мраке. И огонь свечей задувала ночь своим жутким дыханием. Она гремела, била, ломала и неслась по крышам домов,

проглатывала луну. С размаху билась о карнизы, сшибая всё на своём пути. Взвившиеся камни неистово кружились в бешеной пляске и улыбались огромной страшной тягучей улыбкой. Жутко хлопали сорвавшиеся с цепей резные ворота, они щёлкали, словно огромные зубы. Камни мчались по улице во тьме, в наступившем навсегда мраке...

Люди толпились у моих картин, аплодировали в безумном восторге.

Лишь изредка я видел человека с открытым лицом, который смотрел на меня со скорбью, грустью, или с упрёком и яростным осуждением. Потом эти люди отворачивались и уходили, внося в мою душу протест и сомнения.

Однажды эти сомнения, скопившиеся за долгие месяцы безумной жизни, вышли наружу. Я снова размышлял, убивая попусту днём, в бессиле расхаживая по особняку, пока не бросил всё и не сел на пароход. Куда, зачем? Я не знал.

Во время плавания всё думал, как вернуться к тем первым, истинно светлым, настоящим полотнам. Как дать этим людям жизненную радость, озарение моими восторженными пейзажами? Наверное, надо самому пережить это озарение, найти его и не отпускать, и, сохранив в душе навсегда, творить искусство.

Глава 3.

Эта мысль, словно молния, пронеслась в моей голове. Бродя по улицам, я не заметил, как чарующая ночь опутала своей вуалью дома. И первое, что я увидел — было небо.

По нему скользили волны облаков, смешиваясь с яркими звёздами. Тягучее море извивалось. Волны прокатывались по небосклону. Я стоял замороженный, очарованный, думал о той беспредельной дали, что они скрывали. Шептал какие-то слова. Дух захватывало невообразимое чувство огромного бесконечного пространства. Воодушевление, восторг... «Там... там...» — шептал я. Слышал, как бьётся моё сердце. Я стал единым порывом неземного, одухотворяющего чувства. Изумлённый, чуть дыша, застыл.

Внезапно облака распахнулись, и яркий клинок луны вспыхнул в чёрном разрезе, окружённый ореолом дольких солнц. Душа взлетела куда-то вверх... И внезапно я почувствовал умиротворение.

Я — это небо.

Я — это звёзды.

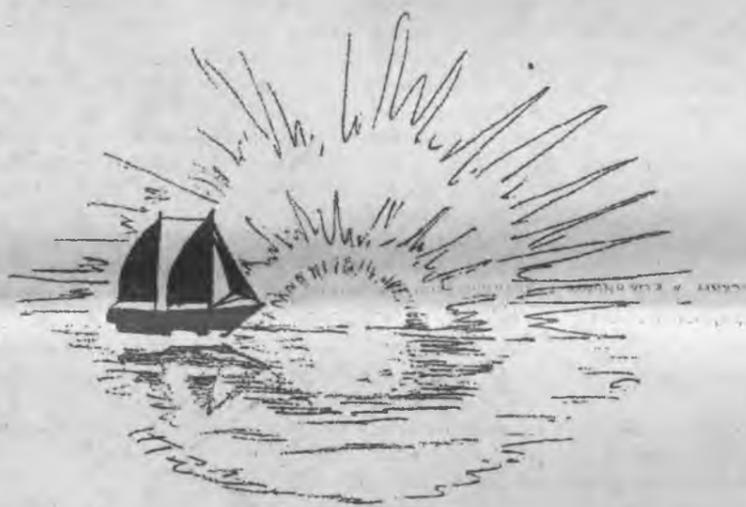
Божеественное спокойствие души навсегда осталось во мне. Побежал по дороге. Время, место перестали иметь для меня значение. Летел из ворот города вперёд, вперёд, пока не увидел маленькую светящуюся точку — костёр. Сначала робко подошёл, чуть ступая, прислушиваясь. Вокруг костра сидели люди, один играл на гитаре, напевая песню. Голос казался каким-то родным. Никакой фальши, лишнего слов.

- Подходи, устал, небось, — улыбаясь, сказал мне юноша. - Я Астри, странствующий музыкант. Мы все тут люди искусства. И о тебе слышаны, — тёплые нотки юмора в больших карих глазах, — присаживайся, друг.

Искорки от костра взлетали вверх, превращаясь в яркие звёзды — хрустальные слезинки на дремлющем, ночном небе...

Рисунок автора.

г. Новокузнецк.

Дарья АКУЛОВА

Родилась в Томске. Стихи начала сочинять в 5 лет.

Участница II и IV Форумов молодых писателей России; с 2000 года посещает городские литературные студии «Азбука стихосложения», «Гренада», «Озарение», «Дилижанс». С 2007 года руководитель студии «Свежая строка» ДЮЦ «Орион». Корреспондент городских газет «Ступени», «Кузнецкий рабочий», «Новокузнецку» и журнала «День за днем».

В 2008 году Дарья Акулова и поэтесса, сотрудница культурно-образовательного центра ЦГБ им. Н.В. Гоголя Ольга Комарова создали объединение молодых писателей Новокузнецка «Запасный выход».

Стихи Дарьи публиковались в газетах «Кузнецкий край», «Сельские вести», «Камертон»; альманахах «Кузнецкая крепость», «Озарение»; журналах «Огни Кузбасса», «Мы», «Пролог», сборниках «Музыка стиха».

О лете

Лениво на кожу ложится загар,
И волосы спину щекочут лениво.
Слышны колыбельные звуки гитар.
В ладони - три солнышка —
жёлтые сливы...

...Но солнечный зной
заменили снега,
А жёлтые сливы — какао, галеты,
И вместо гитар усыпляет пурга,
Поющая песни о солнечном лете.

Солнце

Послушай: первый луч упал в росу.
Ты слышишь, серебрится как на ней?
Взгляни в траве на света полосу.
Она распространяется. Светлей.

Ещё светлее. Света полоса...
Ты видишь? Всё увереннее, шире...
Заметил ли: прошло лишь полчаса —
Теплее и добрее стало в мире.

Это утро будет долго
растекаться по асфальту,
Медленнейше поэтажно
подниматься, и на крышу
Изовьется, словно птица,
в небе с домом уплывава
В дали за семью морями
и слепыми фонарями.

Поезда проедут мимо,
самолёты осторожно
На краю крыла пригреют
зазевавшееся утро.
Пароходы не дождутся
в лёгкой дрёме у причала.
(Хорошо вода качает!)
Не спугните это утро.

Я шлю тебе зелёные тюльпаны
За миллионы вёрст.
Я шлю тебе не поздно и не рано,
Не в шутку, не всерьёз.

Я шлю тебе зелёные тюльпаны,
И свежесть после гроз,
И яблочный пирог
с небесной манной,
И россыпь летних рос.

Я шлю тебе зелёные тюльпаны
И всё, что не сбылось.
Я жду тебя, мой самый
долгожданный
И долгозванный гость.

... Как непривычна зелень
первых трав...
Как щебетанье птичьё
слух балует...
Как нежен пыльный воздух,
вдруг припав
К земле в весеннем
первом поцелуе...

Зеваешь. И тебя зовут
Подушка и кровать.
Все собираются ко сну,

Ведь ночью надо спать.

Большой и интересный день
Ушёл уже от нас.
Играть и бегать стало лень,
Настал вечерний час.

И мама тёплый плед возьмет,
Укроет им, любя.
И колыбельную споёт,
Баюкая тебя:

«Пускай тебе приснится сон
Про белых лебедей,
Про сад цветущий, дивный звон
И быстрых лошадей.

Пускай тебе приснится луг
И бабочек полёт...»
Ты ночью отдохнёшь. И вдруг
Счастливым день придёт.

Зима

Легкий снег, летя, искрится
И ложится на поля.
Шубкой белою укрыться
Хочет на зиму земля.

В белых шапках все деревья,
Речка спряталась под лёд.
В белой мягкой колыбели
Спит природа. Снег идёт.

Мне ветер навевал давай поиграем
В высокие горы и быстрые реки
И садик таящий в тумане
прохладность

Пускай облака обгоня друг друга
Стремятся вперед не боясь
заблудиться
В небесном просторе

Пускай корабли паруса надувая
Так важно плывут
белоснежно и плавно

Спокойное море
Пусть яблоня цвет по весне набирая
Стволом устремляется к небу
Ветвями к земле наклоняясь
Мне ветер навевал

Полёт

Вы думали взлететь легко?
Вы, видно, птицей не бывали.
Вы думали упасть легко?
Вы, видно, крыльев не ломали.

В полете труд огромный есть.
Отсюда видимая легкость.
Опора лишь на небо здесь.
И с ветром совладать не просто.

Летающий виден без прикрас.
Не сбиться с курса ни на йоту
Нельзя ему, чтоб не упасть.
И гибким быть в небесных водах.

Внутри него лишь пустота.
Вот где пространство для полета.
Багаж с собой не может взять
Ни грамма, чтоб лететь свободно.

Так для чего труд этот весь?

Что обретается в полете?
Смысл жизни виден только здесь.
Взлетайте! Сами всё поймёте.

Виды из окна

За окно налили молока —
Вспененного белого тумана.
Вечером луна и облака
Мимо звезд безмолвно
проплывали.

Голубейший лунный ореол
В небо вписывал за нотой ноту.
Светло-фиолетовый прошел
Строй овец на фиолете тёмном.

Пастырь ласково и верно вёл
Прямо — по невидимой соломе.
И неторопливо в полудрёме
За одной овцой барашек брёл.

Маленькая Родина:
Дом и двор, и сад.
Маленькая Родина
Взрослых и ребят.

Каждый держит памятки
В городе своем.
Здесь играла маленькой.
Это был наш дом.

Это парк Гагарина,
Где сирень цвела.
В этом планетарии
С мамой я была.

А сейчас люблюсь я
Зеленью аллей,
Где щенки купаются
В пухе тополей,

Где играют в классики
Девочки в бантах,
Где читают классиков
Бабушки в очках...

Если далеко была,
Думала о ней.
Маленькая Родина —
Мой Новокузнецк.

Я вас отпускаю.
Свободной птицей
Лётите чуть вверх, вперед.
Но только не вздумайте
мне присниться,
Пока ледоход идет.

Летите все дальше и все быстрее.
Не думайте ни о чем.
Послушайте песню веселой капли
О дружбе сосульки с лучом.

Я Вас отпускаю. О, как приятно
Осознанно отпускать.
Как солнце — тепло,
как вода — прохладу,
Как взрослого сына — мать.

Я сегодня окунулась в лето,
Хоть оно зашло за середину.
Я сегодня окунулась в лето,
Просто подойдя закрыть окно.

Свежесть, зелень, солнце,
лавок спины,
И асфальт горячий, и крапива.
Я сегодня окунулась в лето,
Словно пчелка — в легкую пыльцу.

Возвышенность луны...
Тюль трепетно невинен.
Где ты, любимый?

Солнечный луч отразился от золотой выпуклости купола хрустального собора. «Дзин-н-нь», — чуть слышно поздоровался купол. Озорной лучик разбудил увенчанные стройными крестами — как летящими голубями — величавые купола. Он коснулся мельчайших кристалликов, задремавших в морозном воздухе безоблачного зимнего утра.

Они начали двигаться, казалось, беспорядочно и скоро выстроились аркой. И над сверкающей короной храма расцвела прозрачная радуга. Невесомые феи танцевали под пение эльфов. И невидимые маленькие колокольчики вторили им: «Сегодня Рождество Христово!»

На пушистой еловой ветке спал юный снежок. Он видел чудесные сны о материнских объятиях нежных облаков и веселом полете с братьями на землю. Снежок неловко повернулся и упал на белый пригорок. «Здравствуйте. Кто Вы?» — спросил он, едва проснувшись. «Добрый день, малыш. Зовут меня снежным сугробом. Я оберегаю землю от холода. Месяц назад я тоже был маленьким и помогал взрослым. А теперь ты прилетел мне в помощь», — обрадовался сугроб. Так маленький снежок стал оберегать большую землю.

г. Новокузнецк.

Алина БУЦКИХ

Алина учится в гимназии № 48 в 4 классе, любит петь, лепить, рисовать, строит замки и домики для любимых игрушек. В свободное время Алина занимается в школе искусств № 53, где изучает игру на фортепиано, сольфеджио и вокал.

Первым произведением Алины была считалка, которую она придумала еще в 6 лет, в детском саду и с большим удовольствием включила ее в свои игры. Потом были еще стихи.

Считалка

Рос цветочек на поляне,
Увидал он Крошку в яме.
Эту Крошку ты не тронь,
Потому что я с тобой.

Мой щенок

Мой любимейший щенок
любит сладкий пирожок.
Закопать его боится —
Вдруг с ним что-нибудь случится.

Об котедралку когти дерет,
Рыбу за ночь украдет.

Солнечные зайчики
в комнате мой,
За ними котик Марсик,
сорвался он с цепей!

Шерстку Марсик лижет мягко,
Когти у него остры и гладки.
Он мяукнет раза три...
Спи, мой Марсик, крепко спи.

Про медведя

Пошел как-то раз
медведь в огород
Вдруг видит в окошке стоит мед.
Медведь в дом забежал
И весь мед сожрал.

Я хочу арбуз

Сколько можно повторять:
Я арбуз хочу опять!
Вы купите мне арбуз,
Будет вам тяжелый груз.
Я себе возьму арбуз
И в кладовке я запрусь.
Буду есть сама арбуз,
С вами я не поделюсь.
Телевизор утащу,
«Джетикс» там я посмотрю.

Съем и выйду из кладовки,
Дам погрызть вам только корки.
Лягу я сама в кровать
И спокойно буду спать.

г. Новокузнецк.

Галина МОНАСТЫРСКАЯ

Первое стихотворение – «Любовь», было опубликовано в газете «Красная Шория», а первый поэтический дебют – подборка её стихов – в газете «Таштагольский курьер».

«Проба пера так и осталась бы в моей тетради, если бы не близкие люди, вдохновившие меня на публикации. Это моя семья, духовный отец, работники центральной городской библиотеки, это мои братья по перу, такие, как Кирилл Сазанов, Ольга Ромашка. Надеюсь и дальше на наше творческое братство».

В конце 2008 года стихи Галины Монастырской были включены в литературный сборник «Настроение», изданный Центральной библиотекой города Таштагола.

Белые розы

Белые розы- любимые цветы,
На зеленых листьях капельки росы.
Только в саду, дома под окном,
Видеть хочу розу летним днем,

Сорван цветок, он быстро увял,
Жизнь на радость в мир людям отдал.
Память наша, как чистый листок,
Помнит подарок, помнит цветок.

Я хочу, чтобы в доме моем
Роза цвела всегда под окном.
Утром встречала рано меня,
Счастье, даря грядущего дня.

Вечность, мгновенье, нежность, любовь –
Роза бела, чиста от снегов.
Свежесть ветров, несказанность слов,
Сказочность от легких летних снов

Белые розы – любимые цветы,
Юности надежды, зрелости мечты...

Рождественский пост

Рождественский пост,
рождественский пост,
Тихо сыплет снег на земной погост.
Снегом белым земля укрывается,
И душа вместе с ним очищается.

В воздухе морозном колокольный звон
Разливается, душу будит он.
Душу сонную, душу спящую.
Где же прошлое? Где настоящее?

Распластав крылья подстреленные,
Души летят неуверенно.
Души-лебеди летят усталые
Да омоются кровью алою!

И воспрянут, оживут опять.
Все до времени, как грехи считать.
Рождественский пост, рождественский пост,
Тихо сыплет снег на земной погост.

Дочери

Доченька родная родилась на свет.
И всегда в июне я дарю букет.
Белая ромашка – полевой цветок.
Любит иль не любит? Жизни, где исток?

Все ромашки в поле – это для тебя.
Ты не ведай горя, милая моя.
Облака на небе для тебя плывут.
Тучи пусть минуют жизненный твой путь.

Солнце лучистое как твои глаза –
Весело пусть светит, бережет тебя.

Верю, что счастливая будет жизнь твоя.
Строй ее смелее, без труда нельзя

Строй ее, как в детстве строим города –
Смело и уверенно, но не из песка.
Белая ромашка – полевой цветок,
Белые реснички, желтый глазок.

Ты моё, моё утешение.
Моя радость, моя печаль.
Ты моё, моё продолжение,
Моих снов, моя звездная даль.

Верю я в тебя, росточек малый,
Что исполнятся твои мечты.
Не напрасны были слёзы мамы,
Песни колыбельные в ночи.

Воспоминания
об отчем доме

Тополя растут, цветут акации
За перекрестком двух дорог,
Где детства и юности станция
Да знакомый родной порог.

Всё тот же двор и та ж калитка,
Защёлка, белый палисад.
Там мамина мелькнёт косынка,
Отцовский беспокойный взгляд.

А сени там покоем дышат,
Девчоночка с русой косой...
И дождь там стучит по крышам...
Иду к ним навстречу босой.

Собачка, тот двор охраняя,
Бежит ко мне, машет хвостом.
Кошка, мурлыча, встречает...
Ждёт кружка с парным молоком.

Девчужки взгляд смелый,
открытый,
И солнцем залит отчий дом.
На девочке фартучек белый
И школьная форма с бантом.

Ожидание весны

Звери спрячутся зимой в норы,
Люди спрячутся зимой в дома.
Мороз рисует на окнах узоры,
И на улице: зима, зима... зима.

А огонь в камине домашний
Согревает.
Тепло и уют.

Что привнёс день
прошедший,
вчерашний?
Птички зёрна с кормушки клюют.

На морозе им холодно, зябко.
Стужа лютая, всё же живут.
И в прошедший день, вчерашний
С нетерпением весну они ждут.

Пусть мороз и стужа – не страшно,
Знают - будет капель и весна!
Ведь ушедший день - он вчерашний,
И зима уж не так и страшна.

Согревает надежда души,
Песней светлой звучит в тиши.
Не страшны ни вьюги, ни стужи.
Доживём,
доживём до весны!

Евгения
АБАЗА

Мечтания

Мне б научиться радоваться жизни
И не страдать бессонными ночами...
Легко взлететь красивой синей птицей
И с высоты смотреть на все печали.

Мне б научиться улыбаться счастью
И не бояться показаться глупой...
Мне бы уйти, уйти в такие дали,
Чтоб насладиться долгою разлукой.

Мне бы понять, что я тебя люблю,
Что ты моя нежданная награда,
Что без тебя, быть может, я умру.
Мне это надо, очень-очень надо...

Постучала ночь в моё окно,
Я её впустила осторожно.
Мне грустить сегодня суждено.
Огоньки считать на небе звёздном.
Я свечу найду, зажгу её
И теплом чудесным вдруг согреюсь...
Ты нарушишь одиночество моё:
Ты ко мне придёшь, я так надеюсь...

Слава Богу, весна ... Потеплело.
В моё сердце любовь пробралась.
Грусть-печаль моя метелью белой
Далеко-далёко унеслась...
Своим чувствам поверить боюсь,
Ведь весна обманчива, я знаю.
Сочиняю стихи и молюсь...
Я живу, надеюсь и страдаю...

Здравствуй, Родина

Ты мне снишься, Родина моя.
Я к тебе протягиваю руки.
Ты печаль и радость ты моя.
Долги дни нечаянной разлуки.
Я в разлуке становлюсь мудрей,
На сердце мелодии и звуки.
Я в разлуке становлюсь сильней...
Здравствуй, Родина! Конеч разлуке.

Молю прощения...

С нетерпением жду вечера. До обеда время ползёт, ползёт, как ленивая черепашка. Вторая же половина дня пролетает: так мчится резвая детская карусель. Ожидание становится томительно-приятным. Прислушиваясь к своим ощущениям. Сладкая грусть. Причудливая горечь. Одним словом, смятение чувств.

-Что с вами? Вы здоровы? - слышу строгий, но добрый голос Галины Андреевны.
-Я? Я здорова. Просто засмотрелась на падающий за окном снег. Так красиво...Разумно...
-Зима, - уже спокойно и задумчиво прибавила Галина Андреевна.

...И вот наступает вечер. Теперь я жду звонка. Когда ждёшь, он звенит как-то особенно пронзительно, похоже на детский голос.

-Здравствуйте, Саша, - слышу, наконец, твой голос в трубке.

-Здрав-ствуй-те, Сер-гей Вла-ди-ми-ро-вич! – отчётливо отвечаю я. На моём лице появляется улыбка. Ты не видишь её, но знаешь – я улыбаюсь.

Рада несказанно твоему звонку. Я называю тебя по имени – отчеству. Наверное, потому что мне очень нравится твоё имя: Сергей Владимирович. А главное: мы с вами не знакомы. Это ужасно, я знаю, но я украла твой номер телефона. Отправила какую-то глупую «эсэмэску», кажется, написала в ней о погоде. Красть – грех. Стыдно мне перед тобой. Ради Бога, прости меня... Ты меня великодушно простили.

- Саша, вы очень интересная собеседница, - сказал ты мне однажды.

Оказалось, что нам не хватало человека, друга, который бы мог и слушать, и слышать, и понимать. Ты любишь и ценишь поэзию. Для меня поэзия как бальзам на душу. Я читаю тебе Ибрагимову, Рождественского, Цветаеву, Ахмадуллину. Ты благодаришь меня за подаренные стихи. Знаю, что на твоём лице грустная улыбка. На улице снегопад. До Нового года осталось совсем чуть-чуть. Я не хочу, чтобы старый уходил.

Он подарил мне тебя. Я тебе - мои стихи.

И мы улыбаемся беззаботно, как дети...

Школьный учитель русского языка и литературы. Писать стихи начала в 2008 году, а подвигла на это любовь. Даже не любовь, а уже расставание, после которого надо было как-то жить дальше. И возникло желание выразить свои чувства на бумаге. Евгения принесла своё первое стихотворение «Спасение» в газету «Красная Шория», и его напечатали в том же 2008 году.

-Когда это случилось, я почувствовала, что это точно моё спасение, - вспоминает автор.

Она любит сирень, которая связана с детскими и студенческими воспоминаниями. В конце 1 курса НГПИ, когда так хотелось на родину, однокурсник принес ей огромный букет, который был, как привет из отчего дома, из Таштагола, где рос огромный куст сирени. Раньше каждое весеннее утро Евгения просыпалась с надеждой, что сирень расцвела.

Опять весна мне душу взволновала,
И в сердце моё просится любовь.
Я одинокой птицей жить устала.
Приди ко мне, приди ко мне, любовь.
Я буду ждать тебя, открыв все двери.
Я буду слушать дождь и ветра рёв.
А сердце?

Сердце не устанет верить,
Что где-то рядом ты, моя любовь...

Без тебя...

Я прочту твоё последнее письмо,
И по щекам покатаются слёзы.
Я услышу колокольный звон,
И моей души коснётся благодать.
Я буду читать молитву,
И боль станет сладкой...

Тебя не будет рядом.

Спасение

Научусь играть словами,
Стану милой, стану сладкой...
Слёзы горькие руками
Я смахну, мой друг, украдкой.
Полюбить тебя мечтала,
И, казалось, что случилось...
Я от чувств своих летала,
Но чуть было не разбилась.
Ты плечо своё подставил.
Я поверила: спаситель.
Бог услышал робкий шёпот
Матери моей молитвы...

И холоден, и горек вкус разлуки...
Меня пленила музыка дождя.
Брожу по улице. Как мёрзнут руки.
Моя отрада - вспоминать тебя...
Во сне и наяву на помощь звать.
Во сне и наяву совета ждать.
Во сне и наяву прощения молить
И с болью жгучей
в одиноком сердце жить...

Кирилл САЗАНОВ

Родился в Новосибирске. Там же начал пробовать свои силы в журналистике. В 1990 году в газете «Молодость Сибири» впервые опубликованы его стихи. Сегодня живет и работает в Таштаголе, считает город своей второй родиной. Трудился корреспондентом городской газеты «Красная Шория». Является сотрудником городской газеты «Таштагольский курьер».

Публиковался в областном литературном журнале «Огни Кузбасса» и в альманахе «Ташта-гол». Член Союза журналистов России.

Попутчица

У тебя в глазах бирюза,
А на дне тех глаз — одиночество.
Так светлы твои небеса,
Что вспорхнуть бы —
До смерти хочется.
И смотреть на тебя, смотреть,
Ненасытно любить, до одури.
В самом сердце своем согреть.
Всё на свете за это отдал бы.

Мимоходом, всего лишь раз
Поглядела, сошла на станции.
А вокруг лишь вагонный ляг,
А хотелось кричать: «Останься!»
Так вот глупо и крикнуть вослед.
Не глупее, чем ехать дальше.
Проклинай весь белый свет.
Не нашедши, не потерявши.

Так легко, И ничего не нужно.
Так просторно небо, потому что,
Осень отпускает всех на волю -
Ветреная добрая подружка.

Это осень легкою рукою
Отпустила стаи перелётных.
Ей уже - хоть в омут с головою -
Догорает, будто шнур бикфордов.

А зима рванет, придавит небом,
Загоняя в стены-казематы.
Круглый год - по кругу перемены,
Вот и сердце катится куда-то,

Из груди. В какие-то сюжеты,
Повороты, искренние пути.
А быть может просто не согрето,
Как вот эта осень на распутье?

Грустно ей, а может и нисколько? -
Уходить когда-то тоже нужно.
И никто ж не вспомнит, будет только
Снова осень - новая подружка.

Эти звезды - из тихой речки,
Эти воды - твои печали.
По утру все зальёт рассветом,
Облака нанесёт прибоем.

И никто не увидит камня
В затаённом омуте сердца,
Этой ноши горькую радость
Непосильную сладость боли:

Далеко, бесконечно далёко
Есть глаза, о которых слёзы.
Даже быстрым орлиным лётом
Не догнать дорогого взгляда.

Этих плеч, на которых солнце
Отдыхает даже ночами
И щеки, у которой вздохи
Не твои, и не будут даже.

Только трели птиц на рассвете,
Будто смех или тонкий шелест:
Так ведётся — живые любят...
И - уже ничего не скажешь.

Посвист летучей мыши -
Голос какой души?
Что ты на небе ищешь,
Ангел ночной тиши?

Может, узнав однажды
Ночи тоску и страх,
Точно без вести пропавший,
Мечешься в небесах?

Или спалив в азарте
Всех своих дней запас
Просто кричишь:
«Прощайте,
Падает летчик-ас»?
Слышу я, слышу твой голос -
Даже по телу дрожь.
Связь не прочней чем волос
И расстоянье — нож.

Ты придержишься, дружище
Или подруга — живи!
Там пустота и ветрище,
Здесь — ни видать, ни зги...

Крик оборвался на грани
Или ушел за предел,
Звезды мигали на ткани
Ночи. И месяц глядел

Как высоки отроги,
Как прорастет побег,
Как посреди дороги
В небо глядит человек.

Крыши под лунным светом,
Люди под сенью снов.
Души ищут ответов,
Но не находят слов.

Слов не найти для мира,
Мир не объять душой,
Лишь на краю эфира
Что-то мелькнет порой.

То ли скупая улыбка,
То ли сигналы SOS.
Может, просто ошибка,
Может - и не всерьез.

Сложить бы стих, а я пишу в газеты -
О том, что уже высохла листва,
О том, что песня осени не спета,
И наша не допета, но пора.
Летят в эфир сплошные телеграммы —
Заснежен луг, закована река...
И почтальоны в белых сарафанах
Собьются с ног, их разнесут пока.
Простите все, кого недолюбили,
Недолга будет стужа и пройдет.
Простите всех, кого вы позабыли,
Встречайте всех, кто даже не идет.

Весна, распутица.
Весна-распутница
Глядится в омуты, смеётся в лужицах,
А мне не весело — дороги месиво.
Приходим с криками, проводят песнями.
А по обочинам - всё пихты-лестницы,
Да лезти некуда — еще успеется.
С водой весеннею бежишь и маешься,
Всё ожидается, всё обещается.
А ночь нахмурится,
Застынет лужица,
И ничего тебе
Уже не сбудется...
Не зря невесело —
Весна-обманщица.
А как присмотришься —
Старуха-банщица.

Ольга Ромашка живет в Таштаголе, работает в Управлении социальной защиты населения. Автор поэтических сборников: «Горькая земляника» и «Кедровый букет». Её любимое время года, оно же и самое плодотворное для творчества — осень. Любимый поэт Сергей Есенин, а своим учителем Ольга считает таштагольскую поэтессу Раису Чигракову, хотя и пишет стихи с 10-летнего возраста.

Ольга РОМАШКА

Мне ноги обнимал песок,
Кружились чайки над волною,
Ласкался к телу ветерок,
А главное - был ты со мною.

И это чудо из чудес,
Что с нитью нить судьбы связалась...
...А солнце падало с небес
И в руки морю отдавалось.

Оно купалось до зари,
На водной глади отдыхало,
Морские звезды-фонари
Волшебным светом наполняло.

Во мне остался этот свет,
Зажженный нежностью и страстью,
Я первый раз за много лет
Узнала, что такое счастье

Море

Я впервые увидела море,
От восторга душа распахнулась,
А оно, с ветром солнечным споря,
Белой пеной под ноги плеснулось.

Посылая волну за волною,
Своей силой меня наполняло,
И укрыв водяной простынею,
На огромных ладонях качало.

Билось в берег с неистовой страстью,
Изумрудами в брызгах лучилось,
А душа трепетала от счастья...
Я влюбилась! Я в море влюбилась!

Вы простите, любимые горы
И тропинки, знакомые с детства -
Я впервые увидела море
И оставила там свое сердце!

Старик

Одинок и болен,
греет чай на плитке
И листает старенький альбом,
Ждет, а вдруг сегодня
Заскрипит калитка,
Оживет осиротевший дом.

Но стучат по окнам,
По тропинкам сада
Хлесткие осенние дожди,
И душа тоскует, ничему не рада,
От обиды съежилась в груди.

Он давно не нужен
Повзрослевшим детям,
Ведь у них совсем другая жизнь,
И стучится в двери
Лишь бродяга-ветер,
Шепчет хриплым голосом: «Держись!»

Чем же так обидел он родные души,
Может, сам он в чем-то виноват?
Иль в сердца людские
Поселилась стужа,
Равнодушья страшный снегопад?

Ветерок

Он был беспечен и удал,
Не знал ни горечи, ни слез.
И никогда он не мечтал
Рукой дотронуться до звезд.
С рябиной тонкой танцевал,
Срывал с черемух платья белые,
В порыве страстном целовал
Он яблонь плечи загорелые.
И улета к солнцу, в высь,
Не знал, что мир наполнен бедами,
Что есть еще другая жизнь,
Которая ему неведома.

Художница-зима

Художница-зима рисует только белым,
Рисует снегом прямо на ветвях.
И контуры деревьев, словно мелом,
Обводит на полянах и лугах.

Букетом из снежинок, будто брошью,
Хрустальные украсит кружева,
И в снежные наряды из пороши
Оденется засохшая трава.

Прозрачною фатой морозный воздух вьется,
На светлом полотне холодные тона,
И взглядом ледяным глядит, не улыбнется
Художница-зима, художница-зима.

Дороги нет, снега метут,
Со скал сошла лавина,
Метели белые плетут
Из вихрей паутину.
Деревья в снежных облаках,
Не видно небосвода...
И мы на разных островах,
В плену у непогоды.

Предчувствие любви

Предчувствие любви
Меня не обмануло,
Наверно, Бог простил
Все прошлые грехи.
Предчувствие любви
Мне душу всколыхнуло
И полились стихи,
И полились стихи.
Косынкой травяной
С гор лето помаhalo,
Дождями пролилось,
Растаяло вдали...
Я шла тропой судьбы
И в воздухе витало
Предчувствие любви,
Предчувствие любви.

Осень

Осень рыжей белкой
Виснет на деревьях,
Красит листья краской золотой.
Словно сто павлинов
В разноцветных перьях,
Поселились в роще за рекой.
Ветер ждёт свиданья
На тропинках сада,
И приводит - за руки, дожди.
Дошивает осень
Плащ из листопада
С пуговкой рябины на груди.
Падают снежинки...
Им совсем неважно,
Что дрожат от холода цветы.
На подходе вьюги,
Только мне не страшно,
Потому что есть на свете ты.

Среди нетронутого
края

Среди нетронутого края,
У скал седых очаг завьюжен.
Кругом снега. Живёшь, не зная,
Что ты мне нужен, очень нужен.
И я от бурь земных устала,
Мой дом печалью разрушен.
Душа давно тебя искала,
Ты нужен мне, ты очень нужен.
Огонь, дымящийся в пещере,
Руками заслоню от стужи.
К губам прижмусь, и ты поверишь,
Что ты мне нужен, очень нужен.
Наступит май, сошьют наряды
Деревьям из зелёных кружев.
А мы с тобою будем рядом,
Ты нужен мне, ты очень нужен.

Роман Жук

От автора

Огромное спасибо за возможность создания этой книги моей бабушке и родителям, научившим меня писать буквы и слова. Лео - за скромные познания в компьютере. В. И. Ленину за электрификацию всей страны, всем девушкам, в которых я влюблялся, за душевные переживания, переросшие в слова. Особая благодарность лужам и бездомным котам и кошкам, за то, что они есть в этих серых городах, за то, что, как и я верят и ждут свою звезду. Спасибо моим учителям литературы, за то, что сами не знали предмета. Спасибо тем, кто будет читать мои стихи и песни, значит романтика, ещё жива. И пусть у вас всё сбывается.

Стихи и песни о том, чего нет

Там, где не знают тебя

Ухожу тропой мне не ведомой,
В новый город, где снова не ждут.
Туда, где судьба не изведена,
Туда, где опять не поймут.

Безликий, уставший странник
Я места под солнцем искал,
Скитаний бесплодных избранник,
Здесь я ещё не бывал.

Тут горы и снежные шапки.
Здесь люди злы на людей.
Возьму свои вещи в охапку,
И сам стану чужою злей.

Ах, как надоело мотаться,
И тратить в разъездах себя.
Мечтаю, желаю остаться
Там, где не знают тебя.

Наше море

Я ещё вернусь на берег моря,
Я ещё коснусь воды рукой.
Теплою волною смоем горе.
Обрету душевный я покой.

Помнишь,
вместе были мы с тобою,
И весь мир делили на двоих?
Память этих дней меня укроет,
Не было на свете лучше их.

Танцы до утра в прибрежном баре,
Сон на час, любовь уже навек.
И влюбленной бесшабашной паре
Радовался каждый человек.

Мы с тобой друг друга потеряли.
Но тех дней, увя, мне не забыть.
А дельфины весело ныряли,
Призывая нас с тобой любить.

Я еще вернусь на берег моря,
Оно стало нашим навсегда.
И любовь моя, написавшись горя,
Не покинет сердце никогда.

Кролик

Закончены гастроли,
Разорваны афиши,
А глупый серый кролик
Сидит и еле дышит.

Трусливо затаился,
И ждёт, пока умолкнет
Та, на кого молился
Бессмысленно, без толку.

Пусть новою рекламой
Заклеят и забудут
Про то, что в новой драме
Кого-нибудь не будет.

Брысь, кролик, ты свободен.
Все о тебе забыли.
Ты стал давно «не годен»,
Тебя и разлюбили.

Пусть новые гастроли,
Пусть новые актёры,
Готовят свои роли-
Кролячьи живодёры.

Беги же прочь, ушастый.
Твой дом - это природа,
А мир, он волк ужасный,
Не терпящий уroda.

Космобол

Я планетой нашей, как в мячик,
Хотел бы сыграть в космобол,
И с дальней ко мне передачи
Забил бы я в небо гол.

А «Млечный путь», как табло мне,
Напишет 3:0 в ответ.
Как жаль, что мне врач напомнил,
Что это - шизоидный бред.

45-й листопад

Звуки флейты затихают под дождём.
Мы с тобой стоим и солнца ждём.
Мимо проезжает паровоз.
С глаз твоих стираю капли слёз.

Пусть дрожит промокнутое пальто,
Кровоточат руки под бинтом.
В небе след оставил самолёт,
И рукой нам помахал пилот.

Жёлтый лист упал к ногам твоим.
Под дождём с тобою мы стоим.
Я смешал губами тушь с помидой,
Мне смешно, и ты немножко рада.

Осень, дождь и полный декаданс
Нам споет печальный наш романс.
Птицы собираются на юг,
Я согрею пальцы твоих рук...

...Это был кусочек ото сна,
Где-то под Берлином шла война.
Где-то шёл солдат на смертный бой,
Я же раненый стоял с тобой.

Я проснулся, но хочу назад,
В этот чудный 45-й листопад.
Там, где поствоенный декаданс,
Где звучит печальный наш романс.

Исчезающий

Я вижу в зеркале размытость
отражения.
Я понял, что меня не узнают.
Но нет границ воображения,
Меня на части нищим раздают.

И мать моя давно убрала фото.
Мой телефон уж больше не звонит.
Как недоделанная вовремя работа,
Как порванная основная нить.

Я медленно, но верно исчезаю.
Мои друзья забыли про меня.
Я чувствую, как я себя теряю,
Лик четкий свой, на образ променяв.

Теперь уж даже ты меня забыла,
А время прах мой превращает в соль.
Оно меня на части поделило,
Оставив мне взамен тупую боль.

И так меня боль на распадание,
Я угасаю, словно днём звезда.
За что дано мне на земле страдание,
Не суждено узнать мне никогда.

Иная жизнь

Не знал я в жизни отказов.
Мне просто нелепо везло,
Но смысл всех добрых рассказов
Оставлял в моём сердце зло.

Я не стремился к победе,
А просто всегда побеждал.
Даже в душевной беседе,
Не слушал, а перебивал.

Был, почти всеми, любимым,
Сам не умея любить.
Уверенно неотвратимым
Казалось, так надо жить.

Но время карты смешало.
Мой туз не в моей руке.
Жизнь моя смысл потеряла,
Болтаясь на волоске.

Любовь - это Бога частица,
Увы, во мне не жила.
Перевернулась страница
Той жизни, что раньше была.

Теперь над бездной склонённый
Не прочно встаю на край,
Жизнью своей утомлённый,
Пытаюсь постигнуть рай.

Стараюсь любви научиться,
Чтоб жизнь свою изменить.
Мне либо с собою проститься,
Либо иначе жить.

Прощай, и прости чуть-чуть

Я так долго скучал и томился.
Я тебя до неба вознёс.
Фонтан моих чувств испарился,
Не хватило ему моих слёз.

С ним ты теперь, быть может,
Меня из души стираешь.
Так пусть тебе Бог поможет
С тем, кого ты выбираешь.

Уже никакими словами
Огонь наших чувств не раздуть.
Его погасили мы сами.
Любови уже не вернуть.

Пусть твой избранник новый
Полюбит, как я любил,
А я свой венок терновый
Снял, и где-то забыл.

Душа к тебе долго рвалась,
Заблудившись у дальних границ.
Любовь моя унеслась
С косяком перелётных птиц.

Но помни, я был готовым
Тебя до гроба любить.
Подумай, а этот, новый,
Смог бы себя убить?

Смог бы тебе доставить
Сердце своё на подносе?
Или хотя бы представить,
Чего твоё сердце просит.

Я же, так долго томился,
Желая тебя вернуть,
Что навсегда заблудился.
Прощай,
и прости чуть-чуть.

Тебе

Как могла ты от меня отречься?
Как могла любовь мою забыть?
Как смогла от памяти отвлекаться,
И спокойно, мирно дальше жить.

Нас с тобою просто отравила
Наша перекишавшая любовь.
Как же быстро ты меня забыла.
Как легко остыла твоя кровь.

Что мне требовать или просить устало,
В твоём сердце меня больше нет.
Как легко любить ты перестала,
Как легко задула чувства свет.

Не прошу, не требую, не жду я.
Цепи истинной любви не разорвать.
И ночами больше не тоскую
Приучаюсь тоже забывать.

Подругам

Вас стало уже полсотни,
Согревших сердце моё.
Я жил, словно злой охотник,
Радую тело своё.

Кого-то из вас любил я.
Кого-то не помню, как звать.
Несчастной любви бессилье,
Звало меня обладать.

Вы все дороги мне, как чудо.
О каждой в душе есть картина.
Я знаю как, и откуда.
Я просто, я просто мужчина.

Я многим вам жизнь испортил.
Многим дал стимул жить.
Сегодня я всех вас вспомнил,
За тем, что хочу просить

Прощения за то, что лживо
Надежду на что-то давал.
Так не спеша и лениво
Кусочки любви воровал.

Вас пятьдесят, довольно.
Мне было с вами легко,
Но почему так больно,
Когда вы все далеко.

Я верю, вы счастливы стали,
Найдя на земле любовь.
Мечтать обо мне перестали,
Надеясь встретиться вновь.

Я же один остался
Вас, вспоминая в ночи.
Наверное, потерялся,
Утратив от счастья ключи.

Прощайте мои подруги.
Нам вместе пора забыть,
Историю друг о друге,
И дальше на свете жить.

Весенняя гроза

Я первый гром весной услышал,
А первый дождь меня умыл.
И я под дождь раздетым вышел,
Прощения у небес просил.

Меж туч мне молнии писали
Знаки судьбы, как на руке,
И свежим ветром обдували
Меня, зарытого в тоске.

Вмиг веселее становилось.
Вновь захотелось дальше жить.
Здесь время вдруг остановилось.
Я понял, что могу любить.

Любить грозу в середине мая,
Любить людей, любить тебя.
Я под дождём стоял смывая
Всё зло и ненависть с себя.

Такая близость со стихией
Тоску мою прогнала прочь.
Я стал готов писать стихи ей,
Я захотел вам всем помочь.

И в лужах весело сверкали
Мои забытые мечты,
А капли по лицу стекали,
Дождя и слёз, как я и ты.

Это действительно чудесно
Услышать первую грозу.
Моей душе во мне не тесно,
Дождь смыл последнюю слезу.

Сердце в небе, что прощает

Я сегодня сидел на крыше.
Жизнь совсем без смысла осталась.
Людей я разглядывал свыше,
А сердце рвалось и стучалось.

Там, на улице дети играли,
С беззаботным желанием жить.
Сердце - шарик они надували,
Чтобы в небо его отпустить.

Я понял, что шарик этот -
Сердце моё надувное,
Огромное, как планета,
А внутри, как воздух пустое.

Отпустите же сердце в небо.
Только небо умеет прощать.
Я был кем-то, кем-то я не был,
И не умел летать.

Дети весело сердце надули
И ветер поднял его выше,
Но иголкой его проткнули.
Я всё видел с высокой крыши.

Тогда оно полетело,
В небо, что ждёт и прощает.
Сдувалось, шипело, свистело.
Я понял, надежда сгорает.

Навстречу сердцу шагаю,
Оно пока вверх, я книзу.
В небо не попадаю,
Не выдал Господь мне визу.

Впустите же сердце в небо,
Оно меня ждёт и знает.
Я никогда в нём не был,
Но верю, оно прощает.

Разбитый альти

Босой ногой по стеклу,
Святым лицом об асфальт,
Таится тенью в углу
Старый, разбитый альти.

Порвалась струна,
Смычок разломан
на сто частей.
И темная сторона
Вдруг стала ещё темней.

Он песню свою не спел,
А я не закончил пляс.
Не он, ни я не успел,
Не вышло с альтиом у нас.

Танцы на битом стекле,
Под звуки разбитого альта.
Жизненный путь на игле,
Лицо в отпечатках асфальта.

Музыка прошлых лет,
Грешной души печаль.
Времени больше нет,
Нас никому не жаль.

Александр БАРКОВ

Уроженец поселка Усть-Кабырза Таштагольского района, Александр Петрович Барков и сегодня живет там, где родился. Свою малую Родину покидал лишь тогда, когда служил в армии, учился в Кемеровском государственном университете. По окончании преподавал биологию, был директором школы и даже милиционером. Сейчас вновь учит кабырзинских школьников. С 2003 года пишет стихи. Печатался в газете «Красная Шория», многотиражной газете Вагоноремонтного завода, литературном сборнике «Настроение», изданном Таштагольской Центральной библиотекой. В 2008 году выпустил собственный поэтический сборник «Полнолуние».

Серебряный лучик

Серебряный лучик луны
Груди обнажённой касался
И, вынырнув из глубины,
В глазах у тебя отражался.

Он светом волшебным ласкал,
По комнате перемещался.
И робко тебя освещал,
Но словно чего-то смущался.

Смущался твоей наготы,
Ее первозданной открытости.
И зрелой земной красоты,
И детской, почти, беззащитности.

Серебряный лучик, уйди.
Её не касайся рукою.
Ты ревность во мне не буди,
Иначе, я шторы закрою.

Зимние этюды

На деревьях иней серебрится.
Жемчуга повисли на ветвях.
Алая заря, вспорхнув жар-птицей,
Затаилась в лёгких облаках.

Снежным мехом вся земля укрылась.
В воздухе морозно даже днём.
Только мне опять весна приснилась,
Почему-то в облике твоём.

Речка Кабырза

Заливаясь песней звонкой,
Синевою слепит глаза,
Шаловливою девчонкой
Скачет речка Кабырза.

Среди гор скалистых вьётся
Говорлива и легка.
То счастливо рассмеётся,
То нахмурится слегка.

То на плёсе замирает,
Как на море — полный штиль.
То о камни разбивает
Волны в солнечную пыль.

То шумливей водопада
И прозрачней нем слеза,
Для души моей отрада
Непоседа-Кабырза.

Фотограф Светлана ЯСТРЕБОВА

С растрескавшейся серою корою.
Я снова вижу горные хребты
В загадочной
полупрозрачной дымке,
Весенний лес и белые цветы,
И искру радуги
в хрустальной льдинке.

Ты посмотри: какая ночь,
Как в синем небе звёзды блещут,
И ветви ивы чуть трепещут,
Свой сон не в силах превозмочь.

Послушай эту тишину,
Игру кузнечика на скрипке,
Стыдливый трепет юной липки,
Впервые тронувшей струну.

Ты распахни глаза души
И ощути Земли дыханье,
Живых цветов благоуханье
И звёздный пульс в ночной тиши.

Душой, восторгом просветлённой,
Над суетой земной взлетишь,
И ты внезапно ощутишь
Свое единство со Вселенной..

Признаюсь, я стихов не сочиняю,
На это мне таланта не дано.
Но только иногда вдруг замечаю:
Волшебных глаз случайный
взгляд встречаю,
И кровь бурлит, как крепкое вино.

И вот тогда, вне моего сознания,
Когда, измучившись,
я сплю почти уже,
И происходит таинство создания:
Из одиночества, отчаянья,
страдания
Рождаются стихи в моей душе.

Как это получается?
Не знаю.
Пред истиной нисколько не грешу,
Но я свои стихи не сочиняю,
И даже их, наверно, не пишу.
Я просто их из сердца извлекаю,
И на язык любви перевожу.

Осенняя любовь

Пришла под шёпот листопада
И взволновала сердце вновь
Судьбы нежданная награда -
Моя осенняя любовь.

Она пришла ко мне несмело
С осенним ветром и дождём.
В крови весною закипела,
Согрев рябиновым огнём.

Пришла и душу мне смутила,
В глаза плеснула синевою.
Что за неведомая сила?
И что ты сделала со мной?

Мне щедро подарила радость,
Огонь рябиновый мне люб.
Я пью немислимую сладость
Твоих горячих смелых губ.

Я тобою очарован,
Синевою ясных глаз.
А губами околдован,
(Целовал я их не раз).

Целовал я эти плечи,

В моё окно опять глядит луна
Загадочными жёлтыми глазами,
И чуткая ночная тишина
О чём-то тихо шепчет голосами.
И оживает в памяти весна,
Ручей звенящий снеговой водою,
Могучая высокая сосна

Руки нежные твои.
Без тебя я каждый вечер
Умираю от любви.
Без тебя я засыпаю,
Как в постели снеговой,
И подушку обнимаю,
Словно это ты со мной.

Это, видно, наважденье,
Это, видно, волшебство,
Что приходит в возбужденье
Всё мужское естество.

И тушу в крови огонь я,
Чтоб не грянула гроза.
Но всю ночь в бреду бессонья
Светят мне твои глаза.

Не посмотрюсь в твои глаза.
В них столько нежности и света,
Морская синь и бирюза,
Дыханием любви согрета.

В них столько тёплой доброты,
Нет ни измены, ни коварства,
Лишь прелесть детской чистоты
И капля женского лукавства.

В глаза твои не посмотрюсь.
Им изумляюсь бесконечно.
В их синеве я растворюсь,
С твоей душой сольюсь навечно

Плесни мне радуги глоток
В мою израненную душу.
Чтоб светлой радости восторг
Из сердца выплеснул наружу.
Чтоб закружилась голова
В предощущении нашей встречи.
Чтоб мои жаркие слова
Тебя согрели в этот вечер.
Чтоб светлой радости восторг
Из сердца выплеснул наружу.
Плесни мне радуги глоток
В мою израненную душу.

Белой пеной на деревьях
Кружевной покров.
Небеса в прозрачных перьях
Лёгких облаков.

Землю холодом сковало,
Треск да звон кругом.
А реке и горя мало
Спит под крепким льдом.

Как под шапкой невидимкой
Бродит Дед Мороз,
Осыпая звёздной дымкой
Волосы берёз.

Февраль

Уже февраль звенит капелью,
Запахло в воздухе весной
И с молодой кудрявой елью
Играет ветер озорной.
Ещё ночами вьюга воет.
Зима не хочет уходить.
Дороги снегом перекроет,
Так и стремится навредить.
Ночами припугнёт морозом
Так, что деревья затрепещат.
А на заре сошьёт берёзам
Из кружев инея наряд.
Но только утро наступает
И брызнут солнышка лучи,
Наряд из инея растает...
И так до следующей ночи.

Стихи из цветных тетрадей
Иван ЗАМЯТИН

Родился в деревне Верх-Таймет Таштагольского района в 1958 году в большой старообрядческой семье. В 17 лет опубликовал стихотворение «Мой Таймет» в газете «Красная Шория». Трудился в геологоразведочной партии и в лесничестве. Его университеты - жизнь, во всех её проявлениях.

Дождик в начале зимы.
Снег полинял и раскис.
Вкрадчивый отблеск луны
Лёг на соседний карниз.

Лёг и свернулся котом,
Спрятал меж лапиц глаза.
Молния хлещет кнутом:
Дождик, зима и гроза.

Утром блеснёт гололёд
Всей неудобной красой.
Только весна не причём —
Сыплет снежок косою,

Чистый, холодный, босой.
Снова да снова зима...
Месяцы, дни полосой,
Сон и прозрачная тьма.

Отпотели стёкла у окна.
Знать мороз по улице гуляет.
Ведь зима у нас! Уже зима...
Вон, ноябрь
Шапку примеряет,
Варежки и с мехом сапоги,
Скрип шагов,
И шуточки со смехом.
И вокруг солнца первые круги
Бархатятся
Ветру верным эхом.

От одежды моей
Запах дымных костров.
И в моей бороде
Дух бараньего сала.
Раскалённая даль,
Ширь зыбучих песков,
Да вода в бурдюках.
Но её всегда мало.
Мой двугорбый слуга,
Сын пустыни верблюдою,
Донесёт меня вновь
В те далекие степи,
Где в колодцах вода,
Где курганы встают,
На вершинах дымы,
И огни, словно цепи.

Рублю сушняк,
Кладу дровишки в печку —
Тепла желают тело и душа.
А над окном луна
Горит, как свечка,
Осенней ночи мрак
Собой глуша.
И пламя печки,
В лунный свет вливаясь,
Становится единой
Силой грёз.
Тепло мне. Засыпаю,
Улыбаюсь.
Забывши горечь
Пережитых слёз.

Я по ночам пишу стихи —
Так не писалось в юности.
Тогда набегу чувств лихих
Манили к дивной лунности.
Тогда и елось, и спалось,
И пелось, и работалось.
И незабвенное «авось»
От скуки просто лопалось!
Сейчас работать не спешу:
Я по ночам стихи пишу.

Что снится бурому медведю
В берлоге долгою зимой?
«Смотря по возрасту, - ответит
Охотник. — Если молодой,
То он по ягодику бродит,
Малину сладенькую жрёт,
Иль пень осинный находит,
Бывает, пчёлы там и мёд.
Все знают: сладкое — для роста,
Что очень надо молодым.
А с диким мёдом — в чём вопрос-то?
Легко быть сильным и худым.
Худой на кедр лубой залезет,
Он лёгок, жилист и силен...
...Кедровой шишкой старый грезит,
В ней сытость, сытым — слаще сон.
Наевшись ядрышек ореха,
В берлоге можно мять бока.
Вверху зима. Вставать нет сна,
А жизнь спокойна и легка!»

Молчи, душа,
Голодная, не плачь!
Не возбуждай, как дом,
Пустой желудок.
Когда-нибудь получишь ты калач —
Веночек из магильных незабудок.
И, может быть, далеко-далеко
Ты улетишь,
В заоблачные дали.
Да, мне с тобой, родная,
Нелегко,
И я с тобой
Всегда готов скандалить.
Кричи, душа голодная, рычи!
Была б возможность —
Дал бы тебе в зубы.
За незабудки также
Не взыщи,
Что не живые —
Из бумаги грубой.

Снег

Я, странник вечный, снова в гости
К вам.
На родину свою я лёг
Неспешно.
И белый, белый, белый саван
Грешных
Я разделил
По скверам и дворам.
Я и леса украсил,
Не скупясь,
Укутал травы
По лугам в разливах,
Чтоб ты, Земля,
Вздохнула вновь счастливо,
В ту спящую царевну
Обратиться!

Ни слова о зиме пока,
Ни звука!
Хотя он лёг, но он вот-вот
Растает.
Ведь ветер, вон, ещё
Стучится с юга,
И с неба дождь
На землю вновь
Стекает.
Все морщатся
На эту грязь
И слякоть,
И корчится дорога,
Косоротятся,
И хочется немножечко
Поплакать,
Ведь чувств, ушедших в лету,
Не воротить.

Родился на Горном Алтае, в селе Турочак. С семилетнего возраста живёт в Таштаголе, здесь окончил школу, в Новокузнецке — строительное училище, работал по распределению в Биробиджане, после армии вернулся на вторую родину — Таштагол. Работая в «Уралдомнаремонт», объездил в командировках всю страну.

Владимир ДЕГТЯРЁВ

На опушке, на опушке,
В жаркий сенокосный день,
В чьей-то маленькой избушке
Мы нашли от солнца тень.

И в траве, что пахла летом,
Мы купались до зари.
И шептала ты при этом:
«Ну, люби меня, люби!»

Быстротечно время летом,
Скоротечен сенокос,
И туман перед рассветом,
И кипящий рыбой плёс.

На опушке, на опушке,
В сенокосную пору
Молча слушаю кукушку,
Как прошлогоднее — «ау».

Вспоминаю год прошедший
И безоблачные дни,
И сенокос тот сумасшедший,
Как мелодию любви.

Я, заблудившийся во сне,
Не буду обречённо плакать
И простыню в бессилии царапать,
Как снег горячий на войне.

И будет дождь в окно стучаться,
Остывая на стекле.
А кто-то будет просыпаться
От стука, посланного мне.

Я во сне, как в джунглях ада,
Ко стыду, совсем один.
Забрёл в болото вместо сада,
Пинками времени гоним.

Будет дождь в окно стучаться,
Умирая на стекле.
Мне уже не отыскаться —
Утонувшему во сне.

Я знаю, мы встретимся
В июле месяце.
Вопреки всем законам,
ученьям-

Ещё до рожденья.
Вижу место свидания
У белого зданья.
Это случится,
Я в этом уверен.
Слышишь, как мчится
Любви нашей пеленг?
Коллапса пронзив оболочку,
Он ищет заветную точку.
Чтоб здесь,
на задворках Вселенной,
На доброй планете Земля,
Закончить свой
путь многомерный
На исходе июльского дня.
Я верю в космический разум,
А значит, рожусь и буду.
Вижу отеческим глазом
Одолженным
Суду —
Наших детей и внучат.
Только я, дорогая,
Еще не зачат.

Стою на перроне вокзала
Смотрю на приехавший люд,
Давно уж привычкою стало
Смотреть, как здесь плачут и пьют.
Кто-то встречает невесту,
Кто-то отца или мать.
Отсюда свой путь к Эвересту
Кому-то пришлось начинать.
Уезжают отсюда за славой,
Уезжают за длинным рублём.
Приезжают больны и усталы,
Кто погожим,

кто пасмурным днём.
Вокзал, как барометр времени,
В котором мы нынче живём.
На площади памятник Ленину,
И нищие рядом с вождём.

Нежданная встреча
После разлуки,
Дрожат твои плечи,
Губы и руки.

Знаю, что рада
Ты встрече случайной.
Слеза в три карата
Звездою хрустальной
Память былого нам осветила,
Было тогда всё красиво и мило.
Признаюсь, что рад
Этой встрече и я,
Закончился пат
Для короля.

Не был я пешкой
Никогда и нигде,
Я в рыночной спешке
Забыл о тебе.

Но знаю: есть некто,
Кто играет судьбой —
Небесный директор
Над головой.

Спасибо диспетчеру
Наших путей,
И светлomu вечеру
В жизни моей.

Моя столица

Я живу среди таёжного моря,
Вдали от больших городов,
В небольшом городке —
Таштаголе,
Где смешалась жизнь двух языков.

Не жалел и сейчас не жалею,
Что родился я в этих местах,
Я тайгою живу и болею,
И на двух говорю языках.

Мне плевать за заморские дали,
На дома из бетона, стекла,
Мне роднее,
что рядышком с нами
Всем знакомая телеигла.

«Айзенок» говорю я мальчишкам,
«Здравствуй, дядя» кричит ребятя.
Значит, в городе свой я, не лишний,
Значит —
это столица моя.

Сергей КАЗАКОВ

Родился в 1955 году в городе Таштагол, где прошла и большая часть его жизни. После окончания Кемеровского аэроклуба - двадцать девять лет отработал лётчиком в Таштагольском авиаотряде новокузнецкого авиапредприятия, на вертолётках конструкции «Миля» (Ми-1, Ми-2, Ми-4, Ми-8), над необъятными сибирскими просторами: родной «Горной Шории», Алтая и Томской области. Любимые занятия: путешествия по родной природе, рыбалка и чтение художественной литературы различного жанра, классиков и современных писателей. Своей первой пробой пера считает 1994 год. Пишет на философские темы, о мире, любви. Публиковался: в городской газете «Красная Шория» и во втором выпуске «Литературно-художественного альманаха «Ташта-гол», увидевшем свет в 2003 году.

Живёт и работает в городе Таштагол.

О, Иппокрена! Твои воды
Душевному струнам омовенье,
Живительный бальзам природы,
Пиитам дарит вдохновенье!

Удар Пегасова копыта
О твердь парнасскую свершился.
И откровение открыто,
И ток живительный излился.

Поэтов сонм моей России
Напитан был твоею влагой.
Пусть это только миф красивый,
Но даже он мне дарит благо.

Пусть очень редко, так обидно,
Но рифмы всё-таки сплетаю.
Я не поэт, и это видно,
Но вдохновенье прославляю.

Когда на сердце боль разлуки,
Когда обиды донимают,
Я не заламываю руки,
Я тихо, мирно стих кропаю.

Твоё извечное струенье,
На чувства наши натекает.
И как Творцу благодаренье,
За чудный дар стихосложенья,

За миг короткий приобщенья
Тебе я славу воспеваю.

Цветной вальс

Белый-белый буран
от черёмух цветущих закружит.

В синей-синей ночи
нас с тобою с дороги собьёт.
Может быть на беду,
Иль, маня за собою, затаен
В стан волшебной страны
под названьем: любовь, приведёт.
Белый-белый буран
наших пламенных душ не завьют.
В синей-синей ночи
свет любви разгорается вновь.
Этот свет неземной маяком
каждой жизни послужит,
Согревая уставших рабов,
чья владыка - любовь.

Жёлтый клён о поре
благодатной той
Тихо затужит,
Когда осень придёт,
И занудливо дождик польёт.
Помнить будем мы все
в синий вечер,
что хлад и простужен.
Память сердца весну,
за зимою идущую, ждёт!

Через разлуку

Порой мне снится тихий дом —
Приют мечтаний для меня,

Фотограф Аллея Калентьева.

Сосуд священного огня —
Огня любви. Но только в нём,
Тогда оставил я тебя.
Тогда нежданною бедой
Пришла в тот дом разлука,
И крик: «Не уходи! Постой!..» —
Повис среди комнаты пустой...
Безмолвный крик друг другу.
Тогда всё было пополам:
Любовь, обиды, страсти...
Во всём виною я лишь себя,
И всё твержу: «Мимо тебя
Пройти, не может счастье...»

Мысли при луне

Пол мира залито сиянием луны.
Всё в серебре: и горы, и тайга.
Порою даже, кажется, видны
следы мои, что спрятали снега.
Снега холодные
бесчувственно легли
На годы неоправданных терзаний,
Что караваном длинным шли,
Везя бесценный груз
моих страданий,
Моих исканий и «штанья»
по Земле,
Моих блужданий в поисках ответа,
Которых тяжкая,
жесточкая примета,
Запечатлелась на моём челе.
Поддай мне, Боже, миг! Молю!
Успеть сказать:
«Я, всех, люблю!»

Подобно ожиданию

Мерцающим холодным светом,
От звёзд, земной
мой путь расцвечен.
Как человек, на свете этом
Я плотию своей не вчен.
Как пращур мой от праха взятый,

Я, так же, обращусь во прах.
Но на душе моей измятой
Следа не оставляет страх.
Одно лишь на душе терзанье:
Бог не даёт того познать
Где, как, когда и почему
Шагну я за порог - во тьму?
Средь райских куц или в аду
Воскресну я иль пропаду?
Молитва к Богу, как рыданье:
Дай прежде смерти, покаянье!

Сжимается время

Дни, как пули очереди длинной.
Годы, как снаряды, бьют и бьют,
Даруют седины, морщины,
Покоя только не дают...
Строчки не сливаются в аккорды,
И молитва не спасает, нет!
Ясно видишь - дьявольская гордость
В никуда заводит белый свет.
Усмирить едва сумев себя,
Ты судьбою мира озабочен.
И в самом себе - себя любя,
Необъятное объять
ты снова хочешь.
Ты за этот долгий, долгий год
Прожил может половину жизни
Средь веселья и среди забот.
Едва внемля высшей укоризне,
Перепугал на дороге след,
Чуть не позабыл предназначенье...
Ну, какой ты, к лешему, поэт?
Так...
трепло страстишкам в утешенье.

Когда порушены устои,
Не жду от жизни ничего
И планов никаких не строю,
Я лист кладу перед собою,

И вот излился на него
Стих торопливый и корявый,
Но жгущий, как поленьев жар.
Зачем на муку или славу?

Дай мне ответ, мой Боже правый,
Ты поселил во мне сей дар?
Отбросив ложные сомненья,
Признать лишь следует одно,

Что чудный дар стихосложения,
При жизни крест за преступленья,
За все грехи... Но, как окно,
Он мне открыт, чтоб я увидел

Чуть дальше носа своего
И целый мир возненавидел,
Презрением его обидел,
Чтобы сильнее любить его.

Пророчество не мой удел,
Лишь раскрываю то, что ныне
Постичь из прошлого успел,
С собой соединить сумел,

Не приставляя своё имя...
...Мои напрасные потуги,
Возможно жалость породят.
А может недруги и други,

Пройдя, вот так же ада круги,
Венком из лавра наградят?

г. Таштагол.

Татьяна ЭМИХ-БАСАРГИНА.

Татьяна Александровна Эмих родилась в г. Бийске, после переезда жила в г. Киселевск и Прокопьевск. После окончания Новокузнецкого педагогического института работала учителем русского языка и литературы в школах городов Новокузнецка, Прокопьевска, Находки. В 1996 году пришла на работу в пресс-службу администрации города Прокопьевска. В 1998 году принята в качестве журналиста в отдел информации телеканала «27плюс» г. Прокопьевска. В 2000 году в связи с переездом на постоянное место жительства в Новокузнецк Татьяна Эмих стала корреспондентом информационного отдела телекомпании «Новокузнецкое независимое телевидение «10 канал». С 2002-го года работает корреспондентом отдела общественного мнения газеты «Кузнецкий рабочий». Сотрудничает с периодическими изданиями «Московская Немецкая газета», «Кузбасс», «Диалог», «Здоровье плюс красота».

Основная тематика - социальные проблемы и образование. Также Татьяна Александровна готовит публикации по истории города и края, пишет очерки об интересных людях города. Кроме того, в газете печатаются ее рассказы в художественно-публицистическом стиле. Является лауреатом конкурса имени Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за 2005 год. Неоднократно становилась победителем и призером городских и областных конкурсов в области журналистики.

Если бы мой дед встретил моего деда...

...что бы они сказали друг другу? Сибиряк с Алтая и немец с Поволжья? Один, погибший в 1943 году под Ленинградом, и другой, призванный в «Трудовую армию» и сгинувший в казахских степях? Они не были знакомы, но если бы вдруг остались живы в военной мясорубке, о чем бы рассказали, поняли бы друг друга?

Николай

Ах, какой он был красавец, мой дед Николай! Единственная фотография пожелтела, но не испортила его черты. Все девки и бабы заглядывались на русые кудри и зеленые глаза с прищуром. А он, помесь польской и цыганской кровей, ходил пор деревне с гармошкой, выглядывал себе ровню и выбрал Татьяну, не красавицу и не дурнушку, с веселым бойким характером, которая сумела-таки прибрать к рукам этого «кобелька», так она его ласково называла.

Четверо детей: три дочери и сын; небольшой дом, конь и корова - вот все их хозяйство. Жили не хуже других. Но в 1938 году помогла Татьяна одной молоденькой бабенке аборт сделать. Деревня есть деревня, все на виду, а закон строгий. Дали бабушке моей 6 лет и отправили в далекий город Сыктывкар строить дорогу. Была семья - и нет семьи.

Дед сначала запил. Потом вроде как взял себя в руки, дети ведь, кто кормить-то будет? Родня большая, да все бедные, но жалели, помогали.

Когда началась война, дед Николай бронь сначала получил. Но в 1942-м все-таки забрали его на фронт. Перед отъездом, рассказывали, плакал, говорил: надо мне руку отрубить, тогда с детьми оставят, а ему объясняли: бесполезно, за членовредительство наказание хуже фронта.

Так и ушел.

Некоторое время еще письма приходили, беспокоился, как там ребяташки, советы какие-то писал, чтобы на ночь двери запирали, да корову держали в сенях, боялся, что детвора без кормилицы останется. Но в 43-м похоронка пришла: мол, пал смертью храбрых.

На Невском пятачке под Ленинградом тогда сибирские дивизии плацдарм держали, полетели почти все, и дед мой среди них.

А вот, если бы жив остался, смог бы он забыть тот огненный кошмар? Смягчился, если бы узнал, что после похоронки освободили его жену Татьяну, которая приехала в деревню к обвалившемуся дому и к голодным, разобранному по родне детям?

Ей бы молчать да после работы огородами домой пробираться, но она, лагерная, языкатая, быстро восстановила про-

тив себя местное начальство. И когда в колхозной кошаре, где она работала, пропала овца, то никто и разбираться не стал. Три года сроку уже на военном заводе в Челябинске.

И с конца 44-го дети снова одни, снова среди такой же обезмужевшей родни или вовсе по чужим людям. Лебеда, кора, казеин и то хорошо, а уж мякина и жмых почти лакомство. Если бы мой дед Николай это знал, как бы он рассказал такое моему другому деду Карлу?

Карл

Говорят, что прижимистость и аккуратность - истинно немецкие черты. Что ж, если так, то дед Карл был наделен ими в полной мере. Хотя можно ли его судить, ведь к началу войны в семье было 8 детей?

Это в Сибири в самую сильную засуху хоть что-то да родится, а в Поволжье, если горит под солнцем земля, то уж до последнего зернышка. Вот и приберегал Карл со своей женой Альвиной каждый кусок, все от голода спасался. Но от войны разве уберешься? В августе 41-го в один день велели собраться и повезли семью в Сибирь. Пока отец был с ними, все казалось не так страшно. Но в Новосибирске собрали всех мужчин состава и увезли, а куда, бог ведает. Альвина как надела тогда траурный платок, так уж больше в светлом и не ходила.

До маленькой алтайской Малиновки детей довезла, а вот потом всех сберечь не сумела: 4 умерло, по ребенку на каждый год войны. «Фашисты», так их называли в деревне, жили в землянках на окраине, старались общаться только между собой и хоронили своих отдельно от русского кладбища.

Не раз после очередной похоронки деревенские приходили их бить.

А Альвина все ждала пропавшего мужа. Одни говорили: на лесоповал отправили, другие - котлованы рыть под эвакуированные заводы, а третьи и вовсе шептались: часть состава сбежала и по ту сторону фронта воюет. В 1943 году вдруг пришло письмо не по почте, а с оказией, кто-то приехал в Барнаул и через десятые руки передал записочку: «жив, работаю в степях». Уже десятки лет спустя выяснили, что был Карл где-то под Джезказганом.

Обрадовалась тогда Альвина. Глупая, ходила всегда с письмом и, если что, показывала по великому секрету всей деревне: мол, муж не где-то хлебом с маслом объедается, а тоже «кует победу». Добилась только того, что стали выяснять, как письмо попало к ней, но ничего, обошлось.

А от Карла больше вестей не было. Зато был голод, а еще подозрительность, проверки, злоба и редкая, очень редкая доброта. Это только к концу войны деревенс-

кие привыкли, что в списках на выдачу зерна, соломы (зарплату-то не платили) мелькают немецкие фамилии, а ведь поначалу в драку кидались. Бабка моя однажды какой-то немецкий чепец с оборочками надела, так сельсовет всерьез решал, шпионка она после этого или нет.

Знай мой дед Карл обо всем этом, да свое лагерное житье припомни, смог бы он по-доброму разговаривать с дедом Николаем? Боюсь, вышла бы только ссора с перечислением обид или того хуже. Не поняли бы они друг друга тогда, сразу после войны. Но, может быть, разговор получился бы много лет спустя, когда мама встретила моего отца?

Валентина

Моей маме, Валентине было 15 лет, когда окончилась война. Сирота, она росла как придется и мечтала стать учительницей. Казалось, что тогда жизнь будет светлая и прямая, как дорога. Тянулась, училась, а летом 47-го, когда пришло время поступать в педучилище, бабушка Татьяна после небольшой побывки в третий раз оказалась за решеткой. Попалась на продаже самоварного мыла, и отправили ее, как рецидивистку, уже в Магадан на 8 лет, а получилось - навсегда.

Опять уже повзрослевшие сестры и брат остались одни. Работали, учились, пытались устроить личную жизнь. Пока сестры, деревенские простушки, жались по углам да надеялись на любовь по правилам, всех оставшихся мужиков, плохих и хороших, старых и совсем молоденьких, разобрали другие, более оборотистые. Что теперь говорить, все тетки, пусть и без мужей, но детей родили и внуков дождалась. А Валентина, мама моя, вышла замуж в 27 лет уже после пединститута. Проще говоря, вытолкнула ее родня за случайного знакомого, деревенского пьяницу. Хватило двух лет, чтобы сбежать в город с крошечной дочкой и, казалось, навсегда поставить крест на семейной жизни. Но в 34 года появился поклонник, который любил, чтобы его называли полным именем - Александр. Был он назойливым и долговязым, младше ее на 10 лет, с гонором и стремлением во что бы то ни стало выбраться из нищеты.

Александр

Не сосчитать, сколько раз отец, подвыпив, рассказывал мне, что пошел в первый класс в девчоночьем платье, не было в репрессированной семье другой одежды для самого маленького. Дразнили, издевались над ним до слез, до истерики, но не идти в школу было нельзя, там кормили всех, невзирая на фамилии.

Однажды старший брат, обидевшись за

младшего, разрезал юбку посередине и сшил половинки наподобие штанов. Получилось черте что, но все же не юбка.

Ни о чем другом из школьных лет не рассказывал отец. Видно, это платье стало самой тяжелой обидой послевоенного детства. После школы он работал в колхозе и все думал, как бы выучиться на инженера. Наконец в 63-м уехал в город, устроился на котельный завод и поступил на заочное в техникум.

Там держался особняком, с девушками не дружил, все искал женщину, которая бы поняла его стремление выбиться в люди и помогла. Такой оказалась его учительница истории Валентина Николаевна, моя мама. Два года отец добивался ее внимания. И она, все еще смеясь и не веря, согласилась выйти за него замуж.

Свадьбы не получилось, родственники с обеих сторон сидели за одним столом, поджав губы. Недовольны были и те, и другие. Маму втихаря обзывали «немецкой подстилкой», отцу шептались, что дурак, женился на русской старухе да еще с ребенком, когда среди немецких переселенцев девушек полно. Ясное дело, к вечеру гости подрались. На утро разъехались, сказав молодоженам, что ноги их здесь больше не будет, и много лет слово свое держали.

Бабушка Альвина, прожившая после женитьбы младшего сына еще 7 лет, приехала только раз, когда родилась я.

И снова, не знаю, смогли бы мои деды, оставшись они в живых, принять тогда этот брак, поздравить молодых, вместе, как положено сватам, выпить и поговорить по душам. Наверное, нет. А когда же это все-таки могло случиться? Может быть сейчас, почти за гранью их человеческого века, более чем 60 лет после окончания войны?

В нашем доме живет ветеран войны, редко-редко достает он из шкафа неподъемный от медалей пиджак.

В соседней квартире живет бывший трудармеец с немецкой фамилией. Медалей у него нет, зато есть несколько удостоверений со словами «репрессированный», «реабилитированный».

И ничего, дружат, ключи оставляют, занимают деньги, вместе отмечают День Победы.

Говорят, раньше в этот день ссорились, обидами считались, а теперь все больше молчат, поминают погибших на фронте и в тылу.

Вот и я думаю, может быть, и не нужен долгий разговор, а просто посидели бы Николай с Карлом рядом, как близкие. И было бы им хорошо и грустно...

если бы мой дед все-таки встретил моего деда.

г. Новокузнецк.

Евгений ТИЩЕНКО

Вы когда-нибудь задумывались над тем, что книга становится архаизмом? Сегодня это детище печатного станка вытесняется телевидением и интернетом. Поэтому вам не нужно читать биографии вершителей истории, достаточно посмотреть передачу Эдварда Радзинского. Зачем идти в книжный магазин за рекламируемой литературной новинкой, если ее можно месяц спустя скачать из любой поисковой системы всемирной сети?

Почему у книги такая судьба, по какой причине она все чаще попадает в немилость? Разве дело только в нескольких сотнях рублей, которыми оценивают современные книги? На мой взгляд, причина в другом. Главное преимущество телевидения и интернета перед книгой — скорость получения из этих источников информации, пусть и бесполезной, а иногда и вредоносной...

Сейчас можно только с умилением вспоминать времена, когда книга представляла в нашей стране реальную ценность. Старшее поколение еще помнит эпоху самиздата, «Мастера и Маргариту», отпечатанную на пишущей машинке, обмен многокилограммовой макулатуры на единственный дефицитный томик, или потрёпанную книгу, которую товарищ мог дать только на один вечер.

На определенном этапе книга была психотропным оружием, бомбой, разрушающей идеологические твердыни. Не зря существовало такое понятие, как «запрещенная литература». А сейчас, когда разрешено печатать и показывать все, книга — отставной солдат, наблюдающий за культурными баталиями со стороны...

Где ты появился на свет...

Одиннадцатиклассник Денис Дунаев вздохнул и опустил пальцы на клавиатуру новенького ноутбука. Ему было о чем задуматься, ведь в области был объявлен конкурс на лучшее сочинение о его родном городе Краинске, которому в этом году исполнилось 80 лет. Домашняя библиотека позволяла придерживаться строгой хронологии и не искажать факты, на полке шкафа стояли бережно собранные родителями брошюры.

Скромность местного издателя разбавляли гляцевые фолианты, заказанные в областной типографии и отпечатанные на русском и английском языках. Эти названия до сих пор волновали воображение Дунаева.

Чего стоила одна только книга «The city is on fire» (русское название — «Город в огне»), посвященная строительству пригородной электростанции. По распоряжению главы города, работу над этой книгой поручили московским журналистам, рекламщикам и сотрудникам PR-агентств. Цель была несбыточной, но от этого не менее привлекательной — заманить в Краинск иностранных инвесторов, или, по крайней мере, туристов. Тем более, что местные достопримечательностей было предостаточно: краеведческий музей с бивнем мамонта, древний камень у въезда в город, который хотели украсть и перепродать шустрые проезжие цыгане, а также мастерская по изготовлению туесов из бересты.

Историю Краинска Дунаев начал изучать еще в младших классах, на уроках природоведения. Сейчас он на мгновение вспомнил, как им, восьмилетним несмышляшкой, классный руководитель Зухра Захаровна, торжественно вручила брошюры с сумм названием «Из истории города О». Позрелев Денис скрупулезно изучал черно-белые фотографии на страницах, читал восторженные воспоминания местных старожилов, и так не смог понять для каких целей был основан населенный пункт, где он был рожден и вступил в тревожное отрочество.

Покая ему не давал разговор с одним из подвыпивших пенсионеров на улице, который услышал, как Денис с товарищами неловко отзывались об Краинске, и вмешался в разговор.

«Дорогие друзья, — высокопарно и язвительно обратился к подросткам дед, — у вас впереди — долгий и прекрасный путь! Но не нужно думать, что если вы молоды и полны сил, то имеете моральное право говорить о нашем городе, как вам вздумается.

Многое вам может показаться здесь

нелепым и провинциальным. Знаю, как вы мечтаете об огнях мировых столиц, а сами сидите с бутылками пива у неосвященного подъезда вашего дома!

Только вот что я скажу по поводу ваших фантазий, ребята! Лучше уж быть обычным мужиком в Краинске, чем первым то ли мужиком, то ли бабой в столице».

С таким доводом трудно было не согласиться...

Денис решил не пользоваться справочной и краеведческой литературой, а отпустить свою мысль в свободный полет. Он взглянул в потолок и нервными, артистическими жестами стал наносить удары по клавишам компьютера:

«Город Краинск был основан на берегу реки Краинья в 1929 году. Первыми его поселенцами были крестьяне, пострадавшие от коллективизации и приезжающие сюда в поисках лучшей доли. Здесь их встречали с распростертыми объятиями прорабы стройплощадок, на месте которых должны были вырасти гиганты индустрии.

Следом за разорившимися крестьянами в вагонзаквах прибывали лица, отбывающие наказания за преступления против граждан и государства. Это была наиболее активная, но беспоконная категория строителей нашего города. Искусные картежники и неутомимые рассказчики анекдотов, они вызвали неоднозначную реакцию у местных охранников и сельских соратников. Уже в те годы они проявляли недюжинную коммерческую смекалку, совершая торговые операции со строительными материалами и рабочей одеждой. Эти навыки полвека спустя передались их потомкам, первым городским кооператорам, ассам подпольного игорного бизнеса и спортсменам, образовавшим свои особые бригады...

В скором времени повалил дым из труб первых заводов: механического, цементного и машиностроительного. Наступил третий этап заселения города. На призыв страны откликнулись квалифицированные рабочие крупных городов. Выходцы из сельских районов и бывшие заключенные с неохотой принимали их в свои ряды. Но пролетарская сплоченность победила в очередной раз. Станочки, водители, слесари из Москвы, Ленинграда и Горького сумели доказать свое превосходство и заняли достойные места в профессиональной иерархии...

Денис в упоении бил по клавишам и лишь на мгновение останавливался, чтобы перечитать отдельные фрагменты написанного о военных годах, восста-

новлении народного хозяйства и первых пятилетках.

Он быстро пробежал глазами по наиболее любимым строчкам: «Вся семья Хромовых рвалась на фронт: и мужики, и бабы, и дети малые. «Надоело бить друг друга, будем бить врага!» — в один голос заявляли они военному Краинску... Трофейный патефон краинцы готовы были слушать целыми сутками. Поразительная тяга к искусству! В песнях Марлен Дитрих — великая сила!... «Партия спустила на наш завод пятилетний план, — волнуясь пересказывал содержание областной конференции Клюев в цехе. — «Михалыч, на меня овчарок спускали! А ты меня глазом каким-то пугаешь!»...

К следующей части повествования Денис Дунаев приступил с особой любовью, ведь в ней речь шла о той прослойке краинцев, которую представляли его родители:

«...Наступила эпоха научно-технической революции. Предприятия страны требовали модернизации в соответствии с требованиями мировой экономики. Для этих целей в городах страны создавались научно-исследовательские институты. Краинск также не стал исключением.

Вооруженные тубусами и логарифмическими линейками, в город прибывали недавние выпускники технических вузов и опытные инженеры-конструкторы проектных институтов из научных центров России. Они внесли особый колорит в жизнь нашего промышленного города, обогатили его культурными традициями. Неопрятные внешне, с растрепанными волосами и в засаленных пиджаках, они являли собой подлинный пример служения науке. А об их вольнолюбивых разговорах на кухнях и пении под гитару у костра у местных сотрудников государственной безопасности и жителей окрестных сел сложились уникальные легенды...

Денис оканчивал сочинение. Осталось дописать последние строки, коснуться дня настоящего, в который довелось жить ему самому:

«На рубеже XX и XXI веков жизнь в городе мало отличается от реалий областных и российских столиц. Успешно действуют ночные клубы, которые из мест для сведения счетов постепенно превращаются в места отдыха учащейся и рабочей молодежи. Приезжают московские и питерские ди-джеи, привозя с собой вместе с коллекциями виниловых пластинок аромат дорогого парфюма и утонченные манеры. Поэтому сейчас на улицах некогда сурового Краинска можно часто увидеть юношей и де-

вушек неопределенного пола...»

...За окном уже смеркалось. Денис распечатал сочинение на принтере, аккуратно сложил листы бумаги в полиэтиленовую папку, залез в квартиру и стал устало спускаться вниз по лестнице...

Он шел вдоль разбитой асфальтовой дороги, тускло освещаемой уличными фонарями, мимо переполненных железных баков, вокруг которых лежали горы бытового мусора, мимо домов с обветшавшим фундаментом, построенных еще полвека назад.

Если бы он был старше, он мог бы подумать, что полотнища уличных плакатов, столь бездарно пропагандирующих любовь к городу, это инструмент идеологической работы местной администрации. Он бы понял, что колеса пропагандистской машины вновь закрутились с бешеной скоростью, как во времена первой и второй мировых войн. Только отличие состояло в том, что в те годы на смену искусственному свету забрезжили настоящие лучи солнца, которое согрело все города и веси этой холодной страны.

Но сейчас дела обстояли иначе. Большие города оделись в дома из цветного стекла, обросли новыми набережными и фонтанами. А чтобы придать краинскому сколь-нибудь пристойный вид, необходимо было потратить хоть какие-то деньги, чтобы хоть как-то успокоить совесть. Во всяком случае, сверстать бюджет реконструкции города, куда внести негласную графу «сумма, которая непременно разворуеться», а остальные средства направить на ремонт дорог и зданий.

Но аппетиты чиновников малых городов уже мало уступают их коллегам в крупных населенных пунктах. Поэтому от «реанимационных» бюджетов почти ничего не остается, а улицы украшаются только лишь заплатками плакатов и шрамами асфальтовых выбоин.

Но Денис подумал о том, что и в больших городах есть районы-гетто, подобные Краинску, облик которых не менялся десятилетиями, и люди там движутся по одному давно знакомому маршруту «работа-пивная-отделение милиции». От этой мысли Денису стало совсем не по себе...

Вернувшись домой, он порвал листы с сочинением. В сознании почему-то вертелась фраза «спасительный самообман».

Денис снова сел за компьютер, набрав новый вариант сочинения: «При слове Краинск к сердцу поступает теплое чувство благодарности месту, где ты появился на свет...»

Слушателям ТИШИНЫ

Для меня звуки более материальны, нежели предметы, которые можно потрогать руками. Утром глаза еще закрыты, а в уши уже назойливо лезет гул проходящего поезда, в верхушках деревьев за окном завывание ветра, за стеной — журчание воды в ванной комнате. Как только я выхожу утром на улицу, начинается звуковая атака: хлопание подъездных дверей, взвизгивание автомобильных шин, торопливые разговоры людей, спешащих на работу...

Я — шпион в мире звуков. Сами того не желая, они сообщают мне больше информации, чем вся уличная или домашняя декорация моей жизни, которая отражается в моих глазах.

И иногда мне думается, что человек — просто дополнение к гулкому ритму шагов или сказанным словам. Радио в этом смысле — идеальная мистификация: вся картина мира распространяется из маленького динамика, и не нужно никакой фотопленки и акварели.

Я не раз был свидетелем, как звук занимается шарлатанством, заведомо вводит меня в заблуждение. Например, когда я шел по улице, и слышал позади дробь женских каблучков-шпильек. Я ожидал, что меня обгонит молодая симпатичная женщина, но спустя несколько секунд видел совершенно обратное. Стук модных туфель на шпильках по асфальту — вот секрет этого обмана.

Когда-то я боялся тишины, она меня настораживала, поэтому я всеми силами бежал от нее. Шум, скрежет, лязг, скрип — все это уже по своей фонетической составляющей не должно было ласкать мой слух. Но если в нужный момент не находилось ничего подходящего, то и эта какофония годилась в качестве озвучивания очередного дня. Иногда в этом хаосе мне слышался гимн страны Урбанизация.

Я недооценивал значение тишины, но сейчас понимаю, что она скоро станет метафизическим антиквариатом и будет иметь такую же цену, как искусственно созданные предметы старины, которые сейчас называют словом «винтаж». Тишину будут записывать на компакт-диски в расчете на людей, подверженных ностальгии.

И вот тогда я смогу зайти в музыкальный отдел магазина и приобрести диск под названием «Северная тишина». А дома зарядить его в MP-3 плейер и... не услышать ни одного звука. Но на барабанные перепонки мне будет давить разряженный морозный воздух.

Тишина здесь — только драпировка. Но стоит только порвать этот белый холст, как я услышу сквозь образовавшуюся брешь скрип снега под ногами обессилившего путника и завывания волчьей стаи...

г. Прокопьевск.

Бессонница

За полночь скоро, а ты всё не спишь,
Что же тебе не даёт?
Снова скребётся за плинтусом мышь,
Ветер в деревьях поёт.

Старый ночник свет матовый свет,
Мерно будильник стучит,
Словно листает историю лет,
Стрелкой секундной сучит.

Нет больше звуков – пора бы уснуть.
Что ж ты не спишь, малышок?
Полно глазеть на полночную ртуть,
Дай прочитаю стишок.

Дай посижу у постельки твоей,
Плечи твои обойму.
Что-то не слышен в ночи соловей –
Непостижимо уму...

Ты прижимаешь ладони мои
К маленькой груди своей.
Время вращает былого слои
В памяти теплой твоей.

Ты засыпаешь, а мне не уснуть,
Что же приснится тебе?
Завтра продолжим
наш жизненный путь,
Не покоряясь судьбе...

В Тогуцине

Мы в вагоне вдвоём,
поезд мчит нас в ночи,
Лишь колёса стучат:
В Тогуцин, в Тогуцин...

Ты уткнулся в окно:
гордость, радость в глазах
Оттого,
что не ездил ещё в поездах,

Ты чешь пальцем в стекло,
говоришь, говоришь...
Мне так радостно всё
это видеть, малыш!

Поезд мчит нас в ночи
и качает вагон:
В Тогуцин, в Тогуцин...
Надвигается сон...

Как там мама без нас?
Изболелась душа.
Трудно ей от себя
отпускать малыша.

Слышишь, мама, не плачь!
Мы чуток погостим
и на пятый денёк
вновь к тебе прилетим.

Не печалься жена –
сына нашего мать:
Сын впервые с отцом
едет мир познавать!

Не ругай меня, малыш, не брани,
Я сегодня вновь отведал вина.
Не понять тебе меня – извини...
Жизнь, мой милый, иногда солоня.

Но порой она горька, как полынь,
Оттого что мы упрямы, малыш.
Помоги же мне раздеться, остынь...
Не молчи, как ты обычно молчишь.

Забери из рук усталых пакет,
Я принёс тебе прекрасную снедь,
К ней большущую коробку конфет,
Не брани коли начну песни петь...

Посиди со мной, родной, посиди,
Прислонись же ко мне
хрупким плечом,
Разговор о светлом новом веде,
Обогрей меня душевным лучом.

Слышишь, в чайнике бурлит кипятки,
Вот сгущёнка, ешь печенье, – рубай!
Я же горькой «приголублю» чуток...
Поругай меня сынок... поругай...

**Николай
ПОДСЕВАЛОВ**

Вечер, спустившись на город,
День уходящий окликнет,
Неба закатного ворот
Кремнем таинственным чиркнет.

Запад, залившись кармином,
Памяти узы протянет
И... непременно за сыном,
Криком вельможным поманит...

Вспомнится белая осыпь
Яблонь отцветших на даче.
Ивы, склонившие косы,
Вновь над рекою заплачут.

Вспомнится мальчик бегущий
В дивном ромашковом поле,
Верящий, любящий, ждущий,
Не подчинившийся доле...

Вечер погаснет и тьмою
Краски багряные слижет,
И роковой зимою
Вновь над простором задышит.

Утром рассвет обозначит
Чёткие грани событий
И о делах засудачит,
Прочь уводя от наитий...

Горит в подсвечнике хрустальном,
Мерцая, желтая свеча,
В её свечении печальном
Порхает времени парча.

В парчи серебряных узорах
Таится прошлое моё,
И неустанный шёлка шорох
О чём-то горестном поёт...

Трещит фитиль в топлёном воске,
Слезясь, стекает стеарин,
И провидений отголоски
Несут полотнища картин...

На полотне картины каждой
Мои вчерашние года –
Года наполненные жаждой
И силой прежнего труда.

Виденья старых перекрёстков
Кружат по комнатной тиши,
И тени с призрачных подмостков
Упорно требуют: «Пиши!..».

И вновь на белые страницы
Ложатся новые стихи,

И сердца раненные птицы
Летят в цветение ольхи.

Свеча сгорает, время тает,
Земля вращается – плывёт,
И за окном уже светает,
И новый день в себя зовёт...

Зима миновала, а я всё никак
Согреться пока не могу.
Я выстыл от зимних холодных атак,
И след мой затерян в снегу.

Барачные стены покрыты грибком,
Крысиный помёт по углам...
На сердце растёт злополучнейший ком,
И тут же рубцуются шрам.

И, кажется, будто бы стаи ворон
Кружат над моей головой,
И видится детства прощальный перрон
И строгий его часовой...

И детство сменяется юностью вновь,
Но рвётся тончайшая нить.
И время, нахмурив со строгостью бровь,
В рожок продолжает трубить.

И временный жар пролетел надо мной,
Огонь загорелся в груди
И вскоре исчез в атмосфере земной,
Печально пропев: «Не суди...».

И снова мороз от простуженных стен
Несметным количеством жал
Впитался сквозь трубы напыщенных вен,
И в тело, и в душу сбежал...

Как быстро слетела листва...
Как тихо становится в рощах,
Холодная явь естества
Гудит в обезлиственных мощах...

И птицы как будто не те –
Поют и печальней и реже,
И время былой красоте
Дыханье последнее режет...

Закончился тёплый сезон,
Округа вздыхает от стынтей,
И в мой, под окошком, газон,
Пробрался убийственный иней.

Последние астры на нём
Головки свои опустили,
И умерли этим же днем,
И... кажется, время простили...

Поэт Николай Борисович ПОДСЕВАЛОВ родился 4-го ноября 1953 года в городе Киселёвске Кемеровской области. Стихи пишет со школьного возраста. Публиковался как в городской, так и областной периодике. Постоянный участник и победитель городских и областных поэтических фестивалей и конкурсов. Стихи Николая ПОДСЕВАЛОВА можно встретить в интернете на поэтических сайтах, таких как Островок; Шахтёр; БПЗС. Большую часть своей беспокойной жизни он отдал шахтёрскому труду. В его стихах раскрыты все жизненные темы и поэтому он является почётным гостем школьных и библиотечных организаций, где охотно общается со слушателями. На протяжении многих лет Николай ПОДСЕВАЛОВ является председателем местной литературной организации и охотно посещает литераторов других городов Кузбасса, где бескорыстно делится своим поэтическим опытом. В настоящее время Николай ПОДСЕВАЛОВ находится на пенсии, но всё же, несмотря на это много работает над своими произведениями и сегодня наше издание предоставляет на своих страницах его необыкновенные стихи:

Кручина

И вновь пополнился мой список
Друзей, в небытие ушедших,
Мне каждый был безмерно близок,
И не был в списках сумасшедших.

Я вновь под скорбью неуёмной
Бреду и молча негодую,
И, кажется, что вес стотонный
Влачу я в комнату пустую...

Снежинки падают на землю,
Я принимаю это чудо –
Уход друзей лишь не приемлю,
И вспоминать о прошлом буду.

Песок событий – слёз владыка...
Из глаз вот-вот ручьи прольются,
Мне кто-то буркнул: «Горемыка...»
Я ж постарался улыбнуться...

Войду в квартиру, стол накрою,
Достав бутылку никчемной водки,
И тризну по друзьям устрою,
Рванув за каждого по сотке...

А утром горькое похмелье
По сердцу с грохотом помчится...
Ушли друзья, и нет веселья –
Я не могу на том забытья...

Я призрак невозвратного столетья,
Меня давно похоронили те,
Что в адрес мой
лепили междометья,
И мысленно распяли на кресте.

И всё за то, что я неугомонно
Твердил о том, что мир сошёл с ума,
За то, что сердце
билось монотонно,
Предвидя, ныне видимый, туман;

За то, что вырос мыслями и словом,
И не согнулся под нажимом лжи,
За то, что в новый век
вошёл не в новом,
Не прятался в сомнительной тиши.

И пусть я тлен, пускай сторел на строчке,
На жарких глукх собственных стихов, –
Никто на мне
не смеет ставить точки
И возводить порочащих штрихов!

Мне сказали: я страшно живу.
И добавили – так не живут!
Что я облаком слёзным плыву,
Что меня невезучим зовут...
Ну и что, пусть какой-никакой...
Невезение – это мой крест,
Мне неведомо слово покой,
Я не знаю счастливее мест.

Мне сказали: я глуп и упрям,
Но я знаю, что это не так,
Знаю то, что я волен и прям,
Ненавижу нещадных атак;

Презираю коварную ложь,
Не терплю хвастовства и того,
Кто заносит в истерике нож,
Возвышая себя самого.

Мне сказали: «Беги от себя,
От своих наречённых врагов –
Невозможно прожить не любя,
И не веря в правдивых богов...»

Но откуда ж советчикам знать
О врагах и моей нелюбви,
И зачем меня с места срывать,
И месить кривотолки в крови?..

Я живу потому, что люблю,
Потому что любим и пригож,
Потому что мгновенья ловлю,
Не используя сети и ложь.

Не копайтесь в моих небесах
Лицемеры сегодняшних дней,
Лучше взвесьте свой ум на весах,
Это будет гораздо честней.

Мне сказали: я странно живу,
Мне сказали: я страшно живу...
Я ответил: «Живу, как могу,
Но зато не краду... и не лгу...».

Что же ты делаешь, Боже?
Я не желаю забыться.
Видишь, как память на коже
Ранами с кровью сочится...

Сердце то дрогнет, то станет,
То защежит и заплачет —
В прошлое видимо тянет...
О потаённом судачит...

Слушаю звон колокольный,
Малча ропщу, негодую
Я — раб судьбы подневольный —
Жизнь повидав непростую...

Боже, мой Праведный Боже,
Не позволяй мне забвенья,
Будь справедливей и строже,
Только не рви эти звенья...

Снова дальняя дорога
нас с тобой зовёт.
Скорый поезд понемногу
набирает ход.
Снова ждёт нас отдалённый,
зимний Тогуцин.
Посетить его толкают тысячи причин.

За окном вагонным
снова проплывает ночь,
Спящий город уплывает
от состава прочь,
Вдалеке мерцают
тускло редкие огни,
Стук колёсный навевает
памятные дни.

Ты прильнул к окну вагона,
жадно смотришь вдаль,
Ждёшь желанного перрона,
прочь гоня печаль.
Поезд мчит в ночи морозной,
ты опять не спишь
И с упорностью серьёзной
сквозь стекло глядишь...

Вновь мелькают полустанки
полные огней.
Проведём мы в Тогуцине
только пару дней —
Больше время не позволит,
не брани его.
Нас оно сейчас неволит,
только и всего...

Ночи!.. Тебе уснуть бы надо,
дорогой молчун.
Ты ещё увидишь много
подорожных лун,
Много дум прольёшь в просторы
под колёсный стук...
Дома лучше, чем в вагонах,
мой печальный друг...

Спи, мой сын... Вагон, качаясь,
силы даст уснуть,
От желанного перрона
будет новый путь...

Холодная весна

Холодная весна...
апрель на убыль двинул,
Наохлившись, скворцы
уныло в высь глядят,
Свирепые ветра земле
коробят спину
И в кронах тополей
без устали гудят...

О, високосный год,
тебя я не приемлю,
Твоим приходом лишь
возрадовалась смерть,
Ты вновь ступил царём
на горестную землю,
И свежие кресты
её пронзают твердь...

Несносная весна...
зима уйти не хочет,
На травы, что взошли,
упал холодный снег,
Крестьянский люд честной

проклятие бормочет,
Не отходя душой от пашен и телег...

Вот снова понесли
кого-то на кладбище,
И сетует народ,
и каждый день вот так ...
В безлиственных ветвях
свирепый ветер свищет...
Что он навеет нам,
бездушный злой чудак?..

Холодная весна...
до мая только сутки,
А високосный год шагает по земле.
Безудержно летят
дражайшие минутки
И тают, как в огне, в его сырой золе...

Хотел бы я, чтоб жил народ
В квартирах светлых, не холодных,
Чтоб продолжал здоровый род
И не был в списках неугодных;
Чтоб верил тем, кто у руля
Страны стоит и правит мудро,
Чтоб наша русская земля
Не ведала лихого утра;

Чтоб навсегда по всей Руси
Исчезли мрачные бараки,
Чтоб дети набирались сил
И никогда б не знали драки;

Чтоб вся живущий на земле
Творил добро и верил в братство,
И хлеб, имея на столе,
Не опускался в святотатство.

Воспоминание о юности

Через час рассветёт...
ночь уйдёт на закат,
Через два разыграется утро,
проснётся,
Заискрится под солнцем
реки перекаст
И души очарованной
снова коснется.

И опять будет день
начинаться с тропы,
Раздвигая ветвистые хвойные шторы,
Покидая священное царство скопы,
Мы погасим костры
и отправимся в горы.

Нас зовут вертикали
подорожных лун,
И вершины хребтов
будоражат нам чувства,
Мы не чувствуем жизни
без этих тревог —
Покорение гор это наше искусство.
Может кто-то из нас
не вернётся домой,
И останется здесь,
в этой вечности строгой,
Всё равно мы не станем
шагать по прямой,
И асфальт называть
основною дорогой.

Покорение гор не сравнится ни с чем,
Кто хоть раз восходил
на вершины, тот знает,
Для чего он на свете живёт, и зачем
Он себя от черты
городской отрывает...

Четвёртый день
от Рождества Христова...
Кончается... Луна почти кругла —
Плывёт по небу, словно ищет крова,
Найти который вечность не могла...

Я ей кричу: «Спустишься на землю, дева,
Довольно шляться в дальних небесах,
Хоть раз пройдишь не вправо,
а налево»,
Поступок свой, заверив на часах.

Луна молчит, она нема как рыба,
И знай, плывёт, плывёт себе вперёд,
Ей не страшны ни палачи, ни дыба
И старость её вовсе не берёт...

Пока не ночь, а вечера кусочек,
А темнота уже лежит кругом,
И Млечный Путь едва
заметных точек
Пытается меня окутать сном.

Мне ж не до сна, я пью луны разливы —
Её свинцово-серебристый свет,
И шлю луне свои речитативы —
Прошу её не потерять мой след...

Вот Млечный Путь
стал видется яснее,
Дорожки звёзд пробили темноту,
И я к нему придвинулся теснее,
Разбив в себе нещадно свету...

Луна плывёт, мерцают звёзды в небе,
Искриться снег и вечер мчится в ночь,
И в мыслях всходит новых
мыслей стебель,
Моё сознание, пытаюсь превозмочь.

Четвёртый день
от Рождества Христова,
На завтра будет полная луна,
И как обычно, явственно и снова
В меня вонзится времени волна.

И в этот день Святого Полнолуния
Моя душа меня покинет вновь —
Луна-шалунья, и к тому ж колдунья
Прольёт свинец
в мою большую кровь...

Луна, луна, сей
страшный день закончен,
Загадок мне, прошу, не задавай —
Я распознаю их и буду очень точен,
Но к смерти ты меня не зазывай.

Молчит луна...
Должно быть Бог Немота
Ей не дал права говорить с людьми,
В чьих судьбах ограничена свобода,
И каждый путь их выстелен костью.

Ступая по любой дороге дальней,
Мне видится друзей ушедших путь
И мысль моя становится печальной,
Поскольку в ней луны осела ртуть.

И всякий раз, смотря
в преддверье бездны,
Когда кругла луна, я задаю вопрос,
Что будет с миром, коли я исчезну,
А коль исчезну, пусть не будет гроз...

Я всё прошёл...
и не хочу другому,
Такого же тернистого пути,
Дай Бог ему познать любви истому,
И ложь, как топь в болотах, обойти.
Ну вот и ночь...
И Млечный Путь, как город,
Мерцает миллионами огней.
Рождественская стын
мне разрывает ворот,
И явь становится под звёздами ясней.

А что луна?..
Она плывёт как прежде,
Не изменяя старого пути,
Толкая мир к неискренней надежде,
Что в завтра прекратятся все пути...

В Крыму уже давно отцвёл миндаль,
Но здесь не Крым,
здесь всё куда сложнее,
Здесь в это время просто холоднее,
И воздух сер,
как перед плавкой сталь...

Здесь первый лист
нескоро выйдёт в свет,
И вишня зацветёт совсем нескоро,
Зато сорняк здесь всходит
слишком скоро
И слишком скоро выгоняет цвет;

Здесь не растут арахис и фундук,
Зато всегда
полным-полно картошки
И если в доме хлеба нет ни крошки,
Она спасет, когда придёт недуг...

Зато когда здесь колосится рожь,
Когда цветёт гречиха — обалдеешь!
Вдыхая этот запах, молодеешь
И говоришь:
«Мой край, как ты пригож!»

Да, здесь не Крым —
здесь край совсем другой.
Сибирью называется всё это.
Пусть здесь короче, холоднее лето,
Но этот край безмерно дорогой!..

Виват тебе, сторонущка моя!
Хвала народам, что в тебе осели,
Что много вынесли
и много претерпели,
В сердцах своих обиды не тая!..

Не суди и не будешь судим,
Не теряй и искать не придётся,
Не взыщи, коли кто нелюдим,
И тебе это вскоре зачтётся.

Не ищи, что давно не твоё,
Не присваивай чьи-то потери,
Не бери за основу враньё,
Коль соврал, то не прячься за двери.

Если всё же тебе повезло,
И тебя похвалили когда-то —
Уходи от гордыни назло
И познай то, что истинно — свято.

И не верь тем, кто выпятив грудь,
Словом лестным тебя обласкает.
Поскорее такого забудь,
Пусть хвалящий тебя избегает.

Если бой, — то смелее вперёд!
Трусость — верная тропка к позору,
А позор зачастую ведёт
Не к вершине, а резко под гору.

Не суди и не будешь судим.
Нас осудят лишь наши потомки:
За стихи, за объёмность груди,
За пустые по жизни котомки.

И за то, что мы были всегда
Нетерпимы к насильственным мерам
И тогда, я уверен, тогда!
Мы послужим потомству примером.

И время ушло, и загадывать поздно,
И небо ночное безудержно звёздно,
И тишь запрещает вернуться в былое,
И, кажется, кто-то твердит о покое...

И хочется вытеснить душу наружу,
И взвять, словно пёс,
в беспробудную стужу,
И выплеснуть чувства
на мир оголтелый,
И взять из него т
реугольник белый —
Послание друга ушедшего в лету,
И это послание выдвинуть свету...

По крыше, обитой
морозною жостью,
Скользит злополучности
скорой известье,
И снова душа задыхается в плаче,
И призрак незримый поёт об удаче...

И видятся те, кто уже не вернутся
В страну, что не может
от горя проснуться...

Повсюду звенят голоса
литургии,
И свет народ ожидания благие...
А звон с колоколен
всё громче и чаще,
Но думы не стали от этого слаще...

г. Киселевск.

Ольга ТОКМАКОВА

По степи ковыль
легкой дымкою...
Приходили вы ль
невидимкою?
От стыда сгорая,
Напрочь не сгорю.
Травку иван-чая
На ночь заварю.
Кем простынка стелется,
Сон-дурман,
Горе перемелется -
в чей карман?
Горечью полынной
Утро похмелит,
Вроде без причины
Сердце защежит.
Стоит ли тревожиться,
синь-трава?
Горе не умножится
на слова.
Во степи ковыль
С ветром мерится.
Приходили вы ль?
Ах, не верится...

К тебе пришел я не случайно,
Я в состоянии таком,
Что от усталости качает
Меня осенним ветерком.
Я видел нынче - с птичьей стаей
Прощались ветви тополей,
Как жаль, что осень наступает
На горло песне журавлей.
Осина, красная, как знамя,
Октябрь приветствует дрожа,
Но это - строго между нами!
Не выдавай меня, пожа-
луйста! Устал. Не пьяный,
Но очень плохо вижу, блин.
В глазах - зеленые стаканы,
Граненные стволы осин.
Заляпан город кляксами проталин,
Но раннее тепло и солнце - ложь.
Ведь я тобой навеки офеврален,
Жаль, не со мной

по марту ты идешь.
Я вместе с Вами так давно!
Как больно рвутся дружбы нити,
Но сердце просит все равно:
«Пожалуйста, не уходите!»
Мы не ругались никогда,
А если что не так - простите.
Неужто это - навсегда?
«Пожалуйста, не уходите».
Ах, было б в жизни - как в кино,
Обратно пленку прокрутите!
Нет, не вернуть былого!
Но... «Пожалуйста, не уходите».

В трамвае дребезжаще - душном
Мне чей-то локоть в грудь уперт,
Но притворяюсь я подушкой
И сразу чувствую комфорт.
Как твой рассказ
тоскливо - дояго!
Я кирпичом побыть хочу.
Ведь доказал один психолог —
Все безразлично кирпичу.
Не превращай общенье в пытку,
Не говори о чувствах вновь:
Я трансформируюсь в улитку —
Улитке не нужна любовь.

Заплакал мой сын,
поднимаясь с земли,
Колени содрал при паденьи.
«Сейчас все пройдет...»
у сороки боли...» -
Ему говорю в утешенье.
Но детства неожиданн уроки!
Сказал мне сын, стараясь не реветь:
«Не надо, чтоб болело у сороки!
Сороку, мама,
некому жалеть!»
г. Рубцовск.

Анатолий
ГУЛЯЕВ

Летом 2007 года я получил в подарок: только что вышедший в свет, девятый выпуск историко-краеведческого сборника «Кузнецкая старина», выпускаемого историко-архитектурным музеем «Кузнецкая крепость» города Новокузнецка.

Ознакомившись с содержанием сборника, нашёл там много интересного для себя. Сведения, вошедшие в эту книгу, будут интересны и тем, кто считает своей малой родиной не только Кузнецкий край, но и в более малом масштабе: город, село. К примеру, в выпуске я нашел сведения касающиеся ранней истории и моего родного города Прокопьевска, и родной деревеньки Усыаты. Материалы сборника ещё раз подтвердили моё мнение, основанное на слышанных ранее легендах, что образовалось село Усыаты значительно раньше, чем это утверждается сегодня. История зарождения села тесно связана с зарождением града Кузнецка, что очень важно с исторической точки зрения.

Материалы, позволяющие делать такие выводы, или высказывать подобные предположения, изложены в статьях учёных-историков О.А. Лейсле «Село Христорождественское Кузнецкого уезда»; А.Ю. Огурцова «На Кузнецкой линии» и В.А. Елесина «Книга раздачи хлебного жалования служилым людям Кузнецка (1670 – 1679 гг.)» и некоторые другие их публикации.

Ознакомился я и с «Кузнецкой летописью» И.С. Конюхова, и с выписками из исследовательской работы Д.Н. Беликова «Старинные монастыри Томского края». Хотя напрямую о Прокопьевске и Усыатах в документах сказано немного, но нашлись и очень интересные сведения.

Рис. 1. Фрагмент карты земель города Кузнецка с обозначением Рождественского монастыря и принадлежащих ему земель по второй половине XVII в. (из С.У. Ремезова)

Откуда ты росла, земля моя?

Дела давно
минувших дней

Прежде чем ознакомить со своей «находкой» читателя, я решил свериться с материалами, ранее опубликованными прокопьевскими летописцами.

Материалов оказалось немало, но всё опубликованное о ранней истории Прокопьевска и окрест, взято в основном, из книги Н.П. Шуранова «Прокопьевск», выпущенной Кемеровским книжным изданием в 1964 году (серия «Города Кузбасса»). Кроме этого имеются газетные публикации (в прокопьевской городской газете «Шахтёрская правда») историка и краеведа В.М. Шабалина. Остальные авторы повторяют Н.П. Шуранова (ныне доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Р.Ф., академика Академии военно-исторических наук).

В названной книге Н.П. Шуранов, сообщает (что повторяют и большинство авторов многочисленных книг и газетных публикаций): «1701 год – первое упоминание о деревне Монастырской (позднее с. Прокопьевское) в сибирском атласе С. Ремезова».

«В 16-17 веках в западную Сибирь стали проникать русские: купцы, беглые крестьяне, представители церкви. В 1648 году служители церкви основали неподалеку от Кузнецка Рождественский монастырь. Работавшие на него крестьяне селились рядом, на правом берегу реки Абы. Возникшая деревня стала называться Монастырской. Постепенно деревня разрасталась, и позднее деревня переименована в село Прокопьевское».

На основе этих утверждений многие, в том числе и я, считали, что кузнецкий Христорождественский монастырь, находился на землях нынешнего Прокопьевска, где-то в Тупика (район старого Прокопьевска) или Чёрной горы. Как теперь понимаю, это предположение было ошибочным.

В 2008 году Новокузнецк праздновал 390-летие, посёлок Калачёво – 340-летие.

Город Кузнецк основан в 1618 году; село Калачёво – в 1668 году. Прокопьевск в 2000 году отметил своё 350-летие. Значит, деревня Монастырская (первое поселение на землях нынешнего Прокопьевска) основана в 1650 году.

В ознаменование этой круглой даты прокопьевские городские газеты много писали «к 350-летию города». Так Владимир Шабалин в статье «Прокопьевск означает успех» пишет: «Дата основания села Прокопьевского известна всем – 1650 год. Но месяц и день определить можно только путём размышлений... 21 июля день святого великомученика Прокопия. Сомневаться не приходится, что первый дом села появился именно 21 июля...».

Откуда взял уважаемый автор (ныне покойный), что дата основания села Прокопьевского (деревни Монастырской) именно 1650 год, остаётся только догадываться. Возможно, что к 1648 году, обозначенному Шурановым, как году основания Рождественского монастыря, Шабалин прибавил пару лет, полагая, достаточных для возникновения нового населённого пункта.

Эту же информацию, он повторяет и в очередной своей публикации «География Прокопьевского района» («Ш.П.» - №128 от 14.07.1999 г.), посвящённой этой же дате: «...Одними из первых на территории района появились сёла: Калачёво – 1668 год, Усвятский, Шарап, Лучшее – 17 век, да и понятно, что заселение шло вначале со стороны Кузнецкого острога...». Но деревня Монастырская (Прокопьевское), по предыдущей публикации, «основана в 1650 году», хотя она, как известно, находится дальше от Кузнецкого острога, чем Калачёво.

В «Методической разработке праздника: «Прокопьевск – мой город родной», разработанной «НПО ГОУ ПУ №12» в 2006 году, приведена выписка из словаря Владимира Шабалина - «Тайна имён земли Кузнецкой», в которой о Прокопьевске вновь сказано, что основан город в «...1650 год, 21 июля...». Далее, в методразработке, сказано: «В 18 веке село было приписано к Кузнецкому монастырю и именовалось Монастырским...», - всё неверно. Или незнание раскрываемой темы, или опечатки? Хотя сведения на эту тему можно было найти в работах написанных более ста лет тому назад И.С. Конюховым, Д.Н. Беликовым, Г.Ф. Миллером, Н. Витзенем и другими авторами.

МОНАСТЫРЬ
И МОНАСТЫРСКОЕ

«В памятной исторической записке» «Летописи о граде Кузнецке» составленной в 1860/1870 г.г. Иваном Семёновичем Конюховым (1791 – 1881 гг.), в главе «О первоначальных обитателях», сообщает:

«При царе Фёдоре Иоановиче в 1587 году по распоряжению правительства послано из России в Сибирь несколько семей для водворения, а за ними последовало множество охотников на славу сибирского богатства».

Из чего можно заключить, что при основании кузнецкого острога были уже в сей стране присланные, или по своему желанию приехавшие в Сибирь для водворения российские жители. Некоторые из них именовались сыны боярские или сибирские дворяне, а некоторые посадскими, к которым присоединились и казаки, строившие острог и оставшиеся на жительство для охранения оного от на-

бегов разных татарских орд: впоследствии, сыны боярские справляли разные гражданские должности и общественные службы, а некоторые посадские обращены в пахотные крестьяне...»

Из описи 1604 г., когда не было ещё Кузнецка, телеуты, обитатели Кузнецкого края, кочевали от Томска к Кузнецку...

В 1614 году были присланы из Томска казаки в телеуты и кузнецы, для сбора первого ясака, в числе их был казак Гаврила Иванов, который с Ермаком брал Сибирь в 1581 году.

Первоначально Кузнецкий острог основан был на левом берегу реки Томи, в устье реки Кондомы. Были окопы вверх по ручью, повыше нынешней крепости, а потом уже острог был основан на нынешнем месте. В 1617 году ставили его томский татарский голова Осип Кокарев и казачий голова

вал вышеназванный монастырь, который имел своих крестьян, они жительствоваали в деревне, называемой Монастырской, и пахали для монахов пашню, но со временем уничтожения монастыря они перешли в существующее тогда звание».

...Истории Христорождественского мужского монастыря (1648 – 1769 г.г.), посвящен раздел известной исследовательской работы «Старинные монастыри Томского края» (опубликованной в Томске в 1898 году) архиепископа Томского, профессора богословия Императорского Томского университета Д.Н. Беликова. В своей работе Беликов подробно рассказывает о хозяйственной деятельности монастыря, жизни «братии» (в описании Кузнецкого уезда). Свои исследования Дмитрий Николаевич основывал на архивных материалах из Томска и Тобольска. О Кузнецком монастыре сообщает: «Рождественский муж-

Молчан Лавров...

О некоторых
названиях мест,
принадлежащих
городу

«Подгороднее Христорождественское село, именуемое Монастырским, потому, что прежде тут был монастырь, жили монахи, был игумен. Монастырь стоял на горе выше нынешней церкви, в нём была деревянная церковь и кельи обнесены оградой. Монастырь основан в 1648 году при царе Алексее Михайловиче и при архиепископе Тобольском Герасиме, а когда уничтожен, о том я не знаю. Но уничтожение едва ли последовало в 1764 году, при императрице Екатерине Алексеевне Второй, потому что в том году по её велению много закрыто монастырей... Село Прокопьевское, отстоящее от Кузнецка в 35 верстах, именуется Монастырское, потому, что когда существо-

ской монастырь был основан на месте будущего села в 1648 году... Он, а также принадлежащая ему деревня на р. Шарап (приток р. Абы) и мельницы на р. Абе отмечены на карте земель Кузнецка, составленной к 1701 году С.У. Ремезовым. Впрочем, впервые изображение Рождественского монастыря было помещено ещё в работе Витзена, в 1692 году. Следует отметить, что оба автора основывались на значительно более ранних картографических источниках из Сибирского приказа...

Вскоре после построения монастыря его обитатели «приложили старание о приобретении для своего обеспечения угодий и земель. И, своим старанием, набрали: пашенных земель, сенных покосов и скотских выпусков, всего – почти 70000 десятин (одна десятина, равна 1,09 га. – А.Г.). Успели монахи приобрести и рыбную ловлю около самого Кузнецка по течению Томи на две версты. Скоро у монастыря появились ещё и 4 мельницы: одна в пяти верстах от монастыря на речке Абе, две на речке Чесноковке и одна при монастырской деревне. Впрочем, судя

по чертежу С.У. Ремезова монастырские мельницы могли стоять и в других местах...».

«К 1730 году, монастырская братия «в своей численности оскудела, жизнь в монастыре призамолкла» и правильнее стало называть его не монастырём а пустыней, поскольку монахи его частью умерли, а частью, из-за бедности монастыря, отправились куда-нибудь в другое место и сейчас в нём, кроме настоятеля, живут только два монаха», - писал в 1734 году Г.Ф. Миллер.

К 1743 году «братии» в монастыре совсем не стало и в материальном плане произошло полное запустение. Предпринимались попытки к его восстановлению, но положительных результатов эти действия не принесли. Работники монастыря в основном состояли из гулящих людей».

По данным ревизии 1763 года при монастыре было записано всего «мужских 106 и женских 105 душ. Все они проживали в деревне Монастырской, которая находилась в 8 вёрстах выше по реке Абе от деревни Калачёво, в 33 верстах от Кузнецка. При ограниченном количестве крестьян монастырь не мог управиться со всеми своими наделами. Земли захватывали поселившиеся в Кузнецком уезде государственные крестьяне (государственные крестьяне – крестьяне, проживавшие на государственной земле; платившие налоги лишь государству и исполнявшие все государственные повинности... - А.Г.), владели ими - для монастыря безданно и беспощинно. К середине 18 века во владениях монастыря осталось только 3000 десятин.

С середины 18 века монастырские крестьяне «стали тяготиться зависимостью от обители». После Указа...1761 года, позволявшего любому крестьянину свободно селиться на осваиваемые государством территории, некоторые семьи изъявили желание переселиться. Встревоженный этим игумен Адриан добился распоряжения светской власти о том, что «кузнецким монастырским крестьянам не позволено покидать обитель». Однако, запреты, не

церкви (официально полученных редакцией в 2007 году – А.Г.), за шесть лет до закрытия монастыря - в 1763 году, на территории бывшей деревни Монастырской «...в Прокопьевске, на землях монастыря, был построен первый деревянный православный храм - Прокопьевский. В 1872 году - второй деревянный храм Святого Великомученика Прокопия, разрушенный...в 1937 году». Таким образом, Монастырская деревня в 1763 году своё название обновила и расширила, получив приставку «Прокопьевская» (по аналогии со многими другими русскими населёнными пунктами, получавшими своё название по именам святых или своих церквей).

Хочется добавить к сказанному: всем, кто будет заниматься дальнейшими исследованиями истории Прокопьевска, необходимо знать, что населённых пунктов с названием «Монастырское», в истории Кузнецкого края, было два. Возможно и больше, поскольку все населённые пункты, возникшие на монастырских землях, являлись собственностью монастыря.

Сопоставляя полученную информацию с характеристикой Н.П. Шуранова Прокопьевско-Монастырского (приведённая в начале публикации), с большой долей вероятности, можно предположить, что она относится к Рождественскому – Монастырскому, поскольку больше подходит к словам: «...Работавшие на него (на монастырь – А.Г.) крестьяне и поселились рядом, на правом берегу реки Абы. Возникшая деревня стала называться Монастырской...».

Поэтому эта шурановская характеристика Монастырского к Прокопьевскому (Монастырскому) отношения не имеет, она о Рождественском (Монастырском)...

В 2002 году в издательстве «Масс-Медиа-центр», выпущена книга «Города Кузбасса», одним из ведущих авторов которой является Н.П. Шуранов. В первом томе названного издания, говоря о возникновении Прокопьевска, автор значительно изменил свою прежнюю точку зрения, а именно: «В 18 веке на этом месте стояла деревня Монастырская, которая после строительства в ней церкви святого Прокопия стала называться селом Прокопьевским...». Как видим это совсем уже другая позиция, полностью совпадающая, с вышеизложенной.

С чего же всё-таки начинался Прокопьевск? По моему мнению - с заимки, полевого стана, постепенно переросших в поселение людей. Затем - строительство мельниц, начало развития мукомольной отрасли. Мельниц на реке Аба в Прокопьевске было несколько, об этом говорил и Д.Н. Беликов, это же подтверждалось очевидцами и в более поздние времена, в том числе, моими дедами и родителями. Была мельница и в Устьтах, которая действовала ещё в годы моего детства.

Так что дату появления первых поселенцев на месте нынешнего Прокопьевска нужно искать в неизвестных пока ещё, но наверняка, где-то имеющихся документах Кузнецкого Рождественского монастыря, существовавшего на протяжении ста двадцати одного года, с 1648 по 1769 годы. Бесспорным является то, что Прокопьевское (Монастырское) возникло во второй половине семнадцатого века, то есть где-то до 1700 года в период максимального развития монастыря. Возможно, что и в 1650 году, что хотя и сомнительно, но возможно. Но это нужно доказать исторически достоверными методами и способами, пока же таких доказательств нет.

Кузнецкий казачий «круг»

Так случилось, что в своих публикациях, я всё более и более углубляюсь в тему казачества. Особенно расширил свой кругозор, когда работал над «Сказаниями о князе Сибирском». Позднее, когда беседовал с людьми, считавшими себя выходцами из казацкого рода, с сожалением видел, что они очень мало знают о казаках и казачестве, а следовательно и о своём прошлом, коль считают себя выходцами из казаков.

Итак: слово «казак», в переводе на современный язык, означает – «свободный» или «вольный». Сегодня многие считают, что казаки всегда были вольными (то есть - независимыми) и никому не подчинялись. Да бывали такие времена. Но со второй половины семнадцатого века в Государстве Российском казачий труд начали использовать в государственных интересах:

Казаков поставили на государственную службу, определили им круг обязанностей по охране и обороне своих рубежей. За это казаки получали жалование, которое, даже по современным меркам, было не малым.

В 2001 году в новокузнецкой газете «Губернские ведомости», № 91 от 31 мая, была опубликована статья кандидата исторических наук Николая Кузнецова «Украинская вольница». В публикации говорилось, что во времена киевского князя Владимира Красное Солнышко уходят истоки русских сказок о богатырях. К истории казачества былинные богатыри имеют весьма отдалённое отношение, однако в сказаниях богатыри прямо отождествляются с казаками.

Илья Муромец называется старым казаком или атаманом донских казаков. В былинах о богатырях, которые ассоциируются в народе с казаками, даётся и народная характеристика этим богатырям. Они являются «заступниками за землю русскую».

Главным казацким летописцем в нашей истории стал Н.В. Гоголь с его произведением «Тарас Бульба». В 16 веке часть нынешней Украины входила в состав Польского государства. Казаки (украинско-польские) делились на родовых и запорожских. Главой украинского казачества был выборный гетман (утверждавшийся королём). Казаки несли сторожевую службу, охраняя границы от нападений крымских татар. За это польское правительство вознаграждало их денежным жалованием и землёй. Платили только реестровым казакам. Первоначально, реестровыми назывались служилые казаки, включённые в особые списки – реестры. Они вели свою историю с 1590 года, когда была набрана первая тысяча казаков - один казачий полк, посёлённых на Днепре для охраны южной границы Речи Посполитой. За службу казаки получали от короля жалование и обмундирование, освобождались от повинностей, податей и панского суда, приобретали право владеть землёй, свободно заниматься торговлей, охотничьим и рыболовными промыслами...

В начале 17 века на Днепре у польского короля было уже четыре реестровых полка, а в 1638 году их число было увеличено до шести. Во главе каждого казачьего полка стоял полковник. Реестровый казак, по аналогии с польской конницей, именовался «товарищем», ему полагалось иметь двух «подпомощников»: конного и пешего. Хотя все реестровые казаки имели верховых лошадей, большинство из них предпочитало сражаться в пешем строю. Вооружение реестрового казака состояло из пистолета, сабли, а так же, короткой пики. Обмундирование – из суконного кафтана (свитки), округлой шапки с меховой опушкой, шаровар и мягких сапог без каблука. Численность казачества на Днепре росла, а реестр не увеличивался, что нередко приводило к волнениям.

Недовольные такими порядками начали стекаться в Запорожскую Сечь расположенную на острове Хортица, что ниже днепровских порогов. Позднее запорожцы заняли оба берега Днепра в районе порогов, так как численность их сильно выросла. Запорожское казачество представляло собой вольницу, жившую охотой, рыболовством и (в основном) военными походами, попросту говоря: грабительскими набегами на крымских татар, турок и...Польшу. Возглавлял Сечь выборный кошевой атаман, которому подчинялись, также выборные, куренные атаманы (полковники). Уходя в Запорожскую Сечь, казак должен был оставить семью, так как женщины туда не допускались...

Запорожская Сечь нередко становилась центром казацких мятежей. Крупнейшим, из которых, было выступление казаков под руководством Богдана Хмельницкого. Отряды Хмельницкого по всей Украине устраивали кровавые расправы над поляками.

Союзником казаков Хмельницкого был крымский хан. Из-за развязанной междоусобицы, польский король вынужден был признать Хмельницкого гетманом и увеличить реестр. Но разгневываясь вольница не унималась, военные действия продолжались. В июне 1651 года, под Берестечком произошло сражение, в котором армия Речи Посполитой одержала победу над сборными войсками казаков Богдана Хмельницкого и крымского хана Ислам-Гирея. После этого сражения реестр украинского казачества был сокращён вдвое. В 1654 году Переяславская Рада выступила за присоединение Украины к

России. После смерти Богдана Хмельницкого, украинским казакам русская власть тоже «разонравилась», и они начали бороться за возврат под владычество польского короля.

В 1775 году после восстания казаков под предводительством Емельяна Пугачёва (яицкое – уральское казачество), Сечь была ликвидирована. Запорожские казаки переселены на Кубань и частично вошли в состав Кубанского казачьего войска... Характерными отличиями донского, уральского и сибирского казачества от запорожцев, является более значительная составляющая их хозяйственной деятельности. Кроме охоты и рыбной ловли, не слагая с себя и воинских обязанностей, донские казаки занимались земледелием; уральские – солеварением; сибирские – земледелием и скотоводством...

Не берусь утверждать однозначно, но, вероятнее всего, сибирское казачество своими корнями уходит в знаменитый Сибирский поход отряда казаков под руководством Ермака. После которого, увеличиваясь из года в год, потёк в Сибирь ручей переселенцев из густонаселённой и оголодавшей (в первую очередь – безземельем) России.

Значительная часть переселявшихся, оседала под градом Кузнецком. Ранее заселявшие эти территории кочевые племена особого радушия к переселенцам не испытывали, если не сказать большего – были враждебны к ним, как к непрошеным гостям и завоевателям. Со стороны же пришло население естественной становилась охрана заселявшихся территорий. Они ограждались пограничными кордонами (пограничными заградительными отрядами, охраняемыми постами), позднее – оборонительными линиями, во все стороны своего продвижения.

Как известно, в 1618 году был построен Кузнецкий острог, который и через сто лет после своего основания оставался самым южным русским укрепленным пунктом в Западной Сибири, поскольку дальнейшая колонизация Россией Западной Сибири на этом рубеже застопорилась более чем на сто лет. В силу своего пограничного положения Кузнецк полностью сохранял функции военной крепости вплоть до начала 18 столетия, в отличие от других старых русских центров в Западной Сибири: Туринска, Тобольска, Тюмени. К началу 18 века (то есть - к 1700 году) Сибирская оборонительная линия проходила по черте пограничных городов: Томск, Красноярск, Кузнецк.

В первой четверти 18 века (то есть - к 1725 году) лишились оборонительных функций Томск с Красноярском. Исчезновение крепостных функций этих городов происходило по мере ликвидации непосредственной военной угрозы в их районах. Из этих городов началось массовое изъятие служилых людей (в разряд служилых людей относили: стрельцов, драгун и казаков черкасского и литовского списков. Стрельцы вливались в казацкие ряды для пополнения Кузнецкого гарнизона (1701-1705 г.г.) и для формирования новых гарнизонов в иртышских крепостях. Вплоть до 1725 года (года смерти царя Петра - Первого) численность кузнецкого гарнизона росла стремительно. В это время, русское правительство развёртывает военно-инженерное наступление в южном направлении, на реках Обь и Иртыш. Сибирскому генерал-губернатору Матвею Петровичу Гагарину была поставлена задача: отодвинуть границы Сибирской губернии как можно дальше от Кузнецка, желательнее вплотную до Телецкого озера: «И в иных местах на Чумыше и в ясачных волостях остроги строить же...».

В 1706 году построен был Умревинский острог, заселение которого началось в 1708 году. К 1710 (1717) году кузнецкие служилые люди поставили Бердский острог. В 1720-е годы, начинается промышленное освоение северо-западных предгорий Алтая. На самой границе появляется укрепленный Колывано-

могли остановить бегства - монастырских, в хлеботородный край Алтая. К 1766 году игумен Адриан остался в монастыре только с одним священником. В октябре 1769 года из Тобольска, пришло распоряжение: «Кузнецкий монастырь за неимением в нём монашествующих и потому, что монахов определить туда некого – упразднить...», - это поведодал нам архиепископ Томский, профессор богословия Д.Н. Беликов, более ста лет тому назад.

Из сказанного следует, что с октября 1769 года Прокопьевская (Монастырская) деревня официально вступила в свою новую фазу развития - самостоятельную и независимую от монастыря. До этого же момента Прокопьевская (Монастырская) деревня являлась крепостной, монастырской собственностью. Именно это условие и «тяготило» людей. Из официальных данных «Кемеровской и Новокузнецкой епархии» русской православной

во-Воскресенский металлургический завод и рудники, снабжающие его сырьём, которые практически вторгались на земли горных алтайцев. К 1738 году в руководстве государства сформировалось мнение о системе охраны южно-сибирской границы государства созданием форпостов и оборонительных линий. Появились регулярные конные разъезды между опорными пунктами в Сибирской губернии.

Старая Кузнецкая оборонительная линия состояла из трёх дистанций: первая — 134 версты между Малышевской слободой и Белоярским острогом. Конные разъезды драгун и казаков выходили из двух опорных пунктов навстречу друг другу и встречались на полпути в Касмалинской деревне, на реке Обь. Каждый разъезд проходил примерно по 67 вёрст, не считая обратного пути. Вторая дистанция — 241 верста, от Белоярского острога до Бийского острога. Оба разъезда съезжались на устье реки Чарыш.

В летнее время существовала и третья дистанция между Бикатунским острогом и Новиковской деревней (70 вёрст) и далее вплоть до Кузедеевского караула. Из Кузедеевского караула, навстречу новиковскому отряду, разъезды выполняли кузнецкие, томские и красноярские казаки, впервые посланные для службы на Кузнецкую линию. Кузедеевская команда съезжалась со своими коллегами из Новиковской деревни (караула) на середине пути — за рекой Сары-Чумыш (точное место не известно). В отдельных местах для охраны пашен и сенокосных мест также выставляли воинские пикеты. Общая протяжённость сибирских оборонительных линий превышала две с половиной тысячи вёрст.

До 1725 года служилые городские казаки Сибири составляли единственную, реальную военную силу за Уралом. В 1712 году здесь впервые образованы и регулярные гарнизонные части. Треть от всей численности казаков, составляли хлебопашенные казаки. Последнее, как зависимость воинских формирований от дополнительных задач и обязанностей, не устраивала военное ведомство, поэтому оно стремилось сбросить с себя эту обузу, но государственная власть сделать это не позволяла.

По-видимому - верховная власть Российского государства, уже в те времена видела в подсобном хозяйстве служилых людей существенное снижение финансовых расходов на оборону. Свообразный военный хозрасчёт. Хотя, возможно, государство преследовало и иную цель. К примеру, перенацеливание казаков от крамольных настроений и бунтарства, на присущие русскому человеку частнособственнические, крестьянские заботы и дела.

«Ну, а где связь с малой родиной?» — спросите вы, если хватило терпения дочитать до сих пор. К этому и перехожу. Самое важное и самое интересное для себя нашёл я в следующей публикации девятого выпуска историко-краеведческого сборника «Кузнецкая старина», а именно в публикации В.А. Елесиной «Книга раздачи хлебного жалования служилым людям Кузнецка (1670 — 1679 гг.)». В которой имеется и поимённый список кузнецких служилых людей того времени, в алфавитном порядке. В этом самом списке нашёл я знакомые фамилии, и не просто знакомые, а — очень знакомые. Но об этом немного позднее, пока же — предисловие к ним: «В 17 веке, когда Сибирь только начинала осваиваться, служилым людям выдавалось три вида жалования: денежное, хлебное и соляное. Его выдача была жёстко регламентирована, впрочем, как и выдача современной зарплат, фиксировалась в специальных документах, раздаточных книгах. Одна из таких книг хранится в «Отделе рукописей и книжных памятников» Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Впрочем, этот документ отличается от широко известных «Раздаточных книг годового хлебного жалования», хранящихся в ЦГАДА и описанных Н.Н. Оглоблиным, опубликованных в 1895 году. Это, скорее всего, сводный подсчёт выданного и не выданного хлебного жалования каждому служилому человеку за десять лет,

составленный в воеводской канцелярии по годовым раздаточным книгам. Может быть, подведение итогов десятилетней выплаты и недодачи хлебного жалования кузнецким служилым людям. В 50-е годы, работу по подготовке к публикации рукописей «четырёх известных сибирских документов 17 века», хранившихся в ОРКП НБ ТГУ «Томоженных, приходных и расходных книг г. Томска», и «Книги раздачи хлебного жалования кузнецким служилым людям», — провели известные историки и лингвисты Сибири: Зоя Яковлевна Бояршинова, Вера Васильевна Палагина и Любовь Александровна Панова. Все четыре рукописи предполагалось издать в одном томе. Отработанный документ был полностью подготовлен к сдаче в издательство, но по неизвестным причинам все осталось в машинописном тексте. Тексты первых трёх «томских документов» были опубликованы в 1999 и 2005 годах; кузнецкий дождался своего времени, только теперь.

В предисловии к «спискам...» авторы сообщают, что исходный документ — рукопись не имеет ни начала, ни конца не известно его происхождение. Документ попал в библиотеку ТГУ вероятнее всего в 1917 году, когда туда свозилась вся документация из закрытых государственных и частных учреждений. Долго хранился в общем массиве необработанного фонда библиотеки. Место, где составлялся документ, было установлено из текста: в нём находится пять записей о присылке служилых людей в Кузнецк из Москвы и из Томска. «Кузнецкая рукопись...» представляет собой ценный и интересный исторический источник. Она содержит поимённые записи выплаты «государева хлебного жалования» казакам, их пятидесятиникам и десятиникам за десять лет, составленные по отдельным годам или сразу за десять лет, или частью погодно, а частью по 2-3-4 года вместе. Записи охватывают 7178-7187 гг. (по старому летоисчислению), что соответствует 1670-1679 гг. (по новому летоисчислению). Хочется надеяться, что интересен этот документ может быть не только специалистам (историкам и краеведам), но и любому человеку, который интересуется историей родного края и может, прочитав текст, соприкоснуться с прошлым, а значит — лучше понять настоящее», — говорили авторы в сопроводительной записке публикации.

Но, авторы не предполагали, что кто-то, ознакомившись с текстом, может не только соприкоснуться с «духом прошлого», но и найти в списках фамилии своих пращуров, и как-то по иному, посмотреть на собственные познания о своём личном и сокровенном...

Внимательно ознакомившись со списком служилых людей «града Кузнецка», я обнаружил в нём около тридцати знакомых мне старых усытских фамилий. Многие из которых мне родственны. Конечно, можно сказать, что представителей таких фамилий как: Иванов, Бычков, Сидоров, Осипов, Усов, Черепанов, Шабалин, Нехорошев, Недорезов, Ощелулов, Кытманов, Бородкин, Бедарев, Ананьин, Гусев, Сорокин, Тихонов, Брагин, Тузовский, Климов, Кречетов, Попов, Севергин и так далее, если захотеть, можно отыскать почти в любой сибирской деревне.

И всё же, несмотря на это, хочется обратить ваше внимание на некоторые из фамилий «кузнецкого списка...» и имеющуюся информацию, связанную с этими фамилиями. Мать моей жены в девичестве носила фамилию — Тихонова. Род Тихоновых в Усятах считается одним из старейших. В 2006 году в городской газете «Шахтёрская правда» (№ 52 от 12 мая), была опубликована статья Нины Засадной «Память до седьмого колена». В которой Елена Юрьевна Тихонова, родственница моей жены рассказала, что её пращур, казак Фёдор Тихонов, выходец из Тамбовской губернии, появился здесь (в Усятах — А.Г.) в восьмидесяти годах 18 века. То есть, в 1780-х годах... Эту информацию я использовал в рассказе «Усаты...Усыты», опубликованном в «Усытской россыпи» №1, в марте 2007 года.

Тихоновы были грамотными людьми, в роду у них учителя были ещё до революции 1917 года. Отслеживая свою родословную начали ещё их прапрадеды. Поэтому с твёрдой уверенностью они знали и первого из своего рода, приехавшего в Сибирь.

В списках «Книги государева хлебного

жалования кузнецким служилым людям» Фёдор Тихонов числится как кузнецкий служилый человек: «конный казак, с окладом семь рублей с четырьмя». В скобках приписка «(1673 г.)». Тихоновы ошиблись в своих подсчётах немногим более чем на сто лет. «Потеряли» из своей родословной целый век! Возможно, что и в их подсчёты внесли коррективы, бытующие и общепризнанные в Прокопьевске даты образования города Прокопьевска и села «Усыты» «...1650 год — возникновение Монастырского, и...середина 18 века — села Усыты (то есть — 1750 год)».

Моя мама в девичестве носила фамилию Брагина. От её братьев, дядьев Брагиных я в детстве не единожды слышал байку, что их пращур казак Брагин, пришёл в Сибирь чуть ли не с самим Ермаком Тимофеевичем. Впечатляющая информация, но документально она никак и нигде не подтверждена, поэтому воспринималась, как бахвальство. Однако же, в «кузнецких списках...», числится и Брагин Василий Игнатьев (Игнатьевич — А.Г.): «кузнецкий служилый человек, конный казак, с окладом 7 руб. с четырьмя и 2 пуда соли. (1642 г.)». После информации о Брагине В.И., следует приписка: «По словам его сына Афанасия, он служил на Москве в стрельцах, при царе Михаиле Фёдоровиче, был прислан из Москвы в Кузнецкий острог в конные казаки. Служил в Кузнецке «лет с 40», а затем в его место был верстан его сын Афанасий». В роду у усытских Брагиных, мужчин с именами Василий и Игнатий было не по одному человеку: Игнатий Павлович Брагин — отец моей мамы, стал прототипом для одноименного персонажа, в двух моих рассказах: «Месть» и «Распутица», опубликованных в «Усытской россыпи» № 2 и № 3 — 4, в мае 2007 года и апреле 2008 года, соответственно...

Когда въезжаешь в Прокопьевск со стороны посёлка Школьный, то первые дома, встречающие каждого въезжающего и находящиеся по левую сторону от дороги — это и есть Усыты. И это самое место, расположившееся на небольшом взгорке, издревле звалось в Усятах «Брагиным мыском». Раньше мне думалось, что Тихоновы поселились в Усятах раньше Брагиных, поэтому дома Тихоновых размещались в центре Усят и недалеко от церкви; а Брагиных — дальше, на окраине. Теперь же, склоняюсь к мысли, что Брагины поселились на своём мыске раньше других, в том числе и Тихоновых. Поскольку ссылки раньше 1642 года оговоренного в «списках...» за Василием Брагиным, ни за кем другим не значится. Поэтому, вполне возможно, что все последующие усытские поселенцы, селились уже от Брагиных: на юг — вдоль течения реки Аба, в сторону, в последствие возникшего центра поселения и далее — вплоть до места расположения нынешнего железнодорожного вокзала Прокопьевска.

Высказанное выше не означает, что Брагины — первые Усытские поселенцы, но предположить, что в 1642 году, когда не было ещё Кузнецкого монастыря, а казаки в Усятах уже жили, предположить можно.

Возможно, кто-то спросит: «Как соотносить кузнецких казаков — с Усытами, расположенными в тридцати семи верстах от Кузнецка?». Отвечаю: точно также, как и с посёлком Кузедеево, в котором, как известно, чуть ли не до конца девятнадцатого века размещалась одна из застав кузнецкого гарнизона. Кузнецкие казаки служили не только в черте города Кузнецка, но и на всей его обширной и охраняемой территории от Томска, Красноярска, вплоть до Бийского острога — в бытность своей военной биографии. Вполне возможно, что в Усятах была одна из первых северо-западных застав Кузнецкого гарнизона, в начальный период его существования, как военной крепости. В конце концов, как было сказано выше: «...треть от всей численности казаков были «пашенные казаки», поэтому вполне возможно, что именно «пашенные казаки» в Усятах и были «расквартированы». Пашни и сенокосные угодья у Брагиных размещались в районе нынешнего посёлка Школьный; у Тихоновых — в районе Тайбинки. Об остальных представителях усытских фамилий из «кузнецких списков...», скажу коротко и лишь о наиболее знакомых.

Тузовские. В списках кузнецких служилых людей Тузовских числится четыре человека: «Елисей — пеший казак, оклад 5 руб. с четырьмя (1673 г.); Иван — пеший казак (1662-1673 гг.); Никита Григорьев (Григорьевич — А.Г.) — пеший казак, оклад 5 руб. (1662-1687 гг.); Семён Григорьев — конный казак, вёрстан вместо отца при воеводе Н. Доможирове (1666-1672 гг.), оклад 7 руб. с четырьмя. 10 июля 1697 года продал жителю города Тобольска корову за 46 алт. 4 деньги. Тузовские — династия кузнецких служилых людей, ведущая своё происхождение от ссыльного казака «черкесской породы».

Бычковы: числится один человек, конный казак Бычков Абрам (Обрам) Васильев, с окладом... за 1681 год. Вёрстан в конные казаки, в место своего отца в 1659\60 г.

Осиповы. В списках числится три человека: «Иван — кузнецкий служилый человек; Логин — кузнецкий служилый человек. Прислан «за вины» из Томска в Кузнецк в 1674\75 гг. Умер в 1676\77 гг.; Семён — кузнецкий служилый человек, конный казак... (1673-1681 гг.) Фамилия по имени отца, который был посадским, родом из г. Ярэнска, пришёл в Кузнецк «своей охотой» и вёрстан при воеводе Ф. Хоненеве (1633-1635 гг.) в десятники пеших казаков; служил «лет с 50».

Усовы. В списках числится один человек: «Усов Иван — кузнецкий служилый человек, конный казак... (1673 г.)».

Шабалины (Шебалины). Числится четыре человека: «Андрей Петров, конный казак... Вёрстан (1651-1652 гг.); Никифор Дмитриев, конный казак, оклад... (1681 г.). Вёрстан при воеводе А. Зубове (1643-1648 гг.); Семён — кузнецкий служилый человек, казачий сын. 10 февраля 1697 г., вместе с Д. Мельниковым, явили в таможене 100 муксунов, 2 кожи дублённые, 20 котов, 3 конца крашенины, всего на 3 руб., 26 мая того же года купил у К. Шебалина место и избу с амбаром в меже со С. Шабалины за 2 руб. с полтиною; Кузьма — кузнецкий служилый человек, пеший казак, 20 сентября 1696 г. продал быка Т. Безоснову за 2 руб., в 1697 году продал свой двор и участок С. Шабалину...»

В начале осени 2009 года мне довелось побывать в городе Горно — Алтайске, внимательно рассматривая полётную карту местных авиалиний, к великому своему удивлению обнаружил в двадцати километрах от Бийска, вверх по течению реки Бия (в месте слияния её с речкой Талой) населённый пункт под названием Усытское. Мои родные Усыты после перехода их в статус села (с момента строительства церкви), именовались так же. Взаимосвязь между двумя одноименными населёнными пунктами расположенными друг от друга в трёхстах «верстах» пока не установлена, но интуиция подсказывает, что Бийское — Усытское, основали Прокопьевские — Усытские казаки когда «прорубали» дорогу в Бийском направлении...

К слову сказать, Прокопьевские историки и краеведы понине ломают голову над словосочетанием — «усыты». Немало существует версий и расшифровок его, называвшихся в предыдущих публикациях касающихся данной темы. Тем не менее, хочется назвать ещё одну, предложенную старшей моей сестрой Зоей Николаевной, филологом по образованию: Слово «усыты», «у-сы-ты», означало на старом простонародном наречии — «у себя ты». То есть — у себя ты, ты на своей земле, ты у себя дома... Поэтому вполне возможно, что в Сибири по пути продвижения русских переселенцев (с 16 по 18 столетия, прошлого тысячелетия), новые исследователи обнаружат в недалёком будущем ещё не один населённый пункт с таким же «мудрёным» названием.

Подводя черту под публикацией, не берусь утверждать, что расставляю по своим местам все точки, во всех белых пятнах неизвестной истории своей малой родины. Нет, конечно. Открытий и обогащение старого новым будет ещё множество раз, пока всё неизвестное не станет известным, что, наверное, невозможно. Тем не менее, хочется верить, что «развеять дымку», высветить пути дальнейших поисков и рассказать читателю что-то «новое о старом», пусть немножечко, мне удалось.

г. Прокопьевск.

«Да разве ж сердце позабудет...»

Рисунок Олеси ГОЛОВАНОВОЙ

В жизни каждого человека встречаются люди, которые, по прошествии времени, становятся для тебя подобными краеугольному камню, поворотной точкой, миновав которую начинаешь понимать, что жизнь твоя пошла по-другому – поменяла русло, словно река после весеннего половодья, побежала быстрее и более интереснее. Иначе начинаешь смотреть на прожитое и обозримое будущее, начинаешь оценивать всё какими-то новыми единицами измерений. Одним из таких «краеугольных камней», в моей, выдавшей вида, жизни, стала Анна Никифоровна Котлярова. С виду обыкновенный человек, в прошлом рядовой школьный учитель русского языка и литературы. Ранее, официально, мы с ней знакомы не были. Хотя, я её знал, поскольку, в детстве учился непродолжительное время в школе, в которой она работала. Но это было давно...

Повторно жизнь свела меня с Анной Никифоровной не случайно, можно сказать - по нужде. Я искал знакомого человека способного профессионально посмотреть мои литературные «изыски», которые на протяжении многих лет своих армейских буден, кропал я.

Не скажу, что ранее я никому их не показывал. Показывал и даже более того: читал, не только в среде своих сослуживцев и родственников, но и публично - со сцены, в составе различных художественно-самодельных коллективов, «под бурные и, продолжительные»... Но публиковать что-либо и где-либо не пытался. Складывал всё, что называется, «в стол», с твёрдым намерением, когда-нибудь вернуться к ним и заняться ими основательно.

И вот это время настало. В начале осени 1994 года, после двадцати пяти летней службы в армии, вновь вернулся в родные пенаты. Добрые люди посоветовали обратиться к Анне Никифоровне, на тот момент ничем не занимающейся - свободной и одинокой пенсионерке.

Я помнил её с каким-то холодком из своего школьного детства, несмотря на то, что много

времени прошло с тех пор, когда мне всего лишь год довелось числиться в списках учащихся красногорской «Средней общеобразовательной школы № 25», после окончания усятской «...начальной школы № 43».

В тот год, когда я учился в «25-той», управлялись со всей нашей ребячьей армией (учащейся в три смены): директор - Мария Васильевна Сухарева (маленькая, чернявая, симпатичная и, с первого взгляда, не очень волевая тётенька) и завуч... Анна Никифоровна Котлярова, полная противоположность директору: волевая, рослая, голосистая, с ярко выраженной спортивной фигурой (как позднее начал понимать - полный и необходимый набор качеств руководителя и держателя в повиновении постоянно «бурлящей» и неуравновешенной детской оравы), как в армии ротный старшина.

После первого знакомства с руководством новой школы, несмотря на строгие нотки в их голосах, новые требования особо нас не утратили. Поскольку в прежней - усятской школе характерной чертой внутренних взаимоотношений всего школьного коллектива была «дореволюционная система образования» в отношении непутёвых учеников и нарушителей установленных порядков и внутренней дисциплины. Во всём остальном - усятская... была современная, возможно даже шла впереди «планеты всей».

На переменах между уроками, девочки водили хороводы, пели различные революционные песни, к примеру: «Шёл отряд по берегу, шёл из далека. Шёл под красным знаменем, командир полка...». Не думаю, что всё это ежедневно кто-то организовывал - делалось само собой, по единожды и навсегда заведённой традиции, из перемены - в перемену... Как теперь видится, что и не плохо было. Во всяком случае, песни, которые пели тогда наши девочки, помнятся мне и поныне - почти дословно, хотя мы, мальчишки, участия в хороводах не принимали. Кто-то из нас бегал и дурачил-

ся тут же, мешая девочкам петь, развязывал банты на их косичках; кто-то - играл на улице в чехарду; кто-то (самые смиренные и прилежные) сидел на одной из лавок, стоящих по периметру обширного фойе и флегматично наблюдал за всем, что творилось вокруг него.

Иногда рядом с хороводом завязывалась ребячья «куча-мала», которая, в конце концов, вваливалась внутрь хоровода, увлекая вместе с собой и девочек. После чего стены школы сотрясались от девчачьего визга... На который прибежал кто-то из учителей, а чаще всего уборщица тетя Маша Кречетова, хватала кого-то из зачинщиков «стихийно» возникшего беспорядка и за «шкуру» тащила на самый суровый школьный суд - «к директору».

Директором в усятской школе с незапамятных времён работал Степан Кондратьевич Славников. Которого «за глаза» в Усятах и стар, и млад называли одинаково - «Стёпа». Директорская «кличка» в сознании селян ни в коем случае не была оскорбительной, тем более унижительной. Слово - «Стёпа», для любого означало то же самое, что старший брат, товарищ и наставник: свой, роднёнький... Степан Кондратьевич был учителем и для большинства родителей моих сверстников.

В школе у него не было отдельного, персонального кабинета, был персональный стол, стоявший особняком в углу учительской. Обязательным атрибутом директорского места являлся висевший на стене, широкий солдатский ремень. Причём, не такой, солдатский (с большой бляхой, звездой или матросским якорем), а кавалерийский - времён «Первой Мировой и Гражданской войн». Поскольку, как говорили в Усятах: «Стёпа» хаживал в сабельную атаку чуть ли не с самим Василием Ивановичем Чапаевым, - фильм о котором был самым любимым фильмом для всей усятской пацаны (следовательно,

но, и Стёпа, тоже). С тех самых пор Степан Кондратьевич и держал возле себя, как самую дорогую реликвию, этот самый - солдатский ремень.

На «суд» к директору, по понятиям всех усятских, означало одно: «получить» от Стёпы солдатским ремнём по оголённому задку, ровно столько «шпицрутеннов» на сколько «тянул» проступок нарушителя. Так было всегда. Возмущаться, а тем паче - жаловаться, на такое обхождение с собственными чадами, ни у кого из родителей не приходило и в голову. Родители могли только добавить своему чаду..., явно сожалея, что Степан Кондратьевич за последнее время сильно подобрел. «С возрастом, наверное, сердце его стало мягким... Страшна не строгость наказания ослушника учителем или родителем, а безнаказанность... Безнаказанность разъедает человека изнутри, как ржа железо...», - с назиданием говорил всегда каждый родитель, своему отроку слышанное когда-то от своего учителя, без устали повторявшего одни и те же слова каждому наказуемому, перед тем как выпустить его из учительской: «С богом...»

Так что, несмотря на наш сравнительно небольшой рост и возраст, к строгости мы были приучены, можно сказать, с молоком матери, поэтому удивляло нас в «25-й» и страшило не это. Почти до конца первого полугодия нашего обучения в новой школе, мы, провинциалы, диковато озирающиеся на всё происходящее вокруг нас, привыкали и осваивались. А озираться было от чего: в «усятской» нас, учеников, было не так и мало, но не столько, сколько здесь в этой четырёхэтажной громадине, где одно «крыло» на четвёртом этаже, где располагался наш 5-й класс «е», места было больше, чем вся наша прежняя школа. Там мы все друг друга знали, друг у друга были на виду, жизнь там текла плавно, размеренно и понятно, а потому - прогнозируемо. Все знали, что будет на следующей перемене, после уроков, завтра и так далее... Тут же, строить какие-то планы на будущее, было бесполезным занятием. На каждой перемене вся школа превращалась в большой лесной муравейник перед дождём, всё приходило в движение, все куда-то торопились: бежали с этажа на этаж и так далее.

Казалось, освоиться во всём этом, тем более привыкнуть к такой жизни, невозможно. Но, прочувшившись месяц... другой, начали привыкать и не только привыкать но и привносить в школьную суету, что-то «новенькое» - своё, чисто усятское, поняв, что ремешок Стёпана Кондратьевича над нами больше не висит.

Снежной зимой, после торжественной встречи нового 1963-го года, и после каникул все вновь собрались в своём классе - на четвёртом этаже. На первой же перемене увидели, что сугроб во внутреннем углу школы, надуло высшего этажа.

- На большой перемене устроим зрелище, какого здесь ещё не видывали, - заявил Мишка Пшеницын, главный «хулиган» и заводила класса.

Это показалось не совсем понятным, для большинства из нас. Поэтому большой перемены ждали с нетерпением, заранее предвкушая что-то экстраординарное. Как только прозвенел звонок, сообщивший, что урок окончен, и наступила большая перемена, мы из класса никуда не торопились. Сидели и ждали, когда уйдёт наша учительница, выйдут и уйдут в учительскую, на второй этаж, учителя из соседних классов...

И тогда свершилось всё ожидаемое: Мишка, словно маг, не распространяясь о задуманном, молча, махнув рукой всему классу, подал команду: «Все - за мной!», и первым вышел в коридор. Подойдя к подоконнику бокового окна, забрался на него, полностью раскрыл внутренние и внешние створки большого трёхстворчатого окна. После чего, натягивая на голову свою вельветовую курточку, подал всё ту же команду: «За мной!». И, как любимейший всеми нами Василий Иванович Чапаев, перед атакой на белогвардейский отряд, высоко поднял над головой оголённую руку, а затем сиганул из окна четвёртого этажа вниз, в высокий сугроб. Его примеру тут же последовали ещё

несколько смельчаков. После чего оставшиеся наверху Мишкины сподвижники, не то чтобы испугались продолжать начатое дело, а... как десантники, ожидающие своей очереди, перед очередным десантированием; высунувшись из окна, как из парящего в небе вертолёта, рассматривали сложившуюся внизу обстановку, громко комментируя увиденное, то есть, результаты «приземления» своих товарищей из первой группы.

- Последние на... «пятой точке» скатились по сугробу, как на санках. Мишка, как торпеда в воду, «ушёл» в снег! — сообщали они во всеулышное, не оглядываясь назад, заодно давая рекомендации первым скатившимся: помочь выбраться из сугроба застрявшему где-то «Пшеке» (так звали мы все Мишку). Хотя никто из нас не сомневался, что «Пшека» пугает и дурачит всех нас.

Все стоящие у окна начали громко кричать и призывать Мишку, откликнуться на наш зов. Но тот молчал и не отзывался...

То ли кто-то из девчонок «наябедничал» учителям, о произошедшем в нашем классе, то ли кто-то из них сам обратил внимание на наше не совсем обычное «занятие». Но ответной реакцией стало объявление «тревоги» во всей школе. По тревоге же освободили от занятий старшекласников смены, сформировали команду по поиску и спасению Мишки. Ну а нас, кроме того, что «застукали» на месте преступления, ещё и «загнали» в класс, как обезумевших ягнят, способных ещё на что-то, из рук вон выходящее...

Как потом стало известно, общее руководство по спасению неизвестно куда «запропастившегося» непутёвого ученика, было возложено Анну Никифоровну. Возможно, что она, как неспособная сидеть в бездействии, в сложной ситуации, по собственной инициативе, взвалила на себя это дело. Несмотря на то, что быстро сформированная большая аварийно-спасательная команда, но утонувшего в снегу Мишку искали долго, при этом сугроб, выросший за время новогодних каникул до второго этажа, разровняли почти полностью. У самой земли, недалеко от стены здания Мишку, скрюченно и еле дышащего от холода, и обнаружили.

Строгого наказания за свой проступок Мишка не понёс: пустил слезу, попросил прощения... и всё на том. Безнаказанность, которая не проходила в усытской школе, у Стёпы, здесь прошла...

К началу 1963-1964 учебных годов, в Прокопьевске, на Красной Горке, открыли новую среднюю общеобразовательную школу № 68, заполнение которой учениками и учителями осуществлялось, в основном - за счёт двадцать пятой школы. Несмотря на то, что шестьдесят восьмая школа была значительно дальше от Усят, чем двадцать пятая, нас, усытских, перевели туда. То ли «отпихнулись», как от потенциальных возмутителей спокойствия, то ли оказали доверие?

С этого момента мои жизненные дороги, долго не пересекались, с дорогами по которым ходила Анна Никифоровна. Но, как гласит поговорка: «Земля круглая», поэтому часто случается, что люди, в какое-то время находившиеся друг относительно друга чуть ли не на разных полюсах планеты, сходятся. Поэтому, более чем через три десятка лет, я вновь появился в поле зрения Котляровой. После первой и непродолжительной встречи со мной, Анна Никифоровна, долго не раздумывая, взяла на просмотр несколько не больших моих рассказов.

Понимая, что работа с чужими текстами, тем более моими, нелёгкий труд, я начал обговаривать с ней финансовую составляющую предстоящего дела. Заслышав о деньгах, которые я, работающий военный пенсионер, без особого «напряга» мог бы ей платить, Анна Никифоровна в категорической форме заявила, что денег за подобное не берёт, она учитель и любые дела связанные с просвещением кого бы то ни было - её святая обязанность...

После её слов, творческое сотрудничество неудобным стало мне. Бесплатная работа на меня, меня не устраивала принципиально, поскольку я всегда считал: что не может быть худшего, чем осознанное понимание того, что ты кому-то, что-то должен. Знал: если соглашусь с её доводами, навечно попаду в зависимость.

Я готов был отказаться от помощи Анны Никифоровны... Но в конце концов договорились, что в оплату за её труд я буду выполнять всю

тяжёлую работу в её хозяйстве, поскольку жила она в частном доме на «финском посёлке» Красной горки. Встретаться договорились в один...два раза в неделю, в зависимости от необходимости.

С нескрываемым нетерпением ожидал очередной нашей встречи, поскольку, поскорее хотелось услышать мнение о моём «творчестве», о своём многолетнем труде.

И вот...я вновь у неё. Встретив меня, она искоса улыбалась. По всей вероятности не мне, а той части моего творчества, которое прочла. Не скажу, что улыбка была снисходительной, пренебрежительной, или наоборот - восторженной. Нет, улыбалась она как-то непонятно.

- Ну, каково Ваше мнение? — чуть ли не с порога спросил я, как первоклашка своего учителя.

- Ничего! — ответила она, продолжая улыбаться, всё так же - непонятно для меня.

Ни хорошо, ни плохо, а именно сказала мно-

Фото из архива А.Н. Котляровой: Анна Никифоровна (стоит) в кругу своих подруг, ветеранов прокопьевского (красногорского) учительства. Крайняя справа — Клавдия Ефимовна Ефименко, последний школьный классный руководитель автора публикации. Слева — бывший директор 25-й школы Мария Васильевна Сухарева.

гозначительное: «Ничего!». В последующие встречи, Анна Никифоровна нередко искренне возмущалась по поводу используемых мною слов или по построению предложений, в различных моих повествованиях: «Такого слова в русском языке нет! Так говорили неграмотные наши бабушки, в прошлом веке...», - многократно и с искренним возмущением отчитывала меня она, указывая на какое-то неправильно применённое или написанное слово, или предложение.

- Анна Никифоровна, я же технар, меня этому не учили... - оправдывался я. — А в школе? — строго спрашивала она.

- В школе, не до «русского» было. Тогда, прежде всего: лыжи, коньки, голуби, друзья, девчонки...в конце - концов, - отшучивался я.

- О «технарях» и «трудном детстве...» слышать не желаю. Все через то проходили. Вы... писатель, хранитель и носитель русского языка, поэту будьте «любезны»... «Русский язык» - точная наука, такая же, как и математика с физикой. Он заслуживает уважения к себе! Учитесь, учиться никогда не поздно; со словарями сверяйте все незнакомые слова. Только тогда можно рассчитывать на что-то.

Первая моя встреча с Анной Никифоровной произошла ранней весной 1996 года, когда везде лежал ещё снег, но солнце уже пригревало. А, после встречи нового - 1997 года, который она встречала дома, в кругу своих подруг ветеранов прокопьевского (красногорского) учительства, возращая очередную партию прочитанных и отрецензированных моих рассказов, сообщила, что неважно себя чувствует и, по всей видимости, более сотрудничать со мной не сможет. В тот день она сообщила, что год назад перенесла серьёзную онкологическую операцию. Некоторое время, после операции она чувствовала себя хорошо, думала, что дела пошли на поправку, болезнь отступила. Но, как оказалось только на непродолжительный срок... До этого дня встречались мы с Анной Никифоровной не чаще двух раз в неделю. Теперь же я стал ходить к ней почти каждый день, вечерами - после работы, продолжал выполнять все тяжёлые хозяйственные дела по дому: приносил уголь, выносил золу и так далее. При каждой очередной встрече, видел, что

здоровье её становится всё хуже и хуже.

- Срочно ложитесь в больницу, - сказала я ей, на что она лишь махнула рукой, после чего обречённо и тяжело добавила: «Медицина всё, что могла для меня сделала, на большее... она не способна».

Мы много беседовали, и Анна Никифоровна рассказывала о своей жизни. В молодые годы она занималась спортом — играла в волейбол. Помимо работы в школе, через её жизнь проходили многочисленные путешествия и поездки по необъятной нашей стране, в том числе и Сибири. Бывала она на «северах», проехала чуть ли не по всему Беломорканалу; бывала на Дальнем Востоке и на камчатских гейзерах, в среднеазиатских республиках и на черноморском побережье Кавказа. Бывала она и во многих странах тогдашнего соцсодружества. Рассказывала, что бывала и в дальнем зарубежье, как тогда говорили, в «капстранах»: побывала в Риме и в Ватикане.

Интересную и тяжёлую жизнь прожила Анна

живала меня. На прощание она, как бы извиняясь за свою бесцеремонность, сообщила, что ей не хочется, чтобы я видел её в теперешнем виде... После чего, пожелав мне успехов, сказала, что у меня много ещё будет учителей; я же у неё — последний ученик...

В очередной выходной день, через неделю, я вновь пришёл к ней в больницу. Состояние её здоровья, даже в сравнении с предыдущим разом, заметно ухудшилось. Невольно вспомнилась поговорка: «Человек — тает, на глазах». Анна Никифоровна действительно «таяла» на глазах. Но голова у неё работала нормально, мысли и память были ясными. Немного посидев с ней и рассказав что-то, явно увидел, что моё присутствие физически тяготит её, начал прощаться. Она же, в этот раз - жестом попросила меня подождать ещё немного, пока она соберётся с силами, после чего пожаловалась на плохое отношение к ней со стороны медицинского персонала.

- За что они меня так ненавидят? — сказала она мне, через некоторое время, трясущимся голосом и заплакала...

Выйдя из палаты я способен был разорвать на части мирно беседующих в коридоре, у ступенек, по всей видимости, медицинских сестёр.

- Бессовестные! Как вы смевте плохо обходиться с заслуженным человеком - учителем, которая всю свою жизнь отдала людям, вам! — Гневно, на повышенной тональности высказал я своё негодование этим людям, этому государственному учреждению...

- Она умирает и умирает в полном сознании. Умиравший - в здравом уме, предъявляет претензии ко всем кто остаётся жить дольше его и, ко всему, что остаётся после него. Мы, для вашей учительницы, делаем всё, что бы облегчить её муки, - ответила мне одна из медсестёр, видимо старшая из них.

...Хоронили Анну Никифоровну на усытском кладбище её ученики, друзья, бывшие учителя и коллеги по работе. Я, в добровольном порядке, но как бы и согласно нашего с ней «договору», взял на себя последнее из её дел - «по хозяйственной части»: изготовление памятника и копку последнего её пристанища — могилы, которую, как она и завещала - делали рядом с могилой её сына...

Умерла Анна Никифоровна в ясный и тёплый апрельский день. Солнечным же был день её похорон. В помощь себе я пригласил трёх усытских мужиков занимавшихся этим «промыслом» и знакомых мне с детства. На день похорон снег с земли уже сошёл, и земля была мягкая. Без проблем мы выкопали углубление в земле приблизительно на один метр, и тут работа остановилась. В могилу со всех сторон ручьями пошла вода... От этого у меня по телу побежали мурашки. Казалось, что земля скорбит и плачет по преждевременному уходу из жизни этого замечательного человека. Под постоянный «плач земли» и немое оцепенение присутствующих, гроб с телом Анны Никифоровны и опустили в могилу...

Хочется верить, что память об Анне Никифоровне будет жить в людях не только лично знавших её при жизни, но и после них. Как о замечательном - истинно интеллигентном человеке, учителе от Бога, полностью отдававшей себя своей работе и окружающим людям, в которых она умело вселяла веру в их силы и в их будущее...

До последних дней своей жизни Анна Никифоровна была заводилой в кругу своих друзей, работала в общественной приёмной, в то время единственной городской газеты «Шахтёрская правда».

Более десяти лет прошло с тех пор, как умерла Анна Никифоровна. За это время мне довелось работать на нескольких предприятиях Прокопьевска и Новокузнецка, довелось близко познакомиться со многими людьми, работавшими в их трудовых коллективах. И, что интересно: сравнительно быстро забываются люди (имена, фамилии...), с которыми совсем недавно приходилось выполнять тяжёлую физическую работу, как говорится: «рука об руку». А беседы, проведённые с Анной Никифоровной, её уроки, помнятся, словно прошли вчера. Ну, если не вчера, то, может быть, два...три года тому назад. Видимо не зря пелось когда-то в популярной советской песне: «Да разве ж сердце позабудет, всех тех, кто хочет нам добра. Всех тех, кто нас выводит в люди, кто нас выводит в мастера...»

г. Прокопьевск.

Пётр ДУЛЕБОВ

О, господи, какая благодать!
С блаженством этим,
что может сравниться?
Какое было счастье обладать
Тобою, белокурой чаровницей.

И ночь была, и звезды высоки,
И месяц строил нам смешные рожи.
Тогда я мог касанием руки
Тебя загнать в полон
телесной дрожи.

И все еще в плену у забытья,
Храня в себе остатки
сладострастья,
Шептала тихо: «Слышишь, я твоя,
И нас не разлучит пора ненастья».

И все ж ничто не вечно под луной.
А я хотел, чтоб не кончалось лето,
Ты мне казалась просто неземной
В косых лучах июльского рассвета.

Жизнь, едри ее в коляску!
Я живу и не живу.
Эх, махнуть бы на Аляску,
Да боюсь, не доплыву.

Ночью мучают вопросы:
Та эпоха, или та?
От чего их эскимосы
Нам цивилизным не чета.

То ломаем мы, то строим,
Строго следуя судьбе
Мы шагаем плотным строем
Нынче каждый по себе.

И скребем в тоске затылки:
Эх, Расея, гой еси...
Заграничные посылки
Ждем, как манну с небеси.

И вот опять проходят сроки,
Приходят люди, но не те.
Несут крикливые сороки
Худые вести на хвосте.

Никак не выйдем на дорогу,
Кружим в словесной кутерьме.
Одни из нас вернулись к Богу,
Другие кинулись к суме.
А третьи, сонные Емели,
Мечтают тихо на печи:
А вдруг на будущей неделе
Им с неба бросят калачи.
Долой мечты, довольно драки.
Пора бы вспомнить долг и честь.
Не то опять запрут в бараки,
Заставят суп тюремный есть.

Тоска настолько нестерпима,
Что просто хочется кричать.
А ты опятьходишь мимо...
Легла уже неизгладимо
Непоправимости печать.

А я при встрече снова трушу,
Ночь за окном моим тиха.
Свою израненную душу
Врачу строчками стиха.

Рисунок Людмилы ГАНКОВОЙ

И только ночь мне смежит очи,
В тревожной сонной тишине,
Волшебною дорогой ночи
Опять приходишь ты ко мне.

И ты снимаешь свой наряд,
А я тушу ночной светильник...
Но преподносит яви яд,
Стоящий начеку будильник.

Козерогу

«Забодал» ты меня, Козерог.
Был с тобою я неосторожен,
И упало оружие из ножен.
Но я встану, ты дай только срок.
Я достану свой меткий лук,
Ничего тебе не скажу.
За тоску наших долгих разлук
Я тебя, Козерог, накажу.
Я прицельюсь в тебя не для вида,
Но лишь встречу глаза твои,
И из сердца уйдет обида,
И в душе запоют соловьи.

Бугорок в стене

По широкому полю
Грохот, стоны, пальба.
За Россию, и волю
В бой зовет нас труба.

Затянули подпруги,
Кони тонут в росе.
Вы простите, подруги,
Мы вернемся не все.

Буду жив — обещаю:
Будут светлые дни.

Если смерть повстречаю,
Что ж, тогда извини.

Был я счастлив с тобою,
Думал жить мне всегда.
Но не вышел из боя,
Принял сердцем удар.

Над моей головою,
Ворон выгнул крыло.
Не ходить к водопою,
Не садиться в седло.

Слышал крики истошные,
Конь мой верный храпит.
Бугорком позаброшенным
Я останусь в степи.

Мы в седлах кожаных
сидели гордо.
Копыта мяли лен и лебеду.
А кони наши задирали морды
И очень чутко чуяли беду.

Рисунок Ольги ВЕРЕЩАГИНОЙ

И вдруг винтовки ахнули из леса.
Свинцовый дождь пролился полосой.
И мой товарищ: бражник и повеса
Упал, как лютик скошенный косою.

Из нас в живых осталось очень мало.
Качали кронами столетние дубы.
Мы отошли по хриплому сигналу
Поблекшей и израненной трубы.

И в поле, у ночного бивуака
Был чуток сон, и дождик моросил...
И выла в ночь отчаянно собака,
Прося защиты у небесных сил.

Что угодно мне говорите,
Все слова ерунда для меня.
Убегу, убегу к Маргарите,
Когда солнце отмерит три дня.
Вот оно уже полусонное
Окровавило небосклон.
Вспомню правило заведенное...

Брошу тихое: «Жди» в телефон.
Телефонная связь ненадежная,
Диск кручу, меркантильность кляня,
И мне, кажется, чувствую кожей я,
То, что ты ожидаешь меня.

Сажу я, прошлое итожа,
На сером пепелище дня.
В свое прокрустово ложе
Вы не уложили меня.
Из массы разных вариаций
Меня устроила одна,
Вам ближе смена декораций,
Мне яркость чувств и глубина.
Где взять мне точные мерилы,
Познать начало всех начал...
Забыла ты, что говорила.
И я забыл, что отвечал.

Журавли

Царствует поздняя осень,
Сердце болит от тоски.
Режет небесную просинь
Клин журавлей на куски.
В сумерках грустно,
И небо с землей слились.
Клин превращается в сгусток
И исчезает вдаль.
Сдержанно встретит и сухо
Дальний чужой материк.
Ветер доносит до слуха
Долгий пугающий крик.
Тихо махну им рукою,
Стану душою добрей,
Встретимся ранней весной,
Только уже на заре.

Визит музы

Уставший от волнений, груза,
В упор гляжу в квадрат окна.
Мне утром позвонила муза,
И вот уже идет она.
Укрыта легким покрывалом,
Изящна и почти нага.
«А я пришла, как обещала.
Ты ждал?» А я в ответ: «Ага!»
Присела тихо на колени,
Губами тронула висок.
Проснулся мой дремавший гений,
Взбурлил во мне творенья сок.
Недолго это продолжалось...
Она сказала: «Извини,
И так у вас я задержалась,
А у меня вы не одни.
Бежал счастливый день к закату,
Она спешила за порог.
Я, улыбаясь, виновато,
Скрывал печаль свою как мог.
И у дверей, целуя длань ей,
Прошу о встрече впереди.
«Готов платить любые дани,
Ты только чаще приходи».

г. Новокузнецк.

Эльвира
ШЕЛЕСТОВСКАЯ

Родилась и выросла в
Прокопьевске, окончила
Прокопьевский электромашиностроительный техникум. Работала рекламным агентом на телевидении, режиссером в ДК «Ясная Поляна». Участница татарского ансамбля «Лэйсэн». Посещает прокопьевские литературные клубы «Вдохновение» и «Маяк». Публиковалась в городских газетах.

У черты

Мы стоим у черты:
Ты и я,

я и ты.
Не сжигая мосты,
Разрушая мечты.
Время медленно всплыв...
Мы не вместе опять.
Мы стоим на краю:
Я в аду,

ты в раю.
Мы с тобой «на ножах»
В параллельных мирах,
Растворяясь в себе,
Удивляясь судьбе.
Ошалелая страсть...
Как бы нам не пропасть,
В этой мрачной глуши
Опаленной души.
Позабыли пароль,
Нашу главную роль.
В передрыгах судьбы:
Всё — авось,

да - кабы...

Мы стоим у черты:

Ты и я,
я и ты.
Как нелепо взлететь
И упасть с высоты...

Растерянность

Бреду по своей жизни,
Без цели,
наугад.
Без славных достижений,
Без золотых наград...
Лечу по небу - птицей.
Но сбилась я с пути.
Где север, юг?..
Скажите!
Самой мне не найти.
Плыву вниз по течению
Без вёсел, без ветрил...
За жизнь свою не складную
Бороться нет уж сил.
Стою на перепутье
Запутанных дорог.
Душа болит и плачет,
Когда ты одинок.

Летняя ночь

Затихли вечерние звуки,
Ничто не тревожит покой.
О, как хорошо в это время
Сидеть под луною одной,
Смотреть на далёкие звёзды,
Из вечных, манящих миров,
Вдыхать холодеющий воздух,
И слушать концерты сверчков.
Узнать на загадочном небе
Созвездий туманных разлёт.
И думать, как малый ребёнок,
Что... тоже, почти звездочёт.
Успеть за летящей звездой
Желанье своё загадать.
Тогда уж и радость не скрою,
За это всё можно отдать!
Продрогнув, под самое утро,
Услышу напев соловья.
Омыв свои стопы росой,
Открою секрет... бытия.

г. Прокопьевск.

Сегодня ребята из литературной студии «Фесковские литераторы» выступают у нас не только как поэты, но и как художники. К юбилею Пушкина они создали прекрасные витражи: яркие, нарядные, а потом написали к ним еще и стихи в стиле пушкинских сказок. Их работы демонстрировались на различных выставках: в детской картинной галерее, музее Ф. М. Достоевского, Центральной детской библиотеке и библиотеке имени Н. В. Гоголя города Новокузнецка. Давайте и мы полюбуемся их произведениями.

Руководители проекта «Нам Пушкин сказки подарил» лицея №27 города Новокузнецка учитель ИЗО Ирина ВОСТРИКОВА, директор лицея №27 Ольга ПИРЯТИНСКАЯ, литературный редактор проекта Любовь НИКОНОВА с юными воспитанниками студий «Фесковские литераторы» и «Изобразительное искусство».

«Нам Пушкин сказки подарил»

Читательский опыт большинства детей начинается с Пушкина, с его красивых, ярких, мудрых сказок. В сознании маленьких читателей эти сказки закрепляются навсегда, «раскручивают» воображение, развивают образное мышление. «Мысль является в образе».

Особую роль сказки Пушкина играют в творчестве юных художников, талантливых иллюстраторов. Дети очень чутки к Пушкину. И, конечно, они легко отзываются на пушкинские сюжеты. Всем интересно изображать сказочный мир поэта. Интерес этот возрастает с развитием новых изобразительных средств и техник.

Так, воспитанники учителя изобразительного искусства лицея № 27 Новокузнецка Ирины Николаевны Востриковой, четвероклассники, занимающиеся в ее студии «Изобразительное искусство», с необыкновенным увлечением создают витражи на темы пушкинских сказок: прозрачными витражными красками они изображают на пластике блистающий мир пушкинской фантазии. Все переливается, светится, мерцает, сверкает в этих произведениях. Возможно, так светится сама человеческая мысль.

Маленькие иллюстраторы пытаются выразить свое понимание Пушкина не только в рисунках, но и в стихах. Среди четвероклассников много участников детско-юношеской литературной студии лицея № 27 «Фесковские литераторы».

Юные художники и поэты соединяют свои творческие усилия на пушкинской волне.

Любовь НИКОНОВА,
член Союза писателей России,
руководитель детско-юношеской литературной студии
«Фесковские литераторы» лицея № 27 г. Новокузнецка.

По мотивам «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»

Дарья Догадова, 4 «а» кл.

Это зеркальце правдиво,
Очень мило и красиво.
Говорить оно умеет,
Правду выразить посмеет.
И оно не дружит с ложью,
Служит только Слову Божью!
Не боится никого,
Кроме Бога одного!

Александра Русскина, 4 «а» кл.

Рукодельницы-девицы
У окна своей светлицы
Пряжу тонкую прядут
Долгий разговор ведут.
Этот вечный разговор —
Как причудливый узор.
Тема выбрана не зря:
«Выйти замуж за царя...»

Посвящается А.С. Пушкину

Екатерина Сабанцева, 4 «б» кл.

Свет несут слова и краски.
Ими мир согрет.
«Что за прелесть эти сказки» —
Говорит поэт.
Он услышал их в преданьях
Нянюшки седой
И фантазией разбавил
Яркой, молодой.
Это стало чтеньем лучшим
Взрослых и детей.
Это Пушкин.
Вечный Пушкин.
Свет России всей.

Елизавета Стефанкина, 4 «а» кл.

Князь Гвидон и мать-царица
Видят город расписной:
Просветленные здесь лица,
Блещет город новизной!

Стен высоких не измерить,
Куполов не сосчитать.
В чудеса умеете верить.
И закон судьбы читать.

Вот так город!
Прекрасное чудо!
Появился он ниоткуда!..

Кристина Кавцевич, 4 «в» кл.

Если белочка усердна,
Может жить она безбедно.
Золотым орехам счет
Основательно ведет.
У нее скорлупок груды,
В них сокрыты изумруды.
Много трудится она.
Пополняется казна.
Камушки в казне не мелки.
Люди благодарны белке.

Татьяна Колпакова, 4 «а» кл.

Морские витязи!
Ответствен их поход.
Им полагается с неустрасимым взором
Чредою выходить из ясных вод
И обходить страну чудес дозором.
Пока у берега звучат их голоса,
Пока шаги их слышатся в тумане,
Не прекратятся в мире чудеса,
Доверенные сказочной охране.

Елена Трунина, 4 «б» кл.

Синяя волна - волшебна.
Пена белая — как снег.
Вышла из воды царевна
На песчаный желтый брег.

Дивная царевна Лебедь
Счастье здесь найдет свое.
Будет князь Гвидон лелеять,
Обожать, любить ее!

Гоар Кургинян, 4 «а» кл.

У царя Салтана прелестная семья.
Все в ней уважают батюшку царя.
Счастлива царица.
Счастлив князь Гвидон.
Грозы и невзгоды не колеблют трон.
Хороша собою, ласкова, тиха
Лебедь благородная, добрая сноха.
От души желает щедрый белый свет
Царскому семейству много-много лет!

По мотивам «Сказки о золотом петушке»

Полина Шафикова, 4 «в» кл.

Вышла из шатра девица –
Шамаханская царица.
И коварна, и прекрасна,
И прелестна, и опасна.
В вихре жизненной борьбы
Она – орудие судьбы.

По мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке»

Анна Огородова, 4 «а» кл.

Рыбка,
рыбка золотая,
Ты куда плывешь,
играя?
Хвостиком своим махнешь –
Чудо ты произведешь.

Проходя
сквозь день и ночь,
Рыбаку спешить помочь.
И увидит он сквозь пену
Все,
чему ты знаешь цену.

Красотой своих затей
Добрых радуешь людей.
А недобрый человек
Не заметит чуда ввек.

Вадим Белявцев, 4 «в» кл.

Смотрите, люди, с корабля:
Возникла впереди земля;
Овеянный лучистой славой,
Там город виден златоглавый.
А ну-ка, парусник нарядный,
Плыви скорей к земле парадной!
Красивейшее море,
Прекрасная земля –
От сказочного чуда
Глаз отвести нельзя!

Татьяна Колпакова, 4 «а» кл.

У золотого петушка –
Волшебные способности.
Добудет он исподтишка
И огласит все новости.

Он знает все, он слышит весть,
Он ловит знак опасности.
При нем мудрец чудесный есть –
Для абсолютной ясности.

По мотивам поэмы «Руслан и Людмила»

Татьяна Колпакова, 4 «а» кл.

Фантазия разбуженная мчится.
Она миры стремится создавать.
У лукоморья есть чему учиться:
Спешите воображенья развивать!

Как зелен дуб!
В нем – сила и здоровье!
В нем – мудрость жизни, мощь и красота.
И нам полезны сказки лукоморья
И знания ученого кота.

Юрий Булатов, 4 «а» кл.

«Через леса, через моря
Колдун несет богатыря».
Но богатырь им управляет,
Диктует, чтоб летел скорей.
И побежденный чародей
Приказы эти исполняет.
Есть справедливости! И она
Сильней коварства колдуна.

Олеся Жеребцова, 4 «а» кл.

Есть в сказках благородства смысл нетленный:
Герой бесстрашен, честен, очень смел.
И бурый волк, слуга царевны пленной,
Показывает верности пример.

Сергей Куликов, 4 «а» кл.

Богатырь Руслан в степи просторной
В бой вступает с Головой огромной.
Тайной Голова окружена:
Кто она?
И здесь зачем она?
Даст ответ о смысле этих встреч
Чисто поле да булатный меч.

Елизавета Келлер, 4 «а» кл.

Способности вредить – отобрала
И победила злые силы,
И укрепила мир добра
Любовь Руслана и Людмилы.

По мотивам «Сказки о попе
и о работнике его Балде»

Руслан Ашрофзянов, 4 «в» кл.

Проворные помощники героя
Согласны выполнить задание простое
Умный человек использовал для дела
Силы их природные умело.
Вот они, создания земные –
Пригодились зайцы скоростные!

Валентина
ЛОПАТИНА

Валентина живет в селе Верхкатунское Алтайского края, перешла в седьмой класс. Она победитель литературного конкурса «Читая Шукшина», который проводился в Алтайском крае в этом году и был посвящен 80-летию со дня рождения Василия Шукшина. Её стихи были признаны лучшими в своей возрастной категории. Валентина очень любит стихи и прозу А.С. Пушкина, пишет не только стихи, и тексты к песням, но и музыку к этим текстам.

Взлететь - не упасть, а упав, не разбиться.
Сердце сберечь от соблазнов лихих.
И души наши стасти стремиться —
Много ль на свете героев таких?

Один, знаю точно, сидит на Пикете,
Бронзовым взглядом глядит сквозь века.
О нём редко пишут в районной газете,
Лишь в юбилей вспоминают слегка.

Хотела б я каждую строчку, отдельно,
На суд, с поклоном, доставить ему.
Не в жаркий июль,
а в декабрь метельный
Прийти за советом к нему, к Шукшину.

В железной груди его бьется тревожно
Могучая сила не сказанных слов,
Песен, ещё недопетых, возможно,
Мужицких, скупых,
недоплаканных слёз.

Весна запоёт, снег слезами растает,
Всплывут над рекою туманы из снов.
Спокойно сидит на горе он и знает:
Родина помнит своих сынов.

Строки его земляки продолжат,
Песню его допоёт скворец..
Вдруг, забьётся железное сердце
От стука наших горячих сердец.

Я брожу по берёзовым колкам,
Мыслям, порой, удивляюсь своим.
Душу терзает тупым осколком:
«Мы за Родину стоим!»

Его путь - тетива тугая.
Не удержал - и звонкой стрелой
Перед дверью ада иль рая,
Остановлен подружкой-судьбой.

А берёзки всё пишут письма,
Все стволы их испещрены:
«Где ж ты, наш дорогой Васятка,
Ужель не вернёшься
с киношной войны?»

Над Пикетом дожди и грозы,
Тёплый запах хлебных полей.

Словно строчки стихов иль прозы
В синеве виден клин журавлей.

Но тоской земля пропиталась
Под усталой железной стопой.
Лишь правдивое слово осталось
Нам светить путеводной звездой.

Без тебя стали взрослыми дети,
Внуки видели первый рассвет..
Тихо роняет на снег калина
Горечь. Горечь не прожитых лет.

Великан
на Пикете

Любим - не любим.

Порой очень сложно
Точно представить, чего мы хотим.
Выпустить слово иль спрятать надёжно,
Чтоб не помять равнодушьем чужим.

А ты не боялся строкой и с экрана
Делился любовью и светлой тоской.
Ушёл на заре, не пугаясь обмана,
Сердце оставив в селе над рекой.

Вернулся.

Вошёл на Пикет великаном,
Но люди погаснуть огню не дадут,
Со всех уголков необъятной России
Тебе, каждый год, своё сердце несут.

Сказка

Не за лесом и горами,
Не за тридевять земель
Сказка ходит рядом с нами.
Хочешь верь или не верь.

Распахни пошире двери,
У мечты встав на краю,
Мир не будет больше серым:
Сказка входит в жизнь твою.

Тише, тише, тише, тише,
Тише, тише, не грусти.
Тише, тише, тише, тише,
Сказку в дом свой запусти.
Тише, тише, тише, тише -
Сказка дождиком по крыше..
Слышишь робкие шаги?
Тише, сказку не ступни.

У Шукшина на Пикете.

Будет мир добрей и чище,
Ярче, ласковой рассвет,
Только в сказку верь, дружище,
И послушай мой совет:

Распахни свои ресницы.
Сказке с детством по пути.
Если ночью вновь не стится,
Сказку в дом свой запусти.

Пусть от дружбы и от песен
Шар земной кружит быстрее.
Никогда не будет тесен
Мир в кругу своих друзей.
Тише, тише, тише, тише,
Снова дождь стучит по крыше.
Слышишь робкие шаги?
Тише, сказку не ступни.

Село над рекой

Не мало мест на свете
Красивых и святых,
Но лишь одно, поверьте,
Милее всех иных.
Парит село, как песня,
Меж трактом и рекой,
И первый луч рассветный
Хранит его покой!

Катунь и берёзки -
Край мой родной!
Спят на рассвете
Прозрачной росой!
Здесь моё детство,
Без края поля.
Люблю тебя очень,
Родная земля!

В серебряные росы
Ступлю босой ногой,
Украшит мои косы,
Цветочек голубой!
Берёзки, как сестрички,
Стройным тополям.
В ветвях поют синички
Утренним полям!

Шукшинские Сростки
Над быстрой рекой
Утром июльским
Улылись росой!
Здесь моё детство,
Мои берега.
Горжусь я тобою,
Родная земля!

Молитва

Я шагаю в раздумье
Тихой кромкой зари.
Необъятно раздолье
Милой русской земли.
Ах! Россия, Россия —
Тёплый запах полей,
Храмов чистые звоны
И любовь матерей.

У Можайского поля
Постою, чуть дыша,
Здесь не спомнена воля,
Здесь России душа.

Ах! Россия, Россия,
Подвиг помнят друзья,
Для тебя лишь, Россия,
Льётся песнь соловья.

Светлый ангел надежды,
Улыбнись, не грусти.
Верю я в возрожденье
И единство Руси!
Ах! Россия, Россия —
Спят на куполе.
Ах! Россия, Россия,
Я молюсь за тебя!

Катунь

Со снежных гор летит поток —
Прозрачной свежести плоток.
Катуны!

Легенда? Песня? Птица?
Скажи мне, как тебя понять,
Позволь стихом своим обнять,
В поющих волнах повториться.
И в вышине, вдвоем с тобой,
Нам любоваться на прибой.
Встречать туман, как мёд, тягучий,
С разбега - в омут с головой,
Быть чайкой над твоей волной
И песней нежной, самой лучшей.

Когда грущу я вдалеке,
Родится песнь в моей душе.
Грустишь, я знаю, ты со мною.
Одна река из тысяч рек,
С обидой бьешь волной о брег
И плачешь под ночной звездой.
Обиды все простишь мне ты —
Меж нами призрачны мосты,
Но беспредельно притяженье.
Попросишь ангела в ночи,
Послать удачи мне в пути
И быть со мной, как вдохновенье.

Фотограф Петра ГУЛЯРА.

Чуйский тракт.

А я живу мечтой одной,
Чтоб не иссяк родник живой,
А бил в веках с могучей силой.
И ты, Белухой рождена,
Чтоб вечно песнь свою несла
Через простор Отчизны милой.
Всегда сияла б над тобой
Звезда, хранящая покой.
Пусть будет мир твоей судьбой!
Живой волной коснись меня,
Легенды преданно храня.
Позволь мне быть всегда с тобою.

Босой ногой печатать след
И слово нежное в ответ
Услышать, вдруг, сквозь шум прибоя.
Бежать песчаной косой,
Умывшись утренней росой.
Не нужно счастье мне другое.
Я знаю, ты - моя река,
Судьба и добрая рука,
Что поддержать всегда стремишься.
Легенда, песня над волной,
Ты - добрый ангел, светлый мой,
Мой талисман, надежда, птица.

Настроение

Не мечтать и не петь мне нельзя,
Слова невольно с губ слетают.
Весенний ветер, рифмами шутя,
Снова по ночам уснуть мешают.
Крылом своим, прикрыв любя,

Листок трепещущий ласкает,
И выюги последние вдаль уносятся,
Все обиды с собой забирает.
Не мечтать и не петь мне нельзя —
По звёздам мысленно шагаю,
И каждый миг отчаянно ценя,
Строчки по крупицам собираю.
Вдруг вдохновенья яркие ветра
Влетят неведомо откуда,
Немые мысли вихрем закрутя,
В реальность превращают чудо!
Не мечтать и не петь мне нельзя —
Ведь песня в воздухе витает.
Мотив на струнах тёплого дождя
Ветер осторожно подбирает.
Музыка весны кружит меня
И от себя никак не отпускает
Слова стучатся, каплями звеня,
И по дорожке мокрой детство убегают.

В поход!

Уснуть не могу,
ведь завтра в поход!
Ночь - на волненья и сборы.
Утром за спину рюкзаки и - вперёд.
Ура! Мы с друзьями - в горы!

Нас автобус везёт.

Чуйский тракт не широк.
За окном Бобырган - древний воин.
Убегают в туманы ленты дорог,
И мир вокруг сказок полон.

Зовут меня горы
седой вышиной,
Горы не терпят ссоры!
Обнимет свобода тёплой волной
И меня не отпустит скоро!

По узкой тропинке,
в связке одной
Идём, затаив дыханье,

А у подножья пенной волной,
Бьётся Катунь о камни!

Не помеха нам дождь
и гроза нипочём —
Мы весь год о походе мечтали!
Под шум водопада песню стоём.
Ура! Мы дошли, не отстали!

Паруса детства

Душа моей Родины — песня,
Рождённая в капле дождя.
Я слышу мелодию детства
В дыхании каждого дня.
И музыка эта часами
Звучит и кружится со мной,
Терзает мне сердце ночами,
И бьётся, и требует: пой!

Припев:
Пой, под парусами детства.
Пой, пока душа горит.
Пой, ведь нет другого средства
Взлететь над миром и парить!

с. Верхкатунское, Алт. край.

Фотограф Людмила ТАНКОВОЙ.

Александр БАБАРЫКИН

Работает экономистом на Осинниковском разрезе. Пишет стихи. Иногда их читает. Поет под аккомпанемент гитары. Тогда стихи называет композицией, потому что это уже больше, чем стихи, но еще мало для того, чтобы стать песней. Его приглашают для участия в театральных постановках в ДК «Октябрь» в качестве волшебника, сказочника или короля. Всегда легко справляется с ролями, поскольку приходится играть лишь самого себя. Не отказывается от приглашений быть конферансье на концертах. С удовольствием читает свои и чужие стихи.

Он один из организаторов фестиваля бардовской песни «От сердца к сердцу». Иницирует выступления своих друзей-бардов в разных городах и поселках Кемеровской области. Хлопочет о проведении концертов своих друзей-рокеров группы «Портал Тьмы». И благодаря усилиям Александра «Портал Тьмы» принимал участие в фестивале живой музыки в Колывани Алтайского края и получил главный приз фестиваля «Под звездным небом Колывани».

Хороший папа и муж. Часто ездит на бардовские фестивали, которые проходят в Кемеровской и Новосибирской областях или в Алтайском крае. Счастлив, когда удается съездить со всей семьей. Считает, что бардовский мир - этот мир душевно чистых людей. Мечтает съездить на Грушинский и на Ильменский фестивали.

Слабый пол?

Принято считать, что женщины - это слабый пол. С чего бы? Непонятно. Один остро слов, желая хоть как-то выделиться, ляпнул, что «страшнее женщин зверя нет».

Женщина - зверь?

Хм. Достаточно необычное высказывание. Но далекое от оригинальности. Если женщина и зверь, то довольно симпатичный, более того - красивый, изящный. И если с ним, со зверем этим, правильно обращаться-общаться, вести себя по отношению к нему соответствующе-подобающим образом, то он становится ласковым и нежным. Почти ручным.

Необходимо подчеркнуть, что не всем это удастся, и не со всеми. А если все же допустить, что женщина является зверем, в этом случае, мужчинам остается роль добычи, жертвы, кушанья, десерта... Так что-ли?

Нет-нет. Что-то здесь не так. Не клеится с высказыванием остро слова. Я с ним не согласен. Определенно.

А вот по поводу первого выражения есть несколько соображений.

На мой взгляд, женщина - это милое и хрупкое создание, которому необходимо потакать во всем, дабы оно таковым и оставалось.

Вот случай был в школе, в средних классах... А средние классы в школе, я вам скажу, как бы это поделикатнее выразиться - довольно громкие. Энергия в них кипит, как магма в вулкане.

Так вот, один из таких средних классов. Последний урок. Уже всем невтерпех. Домой хочется. Один из хулиганистых лидеров не дает вести занятие. На замечания, как говорится, не реагирует. Уже всех «достал».

У учителя педагогического опыта маловато. Можно сказать, что урок сорван. И тут поворачивается к «весельчаку» одноклассни-

ца, славная такая, нежная. Вот она и говорит: - «Ты бы уткнулся в тряпочку и посапывал бы себе в дырочку, а то если я встану, ты ляжешь».

И молодой человек тут же последовал ее совету, а именно - уткнулся, заткнулся и задышал в дырочку. Наверное, просто хотел сделать приятное: девчонка больно симпатичная, да и часто на сборы уезжает. По вольной борьбе. Чемпионка области. Чего с ней спорить-то? И так все понятно.

Вот видите, уже с детских лет мужчины начинают исполнять пожелания женщин.

Кстати, у женщин и реакция лучше. Представьте себе общенациональный праздник Кузбасса - День шахтера. Городской стадион. Народу тьма. Вокруг трибун оцепление из милиции. Так просто, туда не попасть. Только по билетам.

Но желающие проскользнуть все-таки находят и на что-то надеются. Мужчина-счастливчик с пригласительным билетом, взял два кофе в павильончике (по одному стаканчику в руку) и пытается сквозь стену из живых людей пройти на свое место. Билет в роту, а что делать? Руки-то заняты. Говорит оставшимся свободным уголком рта: - «Осторожно! Кофе горячий! Пропустите, пожалуйста! Кофе горячий! Осторожно!».

Мадам, из числа желающих попасть на сидящие места, оборачивается и говорит: - «Милиция просто так не пропустит».

А мужчина ей отвечает, что это вовсе не проблема, у него есть билет, ему бы только пройти. Только осторожно, а то кофе горячий. Мадам на него обратила свой взор, хватить у мужички билет изо рта, и с криком: «Пропустите меня! Я с билетом!» упорхнула за кордон милиционеров. Обалдевший мужик заскочил на место, с широко открытыми глазами и

с освободившимся ртом, который непроизвольно закрывался и открывался, не произнося при этом ни звука. А в каждой руке он держал по пластмассовому стаканчику с кофе. Горячему. Осторожно!

Да и соображают женщины быстрее. Тут даже к бабке не ходи. Вот в одном отделе работают три очаровательных дамы, плюс один дяденька. Одна из дам как-то спрашивает дяденьку, мол, у вашей пассии какой размер груди?

Дяденька густо покраснел и после того, как вновь овладел способностью разговаривать, поинтересовался-таки: а зачем это? Да дело такое - подарили ночную сорочку, а она в этом самом месте размерчиком не соответствует. Маловата. Вот и интересуюсь, может, вы захотите своей даме сердца подарок сделать?

Дяденька в таких размерах и не соображает совсем. Так, пальцами что-то попытался вспомнить, а потом сравнить с размером оно-го у своей коллеги, но задуманное претворить в жизнь ему не дали. Дама и говорит: - «Я завтра принесу вещицу, а вы узнайте про размер. Если подойдет, то заберите».

Дяденька разволновался, он как-то таких интимных вещей еще и не дарил никогда. А тут ему дают шанс отличиться. Буквально на крыльях прилетел на встречу. Правдами-неправдами узнал про необходимые параметры. Едва дождался утра - и бегом на работу.

Тут, как бы между прочим, коллега говорит, что принесла обещанное, посмотрите. Дяденька опять покраснел (шибко уж он от природы стеснительный да застенчивый), взял за бретельки эту самую ночную рубашку. Стоит думает: хороша ли? А ткань такая легкая - шелк. И цвет приятный. И узоры где надо.

И он было уже замечтался о том, как преподнести будет сей дар, какие слова при этом скажет. В общем, поздравительную речь обдумывает.

И как раз в это время, пока дяденька размышлял, другая коллега спрашивает у той, которая вещицу-то принесла: а почему ты мне ее не предлагаешь?

Хозяйка отвечает, что как-то не подумала. «А ты, - говорит другая, - подумай». А эта отвечает, - «Если хочешь, так бери». И та, другая, сказала той, которая принесла: - «Спасибо!» Потом эдак мягонько, остороженько из рук дяденьки забрала эту штучку. За бретельки. Нежненько свернула, и положила в пакетик, а пакетик - в сумочку.

Дяденька как стоял с поднятыми руками, в которых только что что-то держал, так и остался. Зря только время потерял, поздравительные слова подбирая.

Нет-нет. Прилагательное «слабый» к женщиной вообще не подходит. Несовместимо это. Женщины, они для того, чтобы нас держать в тонусе, чтобы мы не расслаблялись с пивом на диване, внимательно следя за ходом хоккейного матча.

Они в своих головах генерируют столько идей, которые жизненно необходимо претворить, материализовать. А сами они с этим справиться не в состоянии. Для этого нужна рабочая сила в виде лиц мужского пола.

Чтобы мы не ворчали, не перечили и не пререкались, опять же они сами и придумали, что они, мол, «слабый пол». А вы мол, сильные, вам и превращать сказку в быль, в которой главной героиней представлена, разумеется, женщина. Я, в принципе, и не против. Ведь по большому счету, жизнь без женщин, как песня без души.

установилась. Даже не по себе стало.

Ну, я еще раз варенье с головы мазнул и ей предлагаю: хочешь попробовать? «Пусть, - думаю, - сама убедится, что это вкусно, и что это не то, о чем она думает».

А дамочка странная какая-то. Посмотрела своими «нивовскими колесами» на мой палец, и они у нее эдак плавноенько в разные стороны-то и покатились. И вся такая - брык! В обморок...

Ну, ты только подумай, до чего настырная оказалась! Не верит, и баста! Засуетились тут все. Доктор в особенности. Нашатырь нашли. Дали понюхать. Пришла она в себя потихоньку. Взгляд сначала рассеянный был, потом сфокусировался на мне. Пробормотала тихонько: «О, боже!», и опять - брык!

Пока её в чувство приводили, я, на всякий случай, подальше отошел - мало ли что? Доктор давно понял, что у меня все путем, что помощь оказывать не надо, быстренько за руль сел, и, пока его барышня еще раз меня не увидела, поехал себе.

А мы с кумом решили в этот день на Алтай не ездить. Потому как примета плохая - в начале пути переворачиваться. Развернулись, и домой тихим ходом. Отмыться.

г. Калтан.

Малиновая история

История рассказанная Демьяном Агеевичем

По осени поехали мы с кумом на Алтай, за мясом. У меня там сестра живет. Давно не виделись. Вот и повод повидаться.

Взяли гостинцы, загрузили в кумовскую «Ниву» и с утраца отправились. Погодка хорошая стоит. Ясная. За ночь подморозило. Иней кругом. Едем, разговариваем.

Отъехали всего ничего, как вдруг машину забросало по дороге туда-сюда, да на обочину прям ка-а-а-а кинуло! Разговор стих сразу. Резко так оборвался. Сижу. Молчу. И тут вижу доказательство гипотезы Галилео Галилея! Ведь говорил же он, что земля вертится? Вертится! Еще как вертится! Потому как вдруг все вокруг завертелось: земля-небо-земля!... Потом качнулось, потом в обратную сторону и успокоилось. Во как!

Только земля с небом местами поменялась. Представьте себе: под ногами небо, а сверху земля... Чудеса, прямо! Что-то, думаю, здесь не то.

Огляделся. Ба!!! Машина вверх колесами, на крыше стоит. Успокоились, вылезли наружу кое-как, огляделись. Вро-

де целые. Уже хорошо. И нашему автомобилю хоть бы хны. Ничего не доспелось. Умеют же наши производить, когда захотят! Вот только банка малинового варенья, что в подарок сестре вез, открылась как-то, пока кувыркались, и все варенье вылилось. И больше всего мне на голову. Как так получилось - не пойму до сих пор. В общем, пропало варенье.

Тут машины проезжающие останавливаться стали. Мужики подходят: чем, мол, помочь? Ну, мы «Ниву» на колеса поставили. Осматриваем: где что погнулось-поцарапалось.

А в это время еще одна машина затормозила. Выходит водитель - и ко мне. «Я, - говорит, - врач, давайте вам помощь окажу». А пассажирка, которая с ним ехала, дверцу этак открыла, а выходить-то, не выходит. «Ой, - говорит, - плохо мне. Он весь в крови». И на меня показывает.

Я обстановку-то оценил, сообразил, что меня за раненого принимают. Успокаиваю доктора, что все нормально со мной, не беспокойтесь. Чувствую себя хорошо.

Хотел объяснить, что напрасно они переживают, что это и не кровь вовсе.

А пассажирка с места свое гнет: это, мол, у меня болевой шок. Ван и мозги вылазили наружу. «Ой, - говорит, - дурно мне»...

Нельзя же человека в таком истерическом состоянии оставлять. Я к ней-то подошел и натурально показываю: не мозги это. Не кровь. Для наглядности пальцем с головы варенье-то мазнул и показываю ей: «Вот, смотри какие же это мозги? Что ты в самом деле-то?»

А чтобы она совсем уж успокоилась, взял палец-то и облизал. «Видишь? А мозги разве сырыми едят?»

Гляжу: у нее глаза расширились, круглые стали, как колеса у «Нивы». Смотрит, не моргает, на лице ужас нарисован - все ей кровь мерещится.

«Вот, - думаю, - какое самовнушение у человека сильное. Просто слова и наглядный пример уже не помогают». Смекаю, что надо её по-другому из ступора вывести, а то она как-то странно на меня

Сергей ГУРЬЯНОВ

Родился в 1954 году. После школы окончил металлургический техникум. Как и все парни того времени, отслужил в армии и продолжил учебу, но уже в СМи на металлургическом факультете. Работал начальником бюро в Гидроугле, сейчас - главным специалистом в угольной компании «Южзубассуголь». Его увлечения разностронни: электроника, научные достижения, изобретения, литература, философия и многое другое. Печатался в журнале «Радио». Вырастил двух сыновей.

Карающий молот

Земной рай

Главная улица, а скорее просто широкая дорога садового общества «Приозерный» началась сразу за массивными, высокими, сварными воротами. Ворота всегда гостеприимно распахнуты, приглашая посетить сей земной Эдем.

А так как святой Петр отсутствовал (и был ли он изначально - неизвестно), то в ворота проходили все: и святые, и грешники, и просто паломники, идущие поклониться цветному металлу.

Прямая линия асфальта бежит вдоль садовых участков. От неё через равные промежутки разбегаются узкие улицы - переулки с незатейливыми названиями (в основном, взятыми из ботанического словаря с садово-плодово-ягодным уклоном): улицы Вишневая, Жасминная и просто - Огородная. Улица Огородная начинается от столба, на котором красуется высоко прибитый гаишный знак, ограничивающий передвижение в пределах общества, со скоростью не более 20 километров в час.

Домики и дома различной архитектуры, произвольной или строгой постройки, на Огородной, как, впрочем, и на других улицах-переулках, тянутся, сменяя друг друга, на протяжении полукилометра, заканчиваясь у насыпной дамбы, кое-где заросшей деревьями.

Это гидротехническое сооружение, построенное во время войны, удерживает более двух миллионов кубометров чистой речной воды, закачиваемой насосной станцией из главной артерии города - Томи. Озеро, площадью в 120 гектаров, сверху по форме напоминает большой бурдюк с торчащими в стороны ногами-каналами. Фауна его, не отличающаяся большим разнообразием, состоит, в основном, из мелкой рыбешки, раков и прочей пресноводной живности.

Обитатели садового рая, простые, безгрешные люди (мелкие слабости, грехи они прощали себе сами), работая и соседствуя, помогали друг другу, где светом, где лопатой или просто наваливали работу (урожаем) соседа. Старое уживалось с новым. Поколения плавно меняли друг друга, молодые семьи приходили на смену старикам, строили рядом со старыми домиками новые дома, обновляя вид улиц и переулков.

Святые и грешники

Где-то посреди Огородной - участок Михаила, бывшего шофера. Худой, жилистый старик, чуть выше среднего роста, каждое лето проживает в своем маленьком, летнем домике, расположенном на меже с соседом.

Домик он построен давно и так, чтобы, находясь в нем, можно было видеть весь мичуринский надел и аккуратные, хорошо сдобренные переулком, в любое время чистые от сорняков, вовремя поливаемые грядки. На грядках росли обычные по сорту, но необычные по размеру овощи и корнеплоды.

Он и его жена полновозрастная, невысокая казашка, настоящие земледельцы. Природный агроном-огородник Раиса Михайловна знает все, что касается семян и рассады, времени и сроков, места и почвы, сорняков и насекомых, погоды и непогоды.

Михаил по указанию жены вскапывает, делает грядки, перетирает землю узловатыми ладонями, вносит перегной, сдобрявая и без того жирную почву. Поливает, подкармливает раствором навоза, собирает вредителей, опрыскивает ядами насекомых.

Эта прорва разнообразной работы делает-

ся им с умом и знанием, и что самое главное для жены - безропотно.

У них на глазах все росло, плодоносило на тучных побегах; урожай был постоянен, с неизменно высоким качеством. Они вдвоем могли прокормить пять-десять детей, но у них была лишь одна взрослая дочь, и внучка где-то далеко, в Северной Пальмире. Поэтому вся продукция в основном шла на рынок. Когда наступала пора созревания очередной огородной культуры, груженные сумками, ведрами Михаил, согнувшись, семеня на автобус.

Жил он на участке с начала июня, до середины октября, до появления первых белых мух и несильных морозов. Его обитель - аккуратный, дощатый летний домик под двускатной крышей.

Размером два на четыре домик внутри поделен на две части. Кухня, большую часть которой занимала кирпичная с чугунной плитой, печь. Здесь же стоял старенький холодильник. В другой комнатенке стояла кровать, столик с электроплиткой и два расшатанных стула. На столике обычно играла и пела дешевенная, вся обшорпанная китайская магнитола.

С началом очередного сезона Михаил с удовольствием готовился к въезду в свои апартаменты, предаваясь все прелести деревенской жизни. За зиму, истосковавшись по зримой работе, из духоты каменного мешка квартиры, он с утра приезжал на еще не просохший после таянья снега сад и начинал его расконсервацию, готовя к новому, давно ожидаемому сельхоз сезону.

Когда протягивали провода и подключали электричество, он уже был готов к въезду, к дачно-огородной привольной жизни.

Раиса Михайловна работала сестрой-хозяйкой в больнице для умалишенных. Дежурила по суткам через двое, опекая слабые умы города. После дежурства, она приезжала на участок и, покормив мужа, принималась хозяйничать в огороде. Старик, всю жизнь проработав шофером, знал меру, но частенько бывал навеселе. Его жена, работая с таким контингентом, легко справлялась с хмельными выходками мужа.

Жил Михаил не один, несколько лет с ним обитали, скрашивая его одинокую жизнь (в отсутствие жены), кошка Кити и молодой черный кот Базиля. Кошки понимали хозяина, слушались его. Можно сказать, что они обоюднo понимали друг друга. И было в этом общении, было что-то простое и древне-языческое.

Да и тайные приемы Михаила, при работе с землей, навели на мысли далекие от христианства. Вскрывая или что-то высаживая, он обычно втыкал в углы грядки небольшой нож, ограждая этим землю от сглаза.

Однажды, среди лета потерялась его любимая Кити. Михаил опросил соседей, искал и однажды нашел её убитой, брошенной в кусты смородины на его участке. Долго горевал, высказывая жене свои подозрения, указывая то на одного, то на другого своего недруга.

А недруги у него были. Не то чтобы заклятые враги, а так просто, завистливые, или злые на него за острый язык люди. Дело в том, что во хмелю, за вечерней выпивкой Михаил всегда ядовито отвечал на обидные слова в сторону его жены-казашки.

Вечерние выпивки обычно бывали раза два в неделю. Соберутся трое, четверо соседей-пенсионеров, пошлют кого-нибудь за водкой или спиртом, исходя из наличности (иногда в обмен на раннюю агрокультуру), и засядут у Михаила или, что реже, у Юрия.

Юрий, мужчина когда-то видный, выйдя на пенсию и работая где-то сторожем, тоже все лето проживал в саду. И если раньше дружно соседствовал с Михаилом, то сейчас, в подпитии стал грозить ему поджогом, требуя убрать избушку с межи, с его участка. Михаил ставил бутылку, и все кончалось миром.

С другой стороны михайлова участка проживал Хохол. Среднего роста, худощавый, с гортанным голосом, он постоянно задирали Михаила, прогуливаясь на тянущем его вперед поводке, большую, мохнатую, беспокойно-глупую собаку.

Однажды, после работы приехал на своем Жигуле сосед Николай с женой Мариной.

Он работал электриком в городе и приезжал в сад отдохнуть, полить огород, затопить баньку. Изобретательный по натуре, он все время что-нибудь мастерил. Кирпичный в два этажа дом, построен им лет пятнадцать назад. Николай разобрал второй этаж и вместо него сделал простую и ладную крышу.

Новаиии в охране

В тот приезд Николай спланировал сделать конек для новой крыши дома. Переодевшись, присел на крыльце, закурил. В калитку вошел Михаил. Он был расстроен. Поздоровавшись, присел рядом и тоже закурил.

- Сволочи, - начал он, было видно, как ему трудно говорить. - Кити...

- Кто? - Николай насторожился.

- Они все. Я нашел Кити в смородине... голова разбита. Бедная, такая ласковая была.

- Жаль, конечно. Подбросили?

- Это, наверно, Хохол, сволочь... Точно он. Пенсию пропил и ко мне приходил, пять рублей просить. А я не дал. Пил-то он один... Жмот. У него закурить-то не выпросишь.

- А может, не он?

Михаил растерялся. И, впрямь, месть уж было жестокая.

- Ты что сейчас делаешь? - чтобы отвлек его спросил Николай.

Оживившись немного, дед ответил:

- Что?.. Карающий молот!

- ...??? Какой молот?..

- Карающий! Пойдем, покажу.

Заинтригованный молотом, тем более карающим, Николай поднялся. Слушая пояснения деду, понял, что смекалистый дед соорудил что-то в теплице для защиты урожая от двуногих вредителей. Хитро улыбнувшись, Михаил открыл дверцу теплицы. Высокая, большая теплица была забита растениями. Огромные, тянущиеся вверх плети огурцов; зеленые и ровные, как на подбор, плоды свисали вниз. Да... сторожить было что.

- Смотри, приходит ночью вор, - посмеиваясь, пояснял дед, - открывает дверь, шагает...

Он с силой тыкает штакетинной в доску на земле. И тут, в глубине теплицы что-то зашуршало, зашумело и понеслось им навстречу. Это было большое ведро, наполненное обломками кирпича, подвешенное на веревке к верхнему уголку теплицы. Оно летело прямо на них.

Михаил и Николай отпрянули в сторону. И вовремя. Ведро, опавшее ветром, тяжело пронеслось и, замерев в верхней точке, полетело обратный путь.

- Раиса Михайловна знает? - первым делом спросил Николай, понявший, что может натворить ведро.

- Нет, не знает. Сюрприз, - щуря в улыбке глаза, ответил дед.

- Ну, ты доешь, ведь жену убьешь. Скажи обязательно или днем отключай свой молот, - Николай улыбнулся, - карающий.

Договорившись вечером посидеть, они вернулись к своим делам.

Похороны и покушение

На следующее утро Михаил, рассказав жене про горестную находку и вытребовав сто грамм спирта под это дело, принялся что-то мастерить. Он долго перебирал дощечки, стругал, пилил, стучал молотком. Раиса Михайловна, видя, что муж как всегда занят делом, не отвлекала его.

Михаил дважды прерывался в работе. В первый раз пришел за водой к Николаю, потому что его колонка давала кристально чистую воду.

Сдержано поздоровался с Мариной. Обычно, тайно влюбленный в неё, Михаил оказывал ей знаки внимания, нахваливал на все лады, а когда был пьяненький, приносил букетик цветов или какую-нибудь диковинную ягоду. А тут набрал воды и ушел. Затем он вернулся и позвал Николая посмотреть работу.

...Маленький гробик, стоящий на верстаке, изготовленный по все форме, изнутри был обит тканью из белого ткани. В изголовье лежала аккуратная подушечка.

- Подушку, когда успел шить?

- Ночью. - Михаил отвернулся.

- Не расстраивайся ты так, - Николай тоже вздохнул, глядя на старика.

- Вечером на поминки приходи, - ответил дед.

Время шло к обеду, Николай сидел на гребне крыши, прилаживая конек. Сверху было видно: кто и чем занят. Вот его жена, присев у грядки, прореживает морковь. Сосед Виктор готовит шашлык, а его Наталья накрывает кособоким столиком, стоящим под яблоней. Соседка Валентина с другого участка, мать одиночка, обирает малину, изредка бросая взгляды на Николая.

На участке Михаила, Раиса Михайловна закончила высаживать викторию и пошла к дому. В двух шагах, за крыжовником, Михаил лопатой что-то копает.

Пристроив конек, Николай, начал забивать гвозди. Вдруг до него донеслись громкие слова спора, потом - шума и, наконец, крик: «Коля-яя! У него... лопата-а-а!» Это кричала Раиса Михайловна. Она, несмотря на полноту, проворно бежала меж грядок.

- При-ибью-юю! - орал Михаил и с занесенной над головой лопатой, пытаясь догнать жену.

Поняв, что не успеет спрыгнуть с крыши, Николай неожиданно для себя рявкнул:

- Михаил!.. Брось лопату!

От окрика оба бегуна остановились. Сосед задрал голову, ища глазами глас с небес, начал медленно опускать лопату. В пяти шагах от него стояла, часто дыша, Раиса Михайловна.

Наконец дед пришел в себя. Посмотрел на лопату, на жену, отбросил инструмент и снова кинулся к Раисе. Бег продолжился. Обезоруженный старик, молча, пытался догнать жену. Но та, опередив его метров на десять, заскочила в теплицу и захлопнула дверь. Судорожно вцепилась в ручку двери и, упершись ногами в порог, повисла на руках почти у самой земли. Она крепко держала дверь, не слыша, как сзади пришел в движение механизм молота.

За дверью, что-то крича и дергая ручку, пытался открыть дверь Михаил. Он подпрыгивал на месте и рвался в теплицу.

Снаряд молота сорвался с веревки и, пролетев над согнувшейся Раисой Михайловной, пробил полиэтиленовую дверь. Уже на излете «карающий молот» толкнул в грудь новатора. Описав дугу, старик приземлился на мягкую картофельную ботву. Ничего не понимая, жена в смятении кинулась к мужу. Михаил, закрыв глаза, лежал на спине меж картофельных рядов, в тени большой яблони. Он дышал ровно, спокойно.

Николай за это время успел спуститься вниз.

- Что тут у вас? - спросил он соседку.

- Совсем сдурил со своими кошками! Гроб сделал, старый шизик. Могила хотел с крестом.

Просто закопать нельзя что ли? - вопрошала она, ища у Николая поддержки.

- Сам-то дед где?

- Спит в картошке. Алкоголик. Ой, дурак! Сам и сплотивал. Надо было ему по башке этим ведром. Ну, получит он у меня, - сердцах сказала она.

Вечером Николай уговорил Михаила не делать холмика на могиле и не ставить креста, просто посадить на этом месте цветы или валерьяну. Михаил согласился, что посадить куст валерьяны

г. Новокузнецк.

Юрий ГАМОВ сегодня трудится начальником службы гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций компании «Южжубассуголь», в прошлом он - капитан второго ранга военно-морского флота, заместитель командира тяжелого атомного ракетного подводного крейсера стратегического назначения «Акула».

Еще школьником Юрий мечтал о море, о службе на корабле. По окончании восьмого класса решил поступать в Нахимовское училище в Ленинград.

- Учиться было хоть и сложно, но очень интересно, - вспоминает Юрий Николаевич, - нам преподавали многие флотские дисциплины. Воспитывали в стиле флотских традиций, заложенных еще Петром I.

В Петербурге жили великие поэты, писатели и конечно же культурное наследие северной столицы оказывало на нас большое воздействие. Мы пробовали писать стихи, и это постепенно становилось для некоторых не только увлечением, но и смыслом жизни. Писали о море, о романтике морской службы, о Севере, многие публиковали стихи во флотских газетах и журналах. Выйдя в отставку, некоторые стали бардами и уже выпустили свои диски. Для других - стихи были отдушиной в долгих походах.

...Службу Юрий Гамов начинал на Северном флоте

на дизельной подводной лодке. Когда возвращались в базу из плавания на дизеле, то земля, хотя еще долго покачивалась под ногами, становилась более желанной и красивой. Затем Юрия Николаевича перевели на атомную подводную лодку «Акула».

- Чтобы представить себе силу этой лодки, надо представить себе её размеры: футбольное поле да еще высотой с большой дом. «Акула» несла 20 баллистических ракет, а это большая сила. Лодка такого класса могла уходить в автономное плавание на три месяца. Правильнее сказать - могла не подниматься и дольше, потому что была снабжена установками опреснения воды, получения кислорода из морской воды, мощными реакторами. Для психологической разгрузки на этом подводном гиганте предусмотрены: спортивный зал, бассейн, сауна и многое другое. Комфортабельные условия компенсировали необходимость находиться в подводном положении.

В экипаж «Акулы» подбирались надёжные люди, а служба проходила обычно: автономные плавания, выполнение боевых задач и береговая служба.

Прошло много лет, как я ушел в запас, но иногда мне снится море. И не только мне. Сегодня Юрий Николаевич наш гость.

Юрий ГАМОВ

Посвящение

Мы не пойдем с тобой в последний бой,
Для нас закончен он чистом вчерашним.
И палуба не скрипнет под ногой,
Уже привыкшей к тапочкам домашним.

А все-таки звонки и ревуны
Во сне нас поднимают по тревоге,
И к звездам нас ведут из глубины
Незримые подводные дороги.

Ах, осень!

Хрустящей корочкой
из ледяной глазури
Покрыв октябрь и лужи, и следы.
Последний жёлтый лист перевернули
Берёз и тополей календари.

И прутьки кустов стегают ветер,
А он гоняет ключья облаков,
И травы поседеют на рассвете...
Хоть далеко ещё до холодов.

Ах, осень, ты обманчива, обманчива,
И седина твоя - не седина.
Растает в полдень лёд,
и словно май ещё,
Но впереди лишь снежная зима.

Вновь с пасмурного неба
дождик брызнет.
Холодный ветер вам сломает зонт.
И солнце, словно барышня капризная,
За тучами уйдёт за горизонт.

Взвуть тумана, поутру затянет.
И в полдень потеплеет, будто вновь,
Вернулись дни, а не воспоминанья,
Вернулись, словно первая любовь.

Ах, осень, ты доверчива, доверчива.
Тебе тепло, хотя лишь брошен луч.
Казалось, далеко ещё до вечера,
Но солнышка не видно из-за туч.

Опять мороз, опять сухая свежесть,
И под ногами ломкий лёд хрустит.
Ах, осень, полюби меня по-прежнему,
Иль навсегда однажды отпусти.

Тебе тепло, но мёрзну я в объятьях,
И стыну на ветру и под дождём.
Так сложно не любить тебя, поняв тебя.
Давай ещё немного подождём.

Ах, осень, ты красивая, красивая.
Да ты об этом знаешь и сама.
Так будь такая ж гордая и сильная,
Как будто ты не осень, а весна.

Уходим в море.

Опять меня зовёт звезда морская,
Я уйду. Не плачь и не грусти.
Ведь ты прекрасно знаешь, дорогая,
Храним в секрете мы свои пути.

Уходим мы, как в небо космонавты.
Ты знаешь нам гораздо тяжелей.
Мы покидаем землю, чтобы завтра
Ты, не пугаясь взрывов, шла по ней.

И не покажут нас
в программе «Время»,
Мы не пошлём с экранов вам привет.
Нас в глубине спасает ваша вера,
Любовь, надежда встречи на земле.

Честь имею!

Что делал ты на службе, офицер?
Вот ты уже на пенсии, хоть молод.
Ты присягал служить СССР,
Носил звезду и серп носил, и молот.

Что делал ты на службе, офицер?
Пришел домой,
но дом твой не построен.
Директора финансовых афер
Списали всё на жертвы перестроек.

Ты воевал, а кто-то продавал.
Идите братцы, охраняйте банки.
Им наплевать, будь ты хоть генерал,
Что ты готов с гранатой на танки.

С днём рождения, ровесники!

Дни рожденья, дни рожденья
с каждым годом чаще, чаще.
Словно кто-то ускоряет
этой жизни карусель.

Пригласишь друзей за столик,
пожелают тебе счастья.
И опять, и с ускореньем,
как по взлётной полосе.

Как по гаревой дорожке,
сердце, как секундомер.
Не успеешь оглянуться:
то галопом, то в карьер.

Словно лошади по кругу,
так бегут года-часы.
Может, мы ещё на старте
этой взлётной полосы?

Мы ж смелее и упрямей,
и ни что нас не берёт.
Ленты финишной
у взлёта не бывает.
Только взлёт!

Просто море

Просто море, а разве вам мало?
Просто служба - работа, как все...
И романтики как ни бывало.
Через месяц, другой насовсем...

Просто будни - тоскливо и серо...
Просто вахты - стоять до сидеть.
Надоело, нам всё надоело.
Друг на друга противно глядеть.

До предела - тревоги, авралы.
Даже нервы - таков наш удел.
До предела, и всё-таки мало,
Не известен, не найден предел.

Ожиданье, чем можно измерить?
Ожиданье - количество дней...
В ожиданье замрешь перед дверью
И оставишь разлуку за ней.

Юрий ГАМОВ
во время службы.

После спросят: «Что видел бывалый?
Что нам всем не приснится во сне?»
Просто море, а разве вам мало?
Просто служба - работа как все.

Есения

Вы возьмите меня, цыгане.
Я пойду, не спросив, куда.
Я готов на край света с вами,
Лишь бы только
уйти навсегда.

Лишь бы только не видеть боле
Этих глаз, что так сердце жгут.
Пусть я буду
бродягой вольным,
Всё равно меня здесь не поймут.

Лучше буду скитаться с вами,
Тратить дни у костров и гитар.
Вы возьмите меня, цыгане,
Покажите мне танцев жар.

Закружите мне голову плясками,
Напоите, чтоб вспомнить не смог
Этих глаз,
что как звёздочки ясные,
Вижу даже сквозь ленту дорог.

Манят пусть меня песен стоны
И холодные ночи в степи.
Вместе с вами готов
на все стороны,
Но куда от себя мне уйти?

Подарок.

Я подарю тебе стихи,
Забудь на время о проблемах.
Я подарю тебе стихи,
Романсы, песни и поэмы.

Я подарю тебе стихи.
Они, как розы, будут свежи.
И не уронят лепестки,
А будут ласковы и нежны.

Я подарю тебе стихи.
Забудь на время о печали.
Пусть эта музыка любви
Нас на волнах своих качает.

Отцу

Уходят все,
лишь камень остаётся,
Но и его
в песок стирает время.
Нам форму
сохранить не удаётся,
А содержанье
нечем нам измерить.

Прости

Вы не правы,
мы не правы.
Кто наладит переправы?
Кто шагнёт в глубокий смут,
Первым помощи просить?
Как промолвить страшно первым
Слово доброе:
«ПРОСТИ».

К чему приводят реформы образования

Нам говорят,
Что мы живём всё лучше.
Который год твердят.
Кто их так учит?

О равных возможностях

Солнце освещает одинаково
Что букашку, что слона большого.
Только результаты будут разными,
Если повезёт один другому.
г. Новокузнецк.

Атомная подводная лодка класса «Акула». Северное море.

Что делал ты на службе, офицер?
Служил стране... Уж нет её на карте.
Служить богатым нынче твой удел,
И заруби себе на лбу и на кокарде.

Что делал ты на службе, офицер?
Воспитывал солдат или матросов?
Чтоб ты ни делал там,
на службе, офицер,
Не задавай себе таких вопросов!

Что есть в тебе сегодня, то и есть.
Ушёл со службы,
но ушёл с надеждой.
Но выправку и воинскую честь
Ты не прикроешь штатской одеждой.

Пусть завидуют

Пусть завидуют все,
пусть глядят тебе в след,
Не закроешь роток злопыхателям.
Ты на множество лет
сохрани свой секрет
И пошли их всех
к чёртовой матери.

Пусть твой тонкий каблук
раздражает подруг.
Стройной ножкой,
походкою твёрдою...
Ты прочти этот стих
и замкни этот круг
И останься упрямой и гордою.

Леонид ПЕПЕНИН

Леонид Пепенин родился в 1939 году в Кировской области. В 1964 году закончил СМи (СибГИУ) по специальности горный инженер-механик.

Работал на инженерных должностях: в проектно-институте, оборонном заводе, на шахтах. Увлекается лыжами, художественной литературой.

Поэзией начал интересоваться и писать стихи в 2000 году. Много пишет о любви: к природе, женщине, Родине. Размышляет о смысле жизни. Его стихи просты, легко читаются.

Изданы три сборника стихов, печатался в газете «Горняцкая солидарность», «Сельские огни», в альманахе «Озарение», в коллективных сборниках СИБГИУ «Гармония слова», «Южкузбассуголь» «Рифмуем уголь и любовь», «Южкузбассуголь: в тылу и на фронте».

Участвовал в поэтических фестивалях Новокузнецка и Прокопьевска.

Словно предки,
босые бродяги,

Словно предки, босые бродяги,
Мы с подругой гуляем в лесу.
Воздух полон живительной влаги,
Ощущаем душою красу.

И, неважно, во что ты одета,
Лучше нет первозданной красы.
Ты умоешься в сумерках лета
Нежным запахом ранней росы.

И, открыто тобою любуюсь,
Что случилось со мной не пойму,
Словно юноша робкий, волнуясь,
Я за плечи тебя обниму.

Моя любовь

Взгляд восхищения не скрою,
Заметив твой любовный взор.
Я поэтической строкою
Веду душевный разговор.

На свете много женщин славных,
Но ты мне ближе и родней.
Дорог по жизни много главных,
Но мне с тобой идти милей.

Как путеводною звездой,
Ты светишь ярким маяком,
А я хочу сиять зарёю
И освещать наш общий дом.

Чтоб превозмочь в пути усталость,
Мы пьём живительный родник.
Любовь моя в душе осталась!
Я эту истину постиг.

Отшумела
листвой непогода

Отшумела листвой непогода,
Осень с ветром умерили прыть.
К нам хозяйка спешит на полгода,
Зимней стужей себя утвердит.
Залютуют холодные вьюги,
Наметая сугробы в лесу,
Золотистая осень в округе
Белым саваном спрячет красу.
Мне пороша в лесу - не помеха:
По деревьям сверяю лыжно,
Прибивая сугроб для потехи,
Я здоровье свое сохраняю.
Побегут день за днем километры,
Утвердится накатом лыжня,
Не страшны мне февральские ветры,
Если крепнет в защите броня.
Я, лыжной очарованный странник,
Буду вечно искать свой предел,
Где судьбою отмечен избранник,
Кто моею душой завладел.

Все в природе разумно и вечно
Над водою курлился лёгкий светлый туман,
Поднимаясь к прозрачному небу,

Разгоралась заря, показался лиман,
Где сливалось былое и небыль.

В ранний час у реки хорошо помечтать,
Не спешить и о вечном подумать:
Отчего на земле люди будут страдать?
Человек ведь порою безумен.

Нам в наследство дана
первозданной земля:
Нет пригодней, ранимей и краше.
Почему мы охотно даём векселя,
А отдачу считаем - не наше.

Нет великих и маленьких дел у земли,
Всё в природе разумно и вечно,
Чтобы мы для потомков её сберегли,
Понимая, что жизнь скоротечна.

Где туман
за горами

Где туман за горами,
Там в таёжном краю
Подружусь с соловьями,
Буду жить, как в раю.

Здесь остались подруги,
Несомненно - друзья,
Вы не будьте так строги -
Покидаю вас я.

Посидим на прощанье
И в глаза поглядим,
При последнем свиданье
Все дела завершим.

Вас, друзья, не забуду,
Буду помнить всегда,
Что ищу - не добуду,
Возвращусь к вам сюда.

Маленькое чудо

Появилась деточка -
Маленькое чудо.
С днём рожденья девочка!
Внученькою будешь.

Мы тебя не видели
И того не знали,
Что твои родители -
Дашею назвали.

Подрастает девочка -
Даше стало годик.
Улыбнувшись, деточка
Глазками поводит:

«Я желаю ножками
Бабушку проведать,
Топая сапожками,
По дорожкам бегать!»

Гуляй, душа моя,
гуляй

Гуляй душа моя, гуляй,
Мне так легко ходить по свету.

Звени гитара, мне играй,
Не верь тому, что счастья нету.
Я не бывал в чужой стране,
Свою я вижу ясным взором.
В моей родимой стороне
Вечерний звон запели хором.
Себя напрасно не жалею,
Не поддавайся общей грусти,
Бальзам в душе своей разлей,
Любовь найдёшь и в сердце пустишь.
Тебя, о Родина моя,
Люблю такой, какую вижу,
Глаза смотрели, не боясь,
Тебя, родную, не унижу.
Звени гитара, так звени,
На всю страну, чтоб было слышно,
Народ российский сохрани,
Пока чего-нибудь не вышло.
Гуляй душа моя, гуляй,
В разгуле есть свои пределы,
И о плохом не помышляй,
Когда придёт святое дело.

Взгляд в прошлое

Поезд тяжко вздохнул,
уходя на подъём,
Застучали, как сердце, колеса.
Мы с тобою одни
в прошлой жизни вдвоем,
Между нами мелькает завеса.

Вижу я наяву затуманенный взгляд,
И понять объясненья пытаюсь,
А слова, словно пули, со свистом летят
Я молчу, вспоминая, не каюсь.

Встреча в жизни была,
в ней оставила след,
Промелькнула и скрылась в потемках.
Не сложилась судьба, не допели куплет
И следы запуржила поземка.

Я тебя не виню, видно так суждено:
Не исправили жизни изъяны.
Поезд мчится вперед,
бродит в сердце вино,
Успокоились прежние раны.

Не паникуй

Не паникуй, споткнувшись на ходу,
И не спеши корить свою судьбину.
Лечить старайся временем беду,
Не разжигай костром ее причину.

Я помогу тебе прийти в себя,
Когда и небо кажется в овчинку.
Доверься мне, все сущее любя,
Найдешь свою неторную тропинку.

Ты помечтай, проснувшись поутру,
Иль по весне, любясь ясным маем,
Когда сирень и яблони в цвету...
Чтоб жизнь, как сон,
могла казаться раем.

Жизнь полюби, иль думай о любви.
Мечтать не вредно - с детства это знаем.

Цветком ромашек юность позови,
Представив луг, где мы с тобой гуляем.

Цветы кругом, насколько хватит глаз!
Дарю тебе, от близости пьянея.
Душа твоя доверчива сейчас,
И мысли здесь становятся светлее.

Металл и уголь -
близкая родня

Металл и уголь - близкая родня,
В породе вместе их не встретишь.
Один - способен в пламени огня
Родить металл, себя потешить.
Другой, набравшись сил, богатырем
Упрямо грыз земную толщу,
Рычал, как зверь: «Родню свою вернем!»
И рвал заботой железной мощью.
Им управлял уверенно шахтер,
Держал рычаг по силе адской
И, как умелый в деле дирижер,
Мог укрощать рукою хваткой.
Укрывшись вместе за стальной броней,
Они, пробив в породе норы,
Охватывали так пласты углей,
Где размещались транспортеры.
Металл, добившись встречи, ликовал,
Дробил пласты остервенело,
Так из неволи уголь выручал,
Чтобы стальное сердце пело!
Шахтер в забое очень деловит,
Он не звено при механизме.
Любой простой, поломку устранил -
Находит радость в динамизме.
Металл и уголь - близкая родня.
Шахтеры ценят их богатство.
Чтоб под землей и в пламени огня
Ковалось трудовое братство.

Над родною
землей - тишина.

Окунусь в полевой разноцвет,
Пообщаюсь с родными местами.
Здесь я не был десятками лет
И не смог посетить за делами.

Вспомнил, где земляника росла
Вдоль по склонам
крутого оврага,
Где черемуха буйно цвела
За ручьем шириною в два шага.

Где цветочный дурман, травостой,
Продираюсь сквозь жаркие хмари.
Над моею снуют головой
Комары - кровожадные твари.

Под раскидистой елью грибы
Взволновали своим постоянством.
Где-то здесь я оставил следы
И простился навечно с крестьянством.

Тихо шепчут листвою дыша,
Меж собою о чем-то березы.
Лишь нарушат покой камыша
Голубыми крылами стрекозы.

Над родною землей - тишина,
Все блаженствует вечным покоем.
Только здесь понимаешь сполна,
Что исчезло гнездо родовое.

Вдруг волшебные струны...
Жизнь прошла, пролетела
Полноводной рекой,
Замерла, поседела,
Засыхает травой.

Вдруг волшебные струны
Разбудили покой.
Снова мысли-буруны
Пролетели искрой.

И, волнуясь, запела,
Загорелась душа,
Постепенно светлела,
В вальсе мысли кружа.

Возраст тем не помеха,
Кто нарушив покой,
Ищет счастья и смеха,
Кто в душе молодой.

Зимний вечер

Отшумел звенящий вечер,
Успокоились метели.
И в морозный зимний вечер
Окна все обледенели.

Хрусталем блестят листочки
В догорающем закате.
И волшебные росточки
Сотворил мороз-создатель.

Память

Я опять волнуюсь до рассвета:
Вижу сон заснеженных полей,
Где деревня саваном одета,
И не видно близких мне людей.

Память ищет, бродит по задворкам,
Вспоминая прошлое в душе.
Лихо воев вьюга по пригоркам,
Волей упиваясь в кураже.

А душа все кружит и страдает
Над родимым местом, над гнездом,
В белое безмолвие взирает
И все ждет свиданья с земляком.

Не горит лампада в зимний вечер,
Не пройдет землячка не спеша.
По равнине бьется шустрый ветер,
Где жила крестьянская душа.

Исповедь
пенсионера

Я полжизни провел под землей,
Добывая коксующий уголь.
В покосившей хибаре с семьей
Заработал с «удобствами» уголь.

Отработав свое до звонка,
Получил пенсию, «гробовые»,
Прослезился за чаркой слегка:
Вот теперь мы для власти - чужие.

Оскорбили шахтеров сполна,
Начисляя на отдых затраты,
И казна оказалась бедна,
Чтоб восполнить здорвьёвья утраты.

Бог всевышний, прошу я, учесь
Годы те, что провел под землею,
А прибавка на пенсию есть,
Чтобы жить наравне с нищетою.

Родина моя

Улетают птицы в теплые края.
Мне все чаще снится Родина моя.
Я во сне волнуясь, слышу нашу речь.
Мне с родной землей не хватает встреч.

Позову я свистом верного коня,
Чтоб скакать стрелою на восходе дня.
С ветром соревнуясь, я к тебе спешу.
«Здравствуй, дорогая», - я произнесу.

В ноябре морозы разрисуют лед.
Дерзкий угрозы вновь зима пришлет.
Я тебе от сердца уделю тепла,
Чтоб земля под снегом теплая была.

В жаркий день

Закрывает тучка солнце,
На лицо упала тень,
Отворю я в сад оконце,
Полубуюсь на сирень...
Мне бы снова очутиться
Там, где рос в краю родном,
Из ручья воды напиться,
В поле бегать босиком.
В лес таинственный, прохладный,
Где растенья пьют росу,
Я пойду и благодатных,
Спелых ягод принесу.
В жаркий день бежать на речку,
Раздеваясь на ходу,
С языка летят словечки,
Словно я уже в бреду...
Размечтавшись, успокоюсь.
Солнце катится в зенит.
В тень и я от пекла скроюсь:
Лишний жар душе вредит.

г. Новокузнецк.

«Словами, взятыми из сердца...»

заметки о жизни и творчестве Николая Мартина (1937 – 1996 г.г.)

Много лет назад в газету «Киселёвские вести» позвонила женщина-чиновник и обвинила редакцию в плагиате. Главный редактор Татьяна Шамаева с изумлением узнала, что «КВ» перешли все границы, публикуя стихи русских классиков под вымышленной фамилией Мартин.

Эта история, больше похожая на анекдот, долго потом веселила журналистов. Но в чём-то автор гневной отповеди была, как ни странно, права. Не будучи знакомой с творчеством Николая Мартина, чиновница, сама того не ведая, точно угадала ту литературную школу, из которой он вышел, и которой не изменял до конца жизни. Вот что говорил в рецензии на рукопись первой книги киселёвского поэта один из видных литературных критиков России Виталий Коржев: «Н. Мартин работает в русле старых, добрых традиций русской классики». Но при этом (цитирую далее): «Он интересен, потому что органичен и самобытен по-своему».

Иными словами, Николай Мартин чутко воспринял опыт великой русской поэзии, но творил не в духе пустого подражательства. Он умел переносить в рифмованные строки собственное виденье мира, людей, событий. То есть, был неповторим. И этим качеством привлекал к себе внимание читателей, критиков и товарищей по литературному «цеху».

В 1981-ом Николай Мартин, к тому времени почти десяток лет – житель Киселёвска, написал одну из лучших своих миниатюр:

Так повелось ещё издревле.

И что поделаться можно тут?

Поэты пишут о деревне,

А сами – в городе живут.

Горькие дела... Но их горечь становится двойной, когда понимаешь, что Мартин говорил не только о поэтах, которые, стоя у окна с видом на Кремль, слагают стихи о доярках, пахоте и сенокосах.

В первую очередь, он говорил о себе, потому что – волею судьбы – на много лет был оторван от села, без которого жить ему было невозможно. Но он – жил. Потому что и в «каменных джунглях» не забывал о своих корнях – деревенском быте с его тихими радостями, простотой в отношении и добрым взглядом на природу.

По сути дела, Мартин так и не стал городским человеком. По крайней мере, в душе... Он как бы следовал пожеланию своего ровесника – кузбасского поэта Виктора Баянова, тоже выходца из деревни: «...Чтоб помнить мы не перестали\Под нашим небом иль чужим,\В каком краю мы вырастали,\Какой земле принадлежим».

Память была для Мартина спасителем от невзгод и – основой творчества... Она, подобно машине времени, уносила поэта из городской квартиры в мирное сердце. Прошлое – на простор Болотнинского района Новосибирской области. Там, уютно пристроившись на стыке лугов и тайги, манила перебором гармошек и раздольной песней Горбуновка – деревня, которой давно уже нет. Упрямо качались на полях колхоза имени Чапаева колосья дозревающей ржи... Всё это, неотделимое друг от друга в географическом и духовном плане, поэт называл одним словом: «Святое!» Ведь речь шла о его малой Родине. Там – в Горбуновке – он в марте 1937-го родился. И там, примостившись на завалянке, сочинял свои первые стихи.

На склоне лет Мартин говорил, что приобщился к поэзии сразу, как только овладел грамотой. Читал Пушкина, Кольцова, Некрасова, Никитина... А к десяти годам уже и сам рифмовал, за что получил от соседей прозвище Колька-поэт. В тринадцать лет он стал публиковаться в районной газете. И – даже без скидки на возраст автора – те, первые стихотворения, выглядели очень даже неплохо. Мало кто из нынешних шестиклассников мог бы написать подобное:

*Гляжу на спящую округу,
А небо звёздами играет.
Как ненаглядную подругу,
Туман берёзку обнимает.*

*Густая тишина кругом,
Лишь холодок траву колышет.
Луна румяным коlobком
Сидит и греется на крыше.*

*Природа дремлет, как живая,
Слегка умытая росой...
Я красоту родного края
Люблю по-детски, всей душой!*

Понятно, что мальчик, создавший такую «вещь», был просто обречён на вечную творческую муку.

Окончив школу, Мартин работал в колхозе, потом служил в Советской Армии – в артиллерийских войсках. Служба давалась ему легко. Смелый парень быстрее многих освоил секреты баллистики, первым в части из числа ребят своего призыва сдал технический экзамен. Ему присвоили звание старшего сержанта, поручили командовать орудийным расчётом, а за четыре месяца перед увольнением в запас предложили поступить в артиллерийское училище. Но Мартин военную карьеру отверг. Душа и гордость самостоятельности артополка – он выбрал стезю культурника. И никогда о том не жалел.

После армии Николай Мартин окончил в Москве четырёхгодичные курсы режиссёров. Но, получив престижный диплом, он даже не пытался «работать по нёму» в каком-нибудь городе. Мартин заведовал домами культуры в Тогучинском районе Новосибирской области, и на севере Красноярского края – в Эвенкии. А руководителем он был некабинетным. Занимался с артистами народного театра... Вёл репетиции клубных ансамблей... Пел, танцевал, играл на баяне. И – писал стихи, посвящённые людям села и красотам природы.

Нет сомнений, что Мартин – с его деловитостью и талантами – в стенах клубов надолго бы не задержался. Кем-кем, а заведующим районным отделом культуры он стал бы непременно. А там, глядишь, и на другие ступени служебной лестницы поднялся бы. Но!.. Всё в одночасье перечеркнул нелепый, трагический случай. Мартин попал под поезд и лишился обеих ног... Что он испытал, о чём передумал за месяцы, проведённые в клинике – одному Богу известно. Говорить о том периоде Мартин не любил. Обмолвился как-то, что вышел из больницы другим человеком, потянулся к сигарете и – сменил тему разговора.

По выходу из клиники Мартин в условиях сельского быта жить не мог. Такое положение дел и привело его, вместе с женой и дочерьми, в Киселёвск. Переехал он в этот город в первой половине 1970-х годов.

Киселёвский этап своей жизни Мартин начинал ох, как непросто. Душевный надлом, вызванный потерей ног, и трудное, почти болезненное привыкание к статусу горожанина, едва не убили в нём поэта. В 1974-76-м годах он не создал ни одного стихотворения. Да и потом, вплоть до 1980-х, писал их редко – по одному, два за год. К счастью, то был временный кризис. Николай Мартин показал и доказал, что он – человек сильный. Будучи оторванным от деревни, он по крупицам восстанавливал в памяти её картины; заботы; характер её жителей и природу, с которой они были на Вы. И стихи, что называется, «пошли». Год от года их писалось всё больше. И не было в них тоски-безнадёги, типичной для многих поэтов-инвалидов. Грусть – да, была, но из той категории, что назы-

вают светлой. Мартин оттаял! И лучшей иллюстрацией тому служило стихотворение «Весенние костры», опубликованное в 1983 году. В нём поэт не только поднялся на одну из вершин своего творчества, но и – что не менее важно – показал себя оптимистом-жизнелюбом:

Стоят денёк погожие,

Ручьи звенят.

На улочках ухоженных

Костры дымят.

Горит листва сопревшая,

Бурьян, полынь

И очень надовошшая

Седая стынь.

За синюю околицей

Поёт гармонь,

И все печали-горести

Летят в огонь!

Мартин, как поэт, выходил на высокие рубежи. В стихосложении он уже мало в чём уступал профессионалам. Что оставалось прежним, так это главная тема его творчества – СЕЛО, и всё, что с ним связано. Чисто физически привыкнув к городу, полюбив его людей, Мартин остался в душе своей сельским интеллигентом, для которого понятие малой Родины – то же самое, что для верующего – суть храма. И он был искренним, завершая одно из «деревенских» стихотворений, написанных через 10 лет после переезда в Киселёвск, в его район Красный Камень, такими словами:

Где вы, сани с подрезами,

Колокольчик заливной?

Хоть и мил мне Красный Камень,

Сердце просится домой.

О многом говорит и такое четверостишие:

Словами, взятыми из сердца,

Я воспевать не устаю

Шестки, ухваты, кадки в сенцах

И бытность сельскую свою.

Мартин жил в городе, но его сердце билось далеко от городской черты. И слова, взятые из этого сердца, не могли восславить ни шахту, ни фабрику, ни завод. Не могли хотя бы потому, что ни с шахтой, ни с фабрикой, ни с заводом поэт не был знаком даже зрительно. А писать он привык о том, что знал и любил, к чему тянулась душа, о чём не спалось по ночам. И нет в том беда, что за четверть века жизни в Киселёвске Мартин, по большому счёту, не посвятил ему ни одного стихотворения. Куда важнее другой факт: Николай Мартин входил в малое число киселёвских поэтов, известных далеко за пределами Киселёвска.

В начале 1980-х, когда Мартин только возвращался к творчеству, он избрал своей трибуной газету «Красное знамя» Промышленновского района. С ней он сотрудничал вплоть до кончины – полтора десятка лет, опубликовав на её страницах множество стихотворений. Возникает вопрос: «Почему «Красное знамя», а не киселёвская «В бой за уголь» – вплоть до начала 1990-х единственная газета в Киселёвске –

вернула читателю долго молчавшего поэта?». Ответ нужно искать в биографии Мартина. Точнее, в некоторых её фактах.

Промышленновский район граничит с Тогучинским районом Новосибирской области, где Мартин заведовал Домом культуры. И Мартин часто приезжал к соседям во главе самостоятельных коллективов. Он знал и Промышленновскую, и населённые пункты её района. Оба эти момента оказались для поэта, вынужденного «сочинять по памяти», очень важными. Так стали рождаться стихи, которые – в итоговой книге Мартина – составили цикл под названием «Песни из Промышленновских мест». По этим «песням» впору изучать географию района! Только реке Иня в цикле посвящено два стихотворения (а упоминается она в четырёх). Писал Мартин и о селе Ваганово... и о деревнях Титово, Лебеди, Тарасово, Каменка, Озерки... Писал со знанием истории тех мест, особенностей погоды и ландшафта. Где было опубликовать эти стихи, как не в «Красном знамени»? Так всё и началось. А далее...

Далее произошло невероятное. В Промышленновском районе сочли Мартина земляком. Более того: назвали его лучшим своим поэтом! Заблуждение рассеялось только в 1985-м, когда поэт-киселёвчанин – каких бы трудов ему это не стоило – приехал в Промышленновку, где выступил перед своими читателями. Побывал он и в художественном цехе ДОЗа, работникам которого посвятил стихотворение «Родные мотивы». Благодарные женщины сделали тогда Мартину подарок – деревянный, расписной сервиз «Калинка». В квартире поэта он стоял потом на лучшем месте, и хозяин, глядя на него, светлел и лицом, и (его признание) – мыслями.

Был у той поездки ещё один итог. Мартин ли это вдруг осознал, или промышленники его убедили – но он понял, что «деревенские стихи» могут прийти по душе и горожанам. Так началось его триумфальное шествие к сердцам киселёвских читателей. Благодаря публикациям в газете «В бой за уголь», а потом – в «Киселёвских вестях», Николай Мартин второй половины 1980-х и начала 1990-х был, вне сомнения, самым любимым в городе поэтом.

В феврале 1986-го стихотворения Мартина вышли в главной газете области – «Кузбассе». Рекомендовал их к печати кемеровский поэт Михаил Небогатов, сказавший – в коротком предисловии – немало добрых слов о нашем земляке. Через несколько лет, давая оценку творчеству Мартина в газете «Кузнецкий край», Небогатов упомянул о той публикации – вернее, о том, что за ней последовало: «...редкий случай – в редакцию стали поступать письма читателей с похвальными откликами и с просьбой напечатать новые стихи этого полюбившегося им, а дотоле неизвестного автора». Почему творчество Мартина вызвало такой резонанс?

Думаю, секрет читательской любви прост... Мартин, как человек, был искренним, непреднамеренным, и если что-то де-

лал — так от души, а не от желания нравиться или угождать. Эти качества «перекачали» в его поэзию. И достигался результат, для многих поэтов недостижимый: читатель верил всему, что «сообщал» ему автор. Больше того: суть стихотворений, написанных Мартином от первого лица, читатель целиком соотносил с биографией поэта, хотя он часто использовал поэтическое «Я» только в качестве литературного приёма. Но кто мог усомниться в личной причастности автора к сюжету, который «брал за душу» так, словно его переказал очевидец? Именно поэтому люди, не знакомые с жизнью Мартина, считали его — после прочтения стихов цикла «От-

Бога. С фотоаппаратом Мартин дружил с юных лет, хотя вряд ли когда предполагал, какую роль это увлечение сыграет в его жизни.

«Аборигены» Красного Камня помнят, как — с начала 1980-х и до середины 1990-х — на базарчик у 45-го магазина выходил мужчина с «Зенитом» и на костылях. Он предлагал желающим сфотографироваться, и расценки, названные им, потенциальных клиентов изумляли. Снимок, заказанный у этого чудака, обходился в два-три раза дешевле такой же услуги фотоателье. И клиенты шли к нему толпами! Были среди них солдаты-стройбатовцы, вьетнамцы-контрактники, школьники, студенты, пенсионеры, инвалиды, жители общежитий...

Тем чудаком был, разумеется, Мартин. И «чудил» он не от хорошей жизни. Пенсии по инвалидности едва хватало на еду и квартирную плату, а он хотел большего — помогать младшей дочери Марине, сначала — школьнице, а потом — студентке. Но этим его потребность в «фотокалыме» не исчерпывалась. В конце 1980-х Мартин задумался над перспективой выхода своего первого сборника. «Горбачёвский» закон той поры уже разрешал издание литературных трудов за счёт авторов, и Мартин, зная об этом, стал копить деньги «на книгу». Дольше простаивал на базарчике... Более экономно вёл домашнее хозяйство... И своего достиг!

В декабре 1991-го областное издательство «Притомское» отпечатало первые экземпляры книги Мартина «Сельская глубинка». Виталий Коржев, написавший предисловие к ней, среди её достоинств на одно из первых мест поставил такое: «Всё, о чём пишет автор, не высосано из пальца. Это — жизнь, это — трудные радости и горькие беды нашей сельской глубинки...».

В 1992-м преподаватель Красноярского института культуры Юрий Варыгин, прочитав эту книгу, внёс её изучение в программу для студентов своего факультета. Творчество Мартина, в котором органично сочетались классическая традиция и мировоззрение сельского интеллигента, он счёл за одну из вершин современной самодельной поэзии.

Выход первой книги означал для Мартина очень многое. Он как-то более спокойно взглянул на то, что уже сделано, и — подобно хорошему стратегу — наметил планы на будущее. В 1993-м году в издательстве «Притомское» увидело свет второе издание «Сельской глубинки». Его, помимо автора, финансировал товарищ Мартин — киселёвский поэт Владимир Кондрашов (передавший издателю часть денег от продажи своего сборника). Но в это издание не вошли (за редким исключением) стихотворения последних лет. Мартин расширил его объём за счёт вещей, по тем или иным причинам не вошедших в первую кни-

гу. Какой-то резон в этом, конечно, был, но читателю хотелось новизны — в том плане, что он ждал от поэта новых открытий, новых образов, новых чувств. И всё это он получил в 1995-м — когда вышла третья книга цикла «Сельская глубинка».

Мартин предстал в ней поэтом-гражданином, поэтом-философом. Всегда тяготевший к гражданской лирике — теперь он достиг в этом жанре небывалых для себя высот. Никогда прежде он не писал ничего, подобного стихотворению «Колокола России» (1994 г.), с его скорбяще-обличающей концовкой:

*О! Горемычная Россия!
Ведь это крик души твоей:
Чем громче звон в просторе синем,
Тем больше нищих у церквей!..*

Безжалостно-ироничное стихотворение того же года «Шествуют реформы по Отчизне...» — рифмованный плевок в лицо антинародного режима. Горечью, но в то же время и самодостоинством, веет от «Элегии», датированной 1995 годом. От лица инвалидов Мартин сказал в ней:

*Нас отвергают за убожество.
Но господам пора учесть,
Что мы нормальные, как множество:
Имеем разум, совесть, честь...*

В 1993-м году Николай Мартин — в сопровождении Владимира Кондрашова — побывал в Промышленновском районе. Встретили его с радостью — как гостя, которого долго ждали. Специально к приезду киселёвчан собрались члены литературного клуба «Эхо», которые, за чашкой чая, несколько часов провели в общении с поэтом. Мартин читал стихи цикла «Песни из Промышленновских мест», рассказывал о себе, дарил свои книги. Художники ДЮЗа, приглашённые на встречу, презентовали Мартину расписные изделия, а талантливый уонец Анатолий Водопьянов преподнёс ему деревянную скульптуру. Она изображала Мартина, сидящего на пеньке и сочиняющего стихи...

А через год поэт гостил на малой Родине. В Болотнинский район Новосибирской области он приехал с Кондрашовым и работниками шахты «Киселёвская» Виктором и Александром Георгиевыми. В центральной библиотеке района Мартин общался с людьми, памятными для него с детской поры — со своим учителем Надеждой Васильевной Голевой и с библиотекарем Анной Александровной Мальцевой, которая жила когда-то у родителей Мартина. Однако, главное — ради чего он, собственно, и отправился на дальний путь — было впереди. Поэт приехал в село Кунчурук, где после многих лет разлуки встретился с сестрой, друзьями юности, а также соседями по Горбуновке, давно сгинувшей под натиском леспромхоза. Мартин посвятил той поездке несколько стихотворений. И порой был в них к себе до слёз беспощадным:

*Я кунчурукский по природе,
Но здесь давно уже «не свой».
Не городской, не сельский вроде,
Сию с раздвоенной душой,*

*Одетый в свитер закордонный,
Хоть к моде я совсем не рьян —
Как жалкий грешник непрощённый
Среди своих односельчан...*

Но не только чувство вины перед малой Родиной двигало тогда его пером. По впечатлениям от посещения родных мест были созданы и такие нежные, чистые, трепетные строки:

*В поскотину, где дятлов перестук,
Малиновки малиновое пенье —
На зорьке убреду за Кунчурук,
Чтоб сочинить ещё стихотворенье.*

*Уйду в луга, аукну в синеву.
Она в травинке каждой отзовется...
А мир вокруг — как сказка наяву,
Которая родной землёй зовётся.*

Почти сразу после выхода третьей книги Мартин стал готовить рукописный вари-

ант четвёртого издания «Сельской глубинки». К зиме 1996-го рукопись обрела законченный вид. В неё поэт включил 115 стихотворений, 25 из которых в предыдущих сборниках не издавались (в большинстве своём, они были написаны в 1995-м и 1996-м годах). Кроме того, в рукопись — отдельным разделом — вошли 10 избранных статей, рецензий, заметок о жизни и творчестве Мартина, опубликованных в разных газетах. Будущую книгу автор видел итоговой, о чём ясно сказал в миниатюре, датированной 1996 годом:

*Свернула земная тропа на закат.
Решился итоги подбить в шестьдесят.
Порядочно нажил добра и грехов —
И вышла ЧЕТВЁРТАЯ книжка стихов.*

А в своём предисловии «К читателям» он выразил ту же мысль более конкретно: «Этот сборник является последним из цикла «Сельская глубинка».

Что тут сказать?..

Зная характер и жизнелюбие Мартина, я не думаю, что в этих его словах есть предчувствие близкой смерти. Говоря о завершении эпопеи с «Глубинкой», поэт имел в виду, скорее всего, другое. А именно: что после четвёртой книги начнётся работа над сборником, в который войдут лишь новые стихи. То есть, Мартин собирался подводить не окончательные, а — промежуточные итоги, чтобы потом идти вперёд без оглядки назад. Об этом, кстати, Мартин косвенно и сказал в предисловии. Заметьте! Он сделал акцент не на том, что четвёртая книга будет вообще последней. Он указал на то, что она будет последней в цикле «Сельская глубинка». И — только!

Но всё вышло как нельзя хуже. В декабре 1996-го Николай Александрович Мартин умер. И промежуточные итоги, которые он подбил в своей последней рукописи, стали окончательными.

Как часто бывает с рукописями ушедших в мир иной писателей — они, в лучшем случае, оседают в запасниках краеведческого музея, в каком-нибудь архиве или в библиотеке. А в худшем — бесследно пропадают. Но в ситуации с Мартином всё сложилось иначе. Главную книгу поэта, спустя десять лет после его кончины, привела к читателю его младшая дочь Марина. Издательский расход она взяла на себя, и летом 2006-го итоговый вариант «Сельской глубинки» — тиражом в тысячу экземпляров — покинул цех Киселёвской типографии. Выход книги Марина посвятила предстоявшему 70-летию отца и отмечавшемуся тогда такому же юбилею Киселёвска.

...Можно долго и много рассуждать о заслугах Мартина перед его второй родиной, которая зовётся Киселёвском. Можно вспомнить десятки районных, городских, областных газет, в которых он публиковался. Можно перечислить статьи о нём, которых в Кузбассе и за его пределами вышло более полусотни.

Можно заняться подсчётом песен, созданных на стихи Мартина (а их немало). Об этом поэте можно говорить, говорить и говорить...

Но любой разговор надо завершать. И я делаю это стихотворением Николая Мартина — простым по сути, но ёмким по содержанию. Пусть каждый воспримет его на свой счёт, в качестве пожелания от великого жизнелюба и хорошего Человека:

*Упала с неба над селеньем
Во мглу далёкая звезда.
Горела, падая, мгновенье
И растворилась без следа.*

*И жизнь таким же метеором,
Но, к сожаленью, не на бал,
Летит до станции, которой
Одно название — «Финал».*

*Но прежде, чем уйти навечно,
Звездой упавшею сгореть —
Ещё до станции конечной
Должны мы многое успеть!*

Сергей ГРУЩАНСКИЙ

блески фронтовых пожаров» — солдатом Великой Отечественной. Хотя «солдату» было в 45-м всего... восемь лет, и его восприятие войны сводилось к фактам, которые — спустя десятилетия — Мартин отразил в таком четверостишии:

*Я знаю фронт не по боям,
Не по разрывам и воронкам.
Я знаю фронт по костылям
И по солдатским похоронкам...*

Коля Мартин жил среди тех, кто сполна хлебнул военного лиха. Он слушал рассказы фронтовиков, пел с ними их песни, видел на них рубцы от жутких ран... Он пропускал через себя их боль от поражений, светился радостью от их Победы. А много лет спустя перенёс эти впечатления в рифмованные строки. И ни «до» Мартина, ни после него Киселёвск не имел поэта, который бы так глубоко работал над темой Великой Отечественной войны. И которого (пусть не по судьбе, а по стихам) считали бы поэтом-фронтовиком.

Отмечая красочность языка и зримость, почти осязаемость образов, которые Мартин вводил в стихотворения — многие сравнивали его с фотомастером. И были вдвойне правы. Потому что поэт, во-первых, действительно мог в двух-трёх словах «остановить мгновенье», что лучше всего удавалось ему в описаниях природы. А во-вторых, он и вне поэзии был фотографом от

Николай МАРТИН Вот опять свершилось чудо

...Гляжу – не в силах наглядеться
На этот дивный сельский край,
И слышу, как босое детство
Кричит мне: «Здравствуй, Николай!»

Тишина

Луч последний упал
на раскрытые ставни.
Потекла по лощинкам
тумана волна.
Засветились созвездий
алмазные камни,
И деревню мою обняла тишина.

Ветерок пробежал
по песчаному плёсу,
Перемолвился тихо
с густым камышом.
А луна – как крестьянка
в исходе покоса –
Освежается в речке одна, голышом.

Коростель проскрипел
в колосистой пшенице
И умолк, не нарушив глубокого сна.
Пряно пахнут стога
луговой медуницей,
А над ними недвижно висит тишина.

Тишина, тишина...
Как не хочется верить,
Что её в этот час где-то
выстрелы рвут,
Смерть слепая врывается
в окна и двери,
А убийцам за это награды дают!..

Спит деревня моя,
как малютка в пелёнках,
А за ней начеку –
вся большая страна.
Доброй ночи тебе,
дорогая сторонка!
Пусть всегда окружает
тебя тишина!

Конечно, жизнь – куда ни кинь –
Не красно яблочко на блюде...
Но я не раб, я – властелин
Судьбы своей сидячих буден.

Мне так претит нитьё калек,
Которым лень найти заделё! И потому я – человек,
Что не страдаю от безделья.

Впустую ночка проплыла...
Ни строчки в рифму до рассвета!
Крылатый мерин шастал где-то,
И муза там же пробыла.

Село Ваганово

По тракту нашего района
Шагаю бодро, широко.
Разноголосица перрона
Осталась где-то далеко.

Большая кончилась равнина,
Другой красуется пейзаж:
Над степью древний, как былина,
Поднялся Салаирский кряж.

А у подножья на угоре
Село Ваганово стоит.
Кругом пшеница зреет в поле,
И бор приветливо шумит.

Через село, звеня как гусли,
Стремясь на северо-восток –
Бежит речушка в узком русле
С простым названием Исток.

У речки древняя хибарка
Живёт годам наперекор.

В окне герань пылает ярко...
И кот уселся на забор...

Стареть хибарке не годится,
Хотя порядочно сдала.
Она – истории страница,
Она – и летопись села.

Под шелест трав и шум таёжный
Живут в любви уж третий век,
Крепки взаимностью надёжной –
Село, земля и человек.

Дремлют росы на дальней опушке,
Месяц звёзды пасёт в высоте,
Но не спится сегодня кукушке,
Легкомысленной мать-сироте.

Ведь в ногах шелковистой берёзки,
Где струится весёлый ручей,
Зацветают кукушкины слёзки,
Как глаза позабытых детей.

Лесник

Разгулялась сибирская осень.
В чаще леса – хмельной аромат.
И грибы между елей и сосен
Разбежались, как стайка ребят.

На болоте взгрустнула осака,
Приумолк говорливый ручей.
Только дятел стучит одиноко,
Провожая в отлёт журавлей...

По тропе, проторённой годами,
Наш на слово нещедрый лесник
Каждый день, с рюкзаком
за плечами,
Обходить свой участок привык.

Он хозяйство давно охраняет,
Всё заметит, исправит, учтёт.
Его шустрая белка встречает –
Из ладони орехи берёт.

В осеннем лесу

Опять под елью вековой,
В толпе смолистых крепких сосен,
Среди кустов, травы седой
В лесу хозяйничает осень

Я по лесу, замедлив шаг,
Бреду с берестяной корзиной,
И листья плавно на пиджак
Слетают с веточек рябины.

Природы щедрые дары
Беру – корзина тяжелеет:
Вот ягоды, а вот – грибы,
Подарков осень не жалеет.

Берёзки в золоте горят,
Озарены прохладным светом.
А журавли трубят, трубят,
Прощаясь с Родиной и летом!..

С осокой шепчется камыш.
Рассвет на цыпочках под ёлки
Крадётся...Вдруг лесную тишь
Разрезал выстрел из двухстволки.

Стрелок помедлил у ручья,
В машину сел, нажал педали.
Довольный кучностью ружья –
Умчался вдаль по магистрали.

Ничто его не омрачит
На поворотах неизбитых.
...А утка плакала навзрыд
Среди птенцов своих убитых.

Дочери

Догорел закат за реченькой,
Потянуло холодком.

И луна в объятьях вечера
Показалась над селом.

С бережка гармонь аукнула
Переборами басов.
А у дочки сердце стукнуло...
Скрип калитки. Звон шагов.

Сели рядом, словно лебеди,
На заветную корму...
Я и волны в том свидетели,
Но не скажем никому.

Мне видать в окошко сонное,
Как он смотрит на неё...
Ну и пусть! Ведь дочь влюблённая –
Продолжение моё.

Осенний сюжет

От зябкой стыни родничок
Под наледь спрятался из виду.
Над ним, как выпивший дьячок,
Гнусавет ветер панихиду.

Колокола России

Небесным ангелам подобно
Взметнулись в небо купола...
Звонят то радостно, то скорбно
В России вновь колокола.

А это значит – не померкли
Любовь и Вера во Христа.
И воздвигают люди церкви,
Справляют праздник Рождества.

И перезвоны колоколен
Опять разносятся окрест.
Перед страдой крестьянка в поле
Целует свой нательный крест.

По-русски двери всем открыты
И, вроде, нет врагов вокруг.
Обряды предков не забыты...
Но захолонит сердце вдруг!

О! Горемычная Россия!
Ведь это крик души твоей:
Чем громче звон в просторе синем,
Тем больше нищих у церквей!..

Видение

Полощет ветер алую зарю,
Она как знамя поднятое вьётся.
А я смотрю, и тихо говорю:
- В Россию дело Ленина вернётся.

К восходу терпели затылки,
Но сон не пожаловал к нам.
...Дружок был прикован к бутылке,
А я – прикандален к стихам.

Весенний этюд

Хлёсткий ливень полощет кусты,
Гром грохочет над Обью-рекою...
Застеснялась сирень наготы,
И накрылась зелёной листвою.

Муки творчества
Заготовлю валежник посуше
На исходе погасшего дня,
Обогрею прозябшую душу
Под весёлую пляску огня.

Дым колечками вьётся, крылатый,
Улетая в бездонную мглу.
В речку смотрится месяц щербатый,
Освещая стога на лугу.

Фантазирую – спорю с собою.
Слово в строчку ложится с трудом:
О коровушках на водопое...
О пшенице в полях за селом...
Мне и надо-то самую малость:
Чтобы искорки в сердце зажглись;

Чтоб в единую светлую радость
Мысль и чувства согласно слились.

...Закричала, захлопала птица
На ветвях полусонной ольхи...

Отчего мне сегодня не спится –
Непослушные скажут стихи.

Вопреки тебе, скажу иначе:
- Я подобных выводов, Сергей,
Не приемлю, потому что плачу
О прошедшей юности моей...

Первый снег

Вот опять свершилось чудо!
В серебре сады, дома.
Смех ребячий отовсюду,
А вокруг лежит зима.

Молодею сразу сердцем.
К чёрту старость! И скорей
Запрягаю, словно в детстве,
Застоялых лошадей.

И качу в одной рубашке
В окруженьи белых мух.
Рвутся кони из упряжки,
А захватывает дух!

Брошенный край

мой родной Горбуновке
и всем покинутым деревням
России
с болью посвящается...

На поляне польничной
Лопухи с лебедой.
И мелеет под тиною
Голубой водопой.

Лижет ветер заслонку
Да загнивший заплот.
Где стояли хатёнки –
Там татарник цветёт.

На погосте могилы
Не найти ни одной...
Их дождями размыло
И сравняло с землёй.

Ни креста, ни оградки
(Аж по телу мороз!) –
Здесь недавно посадку
Произвёл леспромхоз.

Глядя в небо сквозь ветки,
Словно иннок молюсь
Над могилами предков
За страдальцу Русь.

Боль ударила в сердце,
Хоть возьми, зарыдай!..
Не забуду до смерти
Этот брошенный край.

...Кидая нашё захоlustьё...
А. Твардовский

В далёкой юности без грусти
Я, начинающий поэт,
Сменил родное захоlustьё
На неизвестный белый свет.

В дальнейшем жизнь мела порошей...
Я не достиг, о чём мечтал:
Не сочинил стихов хороших
И знаменитостью не стал.

А только мыслил не без грусти,
Чтоб довелось в конце пути
В своё родное захоlustьё
Хоть на коленях приползти.
г. Киселевск.

В краю родном

Умчался поезд в сторону заката,
Над станцией Болотной тишина.
Стою один я, в чём-то виноватый
Перед тобой, родная сторона.

Аж сердце замирает тут, на воле:
Родимые просторы хороши!
За перелеском – вспаханное поле,
И в заводях – густые камыши.

Как прежде, у подножья обелиска
Скорбят живые, нежные цветы.
Я голову склоняю низко-низко,
Кладу букет на краешек плиты;

Гляжу вокруг внимательней
и строже,
И в сердце гордость
бережно коллю
За край родной, что
с каждым днём дороже,
Который я по-прежнему люблю.

Через покосы, по ложбинкам
Домой шагаю напрямком.
С пригорка сельская глубинка
Мне машет клеверным платком.

Обитель дедовских традиций,
Не раз воспетая в стихах,
России-матушки крупица
Лежит, как скатерть в петухах.

Вокруг неё на все четыре –
Приволье! – Слов не нахожу!
И, словно на слона в Сибири,
На белого коня гляжу.

Пасётся он в росе хрустальной
На весь колхоз, как перст, один.
Упитан, строен, но – печальный
Среди комбайнов и машин.

Грустит, что вытеснен до срока –
Помощник первый на селе.
Не жмёт хомут груди широкой...
И верхового нет в седле...

Мне сразу вспомнилось, седому,
Ночное – жаркий костерок,
Табун по лугу заливному,
А с ним и автор этих строк.

Литературные встречи

В Новокузнецке, на базе Центральной городской библиотеки им. Гоголя, состоялся поэтический фестиваль, в работе которого приняли участие представители литературных клубов, объединений и частные лица: представители городов и населённых пунктов юга Кузбасса.

На фестивале поэты читали свои стихи, перерывы заполнялись музыкальными паузами. Музыкальные номера

исполняли представители «СибГИУ» (Новокузнецк) и литклуба «Апрель» (Прокопьевск).

Открыл фестиваль междуреченцы: Валерий Берсенёв, руководитель клуба «Полифон», Зинаида Дубодёл, Николай Панченко, Леонид Костылёв, Олег Филатов. От клуба «Литератор» - Людмила Сагайда и Евгений Боровков.

От междуреченцев эстафету приняли представители прокопьевских клу-

бов «Маяк», «Вдохновение» и «Апрель»: Евгений Ионов, Татьяна Гарбузова, Людмила Лукьянова, Нелли Смирнова, Александр Тулупцев, Любовь Руденко - руководитель клуба «Вдохновение», Пётр Синицин, Анастасия Куприк - руководитель клуба «Апрель», Ольга Конончук, Инна Ярославская и Яна Блынская. Прокопчан сменили представители литклуба «Кедр» из Осинников: Валентина Алексеева и Евгения Шаева. Город Мыски представляли Елена Воробьёва и Светлана Быданова. Новокузнецк официально был представлен четырьмя литературными клубами: любителей фантастики «Контакт» - Константином Чёлкиным и Ольгой Гутаренко; «Запасной выход» - Ольгой Брыковой, Даниилом Поссаженниковым, Ольгой Панченко и Ольгой Комаровой; «РОСТ» - Дмитрием Суйканен; «Гармония слова» - Людмилой Ивановой. Киселёвск представил руководитель городского литобъединения Николай Подсевалов.

Затем выступали поэты официально не представлявшие какие-либо литобъединения. От Новокузнецка - Руслан Сидоров, Влад Зыбин, Ольга Басова, Александр Томский, Виктория Трегубова, Елена Острых и другие. От Прокопьевска - Иван Кондратьев... Всего на фестивале выступили более пятидесяти человек. Первое место, представителем жюри, было присуждено

Руслану Сидорову (Новокузнецк, литературный клуб - «Дилижанс»), стихи: «Апрель» и «Письмо с войны»; второе - Ольге Конончук (Прокопьевск, литературный клуб - «Апрель»), стихи: «Короткий век», «Снегурочка»; третье - Дмитрию Сауйканен (Новокузнецк, литературный клуб - «РОСТ»), стихи: «Весна», «Скорбь» и «Звёзды погон».

В селе Лучшево, Прокопьевского района, в гостях у Николая Скударнова (новокузнецкого поэта, уроженца города Прокопьевска) побывали представители прокопьевских литературных клубов - «МАЯК», «ВДОХНОВЕНИЕ» и новокузнецкого литературного клуба - «ГАРМОНИЯ СЛОВА» (членом которого является Николай Скударнов): Галина Бабушкина - руководитель клуба «Маяк», Людмила Лукьянова, Виктор Савинков, Николай Клочков, Иван Горбаченко, Людмила Занина, Пётр Синицин, Альвина Симонова, Наталья Миллер, Вера Баженова, Елена Арбатская - музыкант и исполнитель песен, Николай Подсевалов - киселёвский поэт, Людмила Лукьянцева - руководитель новокузнецкого литературного клуба «Гармония слова», Николай Нагорнов, Наталья Палаткина, Татьяна Цыганкова и другие...

На встрече поэты, в неограниченном количестве, читали свои стихи и, под аккомпанемент: Николая Нагорного, Елены Арбатской и Николая Клочкова, пели песни как на слова и музыку аккомпанирующих, так и на слова стихотворений: Виктора Савинкова, Натальи Миллер, Нины Бобрышевой (прокопьевских поэтов), Ирины Малковой.

Людмила ЛУКЪЯНЦЕВА

Людмила Лукьянцева родилась в городе Новокузнецке, в семье первостроителей КМК. После школы окончила педучилище № 1, НГПИ - факультет русского языка и литературы. В сфере просвещения проработала 37 лет, от рядового учителя до директора средней школы № 94, почётный работник общего образования РФ, ветеран труда. Литературным творчеством (поэзией) занимается на протяжении всей своей сознательной жизни, руководит литературной студией «Гармония слова». Публиковалась во многих коллективных поэтических сборниках, в 2009 году выпустила собственную книгу стихов.

Возроди любовь

Опустилась в душу тишина,
И на сердце тихо - полный штиль.
Видно, в жизни пауза нужна,
Чтобы накопить душевных сил.
И продолжить мой вселенский путь,
Усыпляя радостью тревоги.
Познавать судьбы и жизни суть,
Отдыхая на чужом пороге.
А в конце нелёгкого пути,
Поклониться низко, в пояс, Богу.
Чтоб помог свою стезю найти,
Указал перстом к нему дорогу.

За минуту счастья, за улыбку
Заложу всё золото на свете.
У цыган куплю лихую скрипку,
И она струной тебе ответит.
Защемит слезой, не умолкая,
Встрепенётся сердце у тебя.
Музыка цыганская, шальная,
Разожжёт в груди костёр огня.
Вербой зацветёт любовь святая,
Запоёт, как птица, на заре.
Ты меня полюбишь, точно знаю,
Я ведь Ева, я в твоём ребре.

Где-то разбивались самолёты,
Где-то погибали корабли.
Журавли курлычат нам в полёте:
- Нет в святых местах чужой земли.
Нет в святых местах чужой заботы,
О героях мы заботиться должны.
Полегли в боях мальчишек роты,
Защищая пядь родной земли.
Нет, друзья, чужой пролитой крови

- На святых полях своей страны.
Нет чужой, нам не понятной, боли,
Состраданием все сердца полны.
Помните вы о погибших где-то,
Приносите им гвоздики в память.
Подарите им искринки света,
И у вас в душе светлее станет...

Затронутый дыханием весны,
Снег на ветвях слезой закапал.
И, обжав ручьём вокруг сосны,
Стал символом - весенним знаком.
Сосна, увидев чудо из чудес,
Глаза от радости раскрыла.
И, вытянув верхушку до небес,
Весну - красну благодарила.
Лучи - мальчишки, чудо - сорванцы,
Играли на верхушке колкой,
И прилетевшие домой скворцы,
Дивились золотым иголкам.
А утром, под зелёною сосной,
Раскрылся лепесточек нежный.
Весна ей подарила знак второй -
Волшебный первоцвет - подснежник.

Я скину с сердца обручи оков,
И смою горечи печальный след.
И от молитв, от родниковых слов,
Растает и в душе холодный снег.
Печаль и стужу в сердце не впущу,
Страдала я от них немало лет.
О прошлом не скучаю, не грущу,
В конце тоннеля вижу белый свет.
Весна мне радость в душу принесёт,
Согреет сердце солнечным теплом.
Оно купавой вешней зацветёт.

И птица счастья возвратится в дом.

Тихонько речка сонная струится,
Журчание чарует, словно песня.
Костёр погас, едва-едва дымит.
И мы, обнявшись, засыпаем вместе.
Под пологом тепло и очень сухо,
Витают хвойный запах от сосны.
И ты во сне бормочешь мне под ухо,
И я давно смотрю цветные сны.
Вот так бы шла и шла с тобою вечность,
И пусть дорога каменистой будет.
Познали мы Любовь, её сердечность,
За счастье нас с тобою не осудят.

На личном фронте полное затишье,
Нет писем от тебя уже полгода.
Творю стихи, пишу четверостишья,
Всё про любовь, весну и про погоду.
А за окном студёный зимний ветер,
Заносит снегом тайные дорожки.
И я совсем одна на белом свете,
Живу, как все: надеждой, понемножку.
И жду, что постучит в окно синица,
Подарит радость - вести о тебе.
Я засияю, как перо жар-птицы.
Ты - главное, что есть в моей судьбе.

Твердите вы: «Совершенно важно,
Что ты один, она одна».
Осиротело сердце дважды,
Тропинка к дому не видна.
Вся поросла она травой -
Польною горькой, лебедой.
Идёте разною тропью,
И каждый со своей бедой.
И некому позвать вам руку,
Сказать заветные слова.
Лишь одиночество и скука,
Несёт осенняя листва.
Забыли времена другие,
Горела в вас Любви звезда.
Вы были от неё шальные,
Жаль, унесла Любовь вода.

Опять крутые виражи,
Как в вихре, закружило время.

Судьба, ты смилуйся, скажи: -
Доколь нести мне это бремя?
Дни одиночества мои,
Как ягоды рябины, горьки.
Душа тоску, печаль таит,
И ночи сумрачны и долги.
Опять крутые виражи,
И не попасть ногою в стремя.
Судьба, Любовь наворожи,
И пусть настанет её время.
Ты мне, судьба, билет пришли,
В страну Любви, где нет печали,
Чтоб счастье мы вдвоём нашли,
Когда друг друга повстречали.

Я иду по вселенской стезе,
Где-то, лучше, планеты иные...
Я земная, земная, как все,
Мои мысли и чувства земные.
Грусть и горе -
слеза на глазах,
А коль радость - глаза засияют.
В них порой отражается страх,
Когда дети гнездо покидают.
Я земная, земная, как все,
Мне не чужды все чувства земные.
Рада солнцу и рада весне,
И люблю я цветы полевые.
Мои мысли стремятся в эфир,
И я слышу их звон - позывные.
Я земная!

Люблю этот мир!
И рассветы люблю голубые!

Николай НАГОРНОВ

Весны бубенчики на солнечный денёк,
Синиц оттаявших волнуют переключки.
Любимой девушки заманчивы косички,
И холодок зимы в душе истёк.
И новую любовь рождает восход,
И сеялись надежды на закате.
Текла любовь и каждый её тротил,
На ту, кто вдохновение несёт!

Я оробел...сквозь уши - в душу,
Два скромных, но желанных слова,
Как молния, как страсть медовая,
Вдруг снизошла покой нарушив.
Сквозь шум в эфире чистым слогом,
Произнесённым осторожно,
Так бережно, как только можно, -
В нём прозвучало вдруг так много!
Ах, этот мир! Мне ставший милым,
Разоружил и сердце ранил
Стрелой амура, что доставил,
Два слова: «Николай! Любимый!».

Императрица

Играет чувствами душа.
Тобой лишь память освежится,
Вообразив императрицей,
Но до чего же хороша!
И пусть неведомая нить
Нам не позволит разлучиться,
Ты для меня - императрица,
Любви которой не испить.

Боже, глянь, красиво как:
Сад в цвету, трава зелена,
В танце - голубь, неумно,
Заклучил с голубкой брак!
Воробей - проворный вор,
Что-то спёр и юркнул в травку,
Пинчер, бегло, гулькам гавкнул,
Птиц нарушив тайный свор.
Взрывно стая вознеслась,
В крылья - хлопя, шумливо.
Пинчер смылся, будто сила -
В миг, над садом родилась.
Кружанув - крыло размяв,
Рухнув, стая растворилась,
Словно не было, приснилось,
Вновь места свои заняв.

А над ними пчёлок гул,
Разных бабочек порханье,
Их влечёт цветов дыханье,
В коем целый мир тонул!
Солнца мягкий, тёплый свет,
Яблонь цвет пахуч, прекрасен,
День пропитан, соткан, ясен!..
Кто сказал, что сказки нет?!

Мне сегодня хочется кричать,
И совсем не хочется мне жить -
Разлюбила и не удержать,
А ведь так хотел ещё любить...
Без неё в душе сплошная боль,
И в судьбе сплошная пустота.
А ещё вчера я был король,
И сияла красочно мечта!..
Багровел закат, сжигал любовь.
Сердце с болью поглощает крик.
Не боли душа, не многословь!
Этот шаг - для будущего миг!

Я корабликом плыву,
В океане сладких снов.
В неземной любви живу,
У далёких берегов!
Непреступный островок
Никого не подпускал...
Я к нему причалить смог,
И меня он привечал!
За туманом - плотным, скрыт.
Но ни облачка - над ним!
Целый мир стал мной забыт -
Этим небом я любим!

Наталья ПАЛАТКИНА

Во мне раскрывается женщина
Пылкая, страстная, нежная,
Хрупкая, чуткая, верная,
В сердце своём уверенная.
Гибкая, сильная, смелая,
Жизнью жестокой - проверенная,
Богатством не избалованная,
В мужчинах разочарованная.
Горечь утрат испытывая,
Новую жизнь творящая,
Радость, тепло дарящая,
Солнце в улыбке таящая.

Прозрение

Никто не видел, как страдала:
Закрылись очи, высохла слеза.
И сердце чуткое внимало,
О чём шептали небеса.
Молила у судьбы прощенья,
За то, что не могла понять

Великой истины Вселенной.
Любовь не может умирать!
Сенека, тысяча признаний,
Ты помогал мне много раз,
И в час мучительных терзаний,
Услышала твой мудрый глас:
«Не много надобно уметь -
Красиво, с горя умереть.
Но больше требует стремленье -
С колен подняться и прозреть».

Спасибо, светлый мой Учитель,
За то, что ты со мной всегда.
Я знаю - истину, Спаситель,
Любовь не гибнет, никогда!
Она повсюду: в людях, в птицах.
Она как солнце, небеса!
Она как космос, безгранична,
Творит по жизни чудеса!

Когда-нибудь и я устану,
От жизни и придёт конец.
Быть может, верить перестану,
В полёт души и искренность сердец.
Старуха - старость, с древней клюкою,
Закроет, вдруг, рукою небеса.
Нет, никогда не перестану -
Любить людей и верить в чудеса.
Я буду жизнь любить и свято верить,
Что звёзды зажигаются не зря.
Что люди в жизни всё преодолеют,
И в жизни будет новая заря!

Зимнее утро

Деревья укутаны инеем,
Спят в ожидании лета,
Снегом искристым - синим,
Зимнюю землю согрета.
Дремлет река большая,
Морозный дымок клубится,
Резные берега украшая.
Им лето, наверное, снится?
Хрусталь кружевами свисает,
На ветках, над речкой сонной.
Сосулек звон нежный тает,
Уносит в простор бездонный.

Рассвет

Воздух кристально чистый,
Над морем встаёт заря;
Гребни волны искристой,
В свете её горят.
Чайки над морем кружатся,
Берег обласкан волной.
Песчинки, как крем, ложатся,
Не нарушая покой.
Волно скользит за волною.
Скалистые берега,
Как стражи стоят, над водою,
Мудрость, храня - века.

В мире правит любовь

Я о жизни своей не жалею,
Всё, что было и будет, потом,
С тихой нежностью благоговейю -
Над открытым тетрадным листом.
Опишу своей жизни строки,
И наступит в душе покой,
Всё пройдёт...в свои нужные сроки,
Лишь любовь заберу с собой.
Не продам, не предам, не устану,
Пронесу через бури и гром,
Я гордиться тем чувством не стану.
Коли любим, то, значит - живём!
Говорят: нынче любят деньги,
Исковеркала души ложь.
Только это неправда, поверьте,
Всё зависит, чем в жизни живёшь!
Если свято верить Вселенной,
Не унять в душе нежную дрожь,
В мире правит - Любовь!
Не деньги. Я-то знаю, что это не ложь!

Море

Как - лотос, заря алеет,
У горизонта сливаясь.
Чайка над морем реет,
В полёте волны касаясь.
Я медленно - запылаю...в зори,
Две ладони, как золотые рыбки,
Принимают дары - от моря,
Белопенные древние свитки.
И, словно - огромная капля,
Сливаюсь с морской глубинойю.
Море тело моё ласкает,
И целует солёной волноюю.
Чайка любовь мне пророчит,
А сердце рассвет встречает.
Море, мне, нежно рокошет,
На синих волнах качает.

Судьба

Моя судьба, как парусник прекрасный,
Скользит по волнам жизни, чередой:
То полный штиль и солнечно, и ясно;
То шторм и, скалы - берег роковой.
То вихри...брызгами, зальют корму...слезами,
То бесконечно гладь, любви и красоты,
То ветер рвёт - играя парусами,
Моей, непредсказуемой - судьбы!

Татьяна ЦЫГАНКОВА

Вишенка

Сном глубоким усталость сброшу,
Утром ранним проснусь от зари.
Тишиной, наслаждаясь, услышу:
На ранетке трещат воробьи.
Влюблена я в рассветы дочные,
В чистый берег прозрачной реки.
Рыбы игры заводят здесь брачные,
И несутся с горы ручейки.
Туманом накроются травы,
И роса пробежит, как слеза,
Не ищу восхищения управы,
Даже если и грянет гроза.
В ожидании дня всё проснётся,
До полудня сбегает покой.
И цветами округа зальётся,
Я тоскую по жизни такой!
Нет желания жить, прозябая,
Тратить время на все пустяки.
Я возьму и судьбу поломаю -
На куски, на куски, на куски...
Пусть простят меня годы беспечности,

В бесконечность их время отдам,
Не хочу потакать я и в вечности -
Пустякам, пустякам, пустякам...
Есть стремление след свой оставить,
И творить, и любить, и дерзать.
Я сегодня, друзья, не желаю -
Прозябать, прозябать, прозябать...
Жизнь достойно прожить я старалась,
Но безжалостны были года.
Юность - песня, со мной распрощалась -
Навсегда, навсегда, навсегда...
Всей душою стремилась на волю,
Правду жизни понять я смогла.
И свою материнскую долю -
Приняла, приняла, приняла...

Как мечтал ты, цыганку хрупкую,
На рассвете - назвать своей.
А она лишь взмахнула юбкою: -
Ты мечту, мой дружок, развеи.
Рождена была вольною птицей,
И не будет Любовь ничьей.
Позабудь красоту ресниц ты,
Запах тела степного не пей.
Не останусь ни с ним, ни с тобою.
Знай, свобода цыганке милей.
И сроднился с кровавой травой
Страстный образ желанной твоей.

В день воскресный, в день Прощения,
Я со Всевышним созвонюсь,
И коленопреклоненной,
Пред иконой помолюсь.
Нет! Не буду биться лобно.
Нет! Не буду рвать власа.
Пусть простит Он, если можно,
Мне, земные «чудеса».
Я дышу сегодня миром,
И земною красотой.
 Попрошу защиты тыла,
Жизнь, не кажется, простой.
И, укрывшись за порогом,
Каюсь грешною душой.
И беседую я с Богом,
Наслаждаюсь высотой.

Не могу, не хочу и не буду -
В сказку жизнь свою превращать.
Я могу, я хочу, я буду -
«Вал» - реальности, поглощать.
В небе птицы затеяли игры,
Конь копытом сбивает рожь.
В Уссурийской тайге бродят тигры,
И от их красы - в сердце дрожь.
Дитя малое плачет в кровати,
Кутерьма всех заела до слёз.
Постоянно живя с нею в схватке,
Я дышу настоящим всерьёз.
Не могу, не хочу и не буду,
В сказку жизнь и судьбу превращать.
Не могу, не хочу и не буду -
Прутья - в «клетке золотой», считать.

В ночи - по белому листу,
Стиха узоры вышиваю.
Наедине - свою мечту,
Вслух - для тебя, родной, читаю.
Пытаюсь суть судьбы понять,
Несу достойно своё бремя.
Вчера, мне было двадцать пять.
Увы! Я не ценила время...
Вчера, мне было двадцать пять -
Воспоминанья - вечер студит.
Не повернётся время вспять,
Глядишь - сегодня, тридцать будет...

Нельзя ругать - за мысли, вслух,
Они написаны душою.
Живёт во мне поэта дух,
Не совладать теперь с собою.
Под ритм шагов рифмую строчку,
Она бежит и днём и ночью.
И не пойму, где ставить точку,
Чтоб мысль была весёлой точной.
Под звук капли льётся стих,
В словах все краски оживают.
Природа в них добавит штрих,
И в сердце скрипки заиграют.

Встреча состоялась в селе Лучшево.

Елена ТАХ

В гостях у Хирона

Глава из повести «Петля во времени»

Лодка плыла через залив на восток к обиталищу легендарного кентавра. Время близилось к полуденной черте. С высоты нещадно палило зноем. Слабое волнение, от движения лодки, поколебало зеркальную поверхность воды, и сверкающие блики закачались, отражаясь в волнах.

- Макс, - зашептала Аня, беря за локоть друга, - для меня все это, как сон. Ты только представь, что скоро мы увидим настоящего живого кентавра. Просто фантастика! Историки его относят к мифическим персонажам, неужели он не вымысел?

- Я так же поражен, Энни, - и обняв ее за плечи, прижал к себе. Девушка взволнованно огляделась, не наблюдает ли кто за ними?

Днище прощуршало о песок, и нос лодки вынесло на сушу. Несколько воинов спрыгнули в воду через борт, и сильные руки легко вытащили лодку на берег.

Метрах в ста от воды начинались заросли миндаля, кустов орешника, мирта и лавра. Ароматные виды флоры в изобилии росли на холмах по всему побережью. Не напрасно же, на протяжении всех времен, исследователи называли данную местность холмистая Фтия.

Гребцы, выбравшись на берег, расположились в роще, укрывшись от полуденных палящих лучей. А наши друзья, по едва заметной тропинке, углубились в густые заросли. Тропа пролегла в густой высокой траве, и несведущий человек мог ее просто не заметить. Путники шли осторожно след в след. Но вот Ахилл свернул с тропы и раздвинул густые ветви орешника. Друзья шагнули и замерли. Их взглядам открылся высокий и широкий вход, ведущий прямо внутрь холма.

- Хирон! - громко крикнул Ахилл.
Все замерли в ожидании. Из глубины пещеры донесся приглушенный цокот лошадиных копыт. Неужели? Аня и Макс затаили дыхание.

Плети лиан, плюща, что как шторы свисали над входом в грот, шелхнулись, и появилось фантастическое существо, виденное нашими современниками только на картинах или в мультфильмах. Аня с Максом застыли, приоткрыв рты...

На лошадином туловище, выше передних ног, грудь животного плавно переходила в человеческий торс. Торс, хорошо развитого мускулистого мужчины с крепкими сильными руками. На мощной шее возвышалась гордо посаженная голова. Он выглядел примерно на сорок пять - пятьдесят лет. Черные волосы и бороду слегка припорошило сединой. Из-под густых прямых бровей на людей смотрели темно-карие умные глаза.

- Хирон! - Ахилл крепко обнял, склонившегося к нему и вставшего на одно колено, кентавра.

- Давно ты меня не навещал, мальчик мой, - густым, бархатным баритоном произнес Хирон, отстраняясь и с нежностью отца глядя на Ахилла. - Какие дела привели тебя ко мне?

- Мне нужна твоя помощь, Хирон. А точнее, мои друзья нуждаются в ней.

Кентавр пристально посмотрел на новых гостей и, закрыв глаза, некоторое время молчал, уйдя в себя. Снова посмотрел на них с некоторой озадаченностью.

- Я не вижу вас здесь. Странно, вас как бы не существует.

- Здесь нет ничего странного, Хирон, - начал Ахилл, но тот его остановил.

- Ничего не говори, подожди. Я сам попробую во всем разобраться. Располагайтесь здесь, а я пойду, посмотрю в вечность.

- В вечность? - удивилась Аня. - Как странно. Обычно все экстрасенсы смотрят в кристалл или магический шар.

- Я не экстрасенс и не маг, - посмотрев на Аню, как строгий учитель, ответил кентавр и повернулся к Ахиллесу, - прими и угости друзей.

Путники расположились в тени на мягкой зеленой траве. Распаковали приготовленную корзину с едой, Ахилл принес блюдо с фруктами и все с аппетитом пообедали.

- Макс, - тихо обратилась Аня к другу, - а что, если Хирон не сможет нам помочь?

- Хирон мудрее любого из людей! - важно и с гордостью сказал Ахилл, услышав Анин вопрос.

Он обязательно поможет.

- Благодарю, мальчик мой. Мне приятно знать, что ты, как и в детстве, безгранично веришь в меня, - промолвил, появившийся Хирон.

Вновь, неожиданно прозвучавший густой баритон, похожий на низкие ноты, издаваемые музыкантом на баяне или аккордеоне, поразил наших путешественников.

Кентавр подошел и по лошадиному, подогнув колени, улегся на траву рядом с гостями.

- Я слышал об этом, но в моей практике такое случается впервые. Вы сейчас не существуете, вас как бы нет. Нет вас и в прошлом. Ваше бытие отражается далеко в будущем. Настолько далеко, что я смог разглядеть только две светящиеся точки. Подожду полнолуния, когда легче всего концентрируются энергии. Я могу полюбопытствовать? Кто вы и откуда?

- Вот поэтому Ахилл с Пелем и посоветовали нам обратиться к тебе, - поднимаясь, сказала Аня, - ничего не надо перепроверять. Дело в том, что мы действительно родились и живем в далеком будущем. А точнее спустя тридцать два столетия, если вести счет с этого момента. Я знаю, что здесь еще не существует письменности, но надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю?

- Да, я знаком со счетом и письменностью. На Крите все это уже было до землетрясения. Я слушаю тебя.

И девушка вновь поведала свою историю с самого начала. Пока Аня вела рассказ, Хирон все больше и больше хмурился.

- А где медальон?

- Вот он.

- Я так и думал, - сказал кентавр, рассматривая реликвию, - это очень древняя, магическая вещь. Она отяжелела душами, - задумчиво молвил он, многими душами.

- Я не понимаю, - сказала Аня удивленно, - как это отяжелеть душами?

И Хирон рассказал слушателям историю о своем народе:

- Нас - кентавров, с давних пор называли детьми солнца. По древней легенде наш народ пришел на эту землю со стороны Солнца. Люди тогда жили полудикими племенами и ничего не умели делать. Одевались в шкуры животных, пользовались каменными орудиями труда. Кентавры, а нас и тогда

было немного, поселились на Крите, облюбовав этот удивительный остров. Мой народ научил людей ткать и шить одежду, плавить металл, изготавливать орудия труда. А еще позже научили людей письменности, стали обучать разным наукам, доступным в те времена для человеческого понимания. Люди на Крите стали строить дома в два, три этажа. Вы, конечно же, слышали историю о Минотавре? А ведь еще мой дед воспитывал и обучал Дедала. В свое время Дедал построил для Миноса в Кноссе величайший дворец-лабиринт. Дворец имел пять этажей, и несколько из них уходили под землю. Во дворце действовал водопровод, вентиляция и канализация.

- Да, да! Извините, что перебиваю, Хирон, - вступила в разговор Аня. - Но в 1900 году нашей эры английский ученый Эванс нашел кносский дворец. И ваши слова подтверждают все, что было обнаружено Эвансом. Правда, на раскопки ему потребовалось двадцать пять лет. Но извините меня пожалуйста. Продолжайте.

И Хирон, согласно кивнув, продолжил:

- Так вот, при дворце у Миноса жил сильнейший, по тем временам, маг по имени Абдерос. В лабиринте, в самом нижнем этаже под землей, у него была тайная лаборатория. В ней он занимался алхимией и колдовством. Абдерос мечтал о бессмертии и абсолютной власти. Этот золотой знак, что у вас, он создал при помощи алхимии и магии.

Мой дед, обладая ясновидением, был прекрасным звездочетом, мог проникать в чужие мысли, заглядывать в прошлое или будущее. Дед и передал мне свои знания. Он знал о делах Абдероса, но данной тайной я не владею. Мне не ведомо, каким образом мой дед все разузнал, ведь маг создал сильную защиту. Я только знаю, что дед не владел магией и не мог противостоять Абдеросу в его злодеяниях. И он так же рассказывал мне, что Минотавр был несчастнейшим созданием, заточенным в лабиринте. Он совершенно не был злым, как о том позже сложили легенды.

Представьте себе: каково это годами слоняться во мраке по узким пыльным проходам, ограничивающих свободу. И люди, слышавшие ужасные звуки, доносящиеся из лабиринта, что навели ужас, когда Минотавр ревел от тоски и горя, страшно пугались. Такая ситуация была на руку магу. Он обманул Миноса, сказав, что если Минотавр однажды вырвется, он всех погубит. Якобы он требует в пищу себе молодых непорочных людей. Вот тогда-то Минос, чтобы не губить свой народ, потребовал дань от правителя Афин за то, что тот убил его сыновей, когда они победили афиняев в спортивных состязаниях. Дань заключалась в следующем: каждые девять лет афиняне должны были присылать ему по семь юношей и семь девушек, которых

отдавали на растерзание Минотавру.

А ведь истинное имя Минотавра - Астерий, что означает «звездный». На самом же деле маг Абдерос, желая получить бессмертие, изготовленный знак, или как вы его называете медальон, омывал кровью юношей и девушек, которых сам же и убивал. Чтобы знак наполнился магической силой, дающей бессмертие и власть, он должен был, принося жертву злым силам, которым служил, убить определенное количество человек. Затем оставалось произнести заклинание.

Вы, видимо знаете по легенде, что Тесей убил несчастного Минотавра, встретив его в лабиринте. Минотавр обрадовался, увидев человека, и бросился к нему, как соскучившийся пес. Тесей не знал об этом и убил его, думая, что спасается сам и спасает других. Но, к сожалению, других он не спас, так как их заманил и убил маг.

Знак, что перед вами, еще не имеет силы бессмертия. Абдеросу не хватило крови одного человека, потому что Тесей выбрался из лабиринта при помощи клубка нитей, что дала ему дочь Миноса - Ариадна. Впрочем, для достижения своей мечты, маг с легкостью нашел бы недостающую жертву. Он не стал бы ждать новую дань с Афин, обошелся бы кем-то из Кносса. Но в ту ночь случилось сильнейшее землетрясение, уничтожившее Критскую цивилизацию. Никто более не мог читать надписи на забытом языке.

- А ты?

- Я постарался забыть его, чтобы никто не смог прочесть заклинание, если оно когда-нибудь будет найдено и попадет в руки людей. Люди должны жить столько, сколько им отмерено.

Хирон задумчиво помолчал и произнес:

- Я не знаю, кто тот маг, что забросил вас сюда, но я отыщу его в прошлом или будущем. Мне необходимо иметь от вас по небольшой пряди волос, - обратился он к Ане и Макс, - чтобы у меня была с вами связь, где бы вы не находились.

Друзья с готовностью позволили срезать у себя по небольшой прядке, и Аня спросила:

- Хирон, а я могу остаться с вами здесь на несколько дней и посмотреть, как вы работаете?

- Буду рад.

- Но, Энни, а где ты будешь спать? - разволновался Макс.

- Ты привези мой спальный мешок и одежду более удобную для работы.

- Как хочешь, - обиженно сказал Макс, но данный факт заметила только Аня.

Мужчины поднялись, собираясь отправиться в обратный путь.

- Макс, у меня в рюкзаке... - начала Аня.

- Эн, я все привезу, не волнуйся.

И Макс, поцеловав подругу в щеку, пошел за воинами.

- Можно мне осмотреть ваше жилье? - спроси-

Рисунок Олега ГОЛОВЧАКОВА

ла девушка, когда они с Хироном остались одни.
- Прощу...

Они вошли в довольно просторную пещеру, ступив на плотно утоптанную земляную пол. Пучки сухих трав и цветов, развешенных на стенах, источали тонкий аромат. В ответвлениях, ведущих к другим помещениям, к стенам скалы так же предусмотрительно были прикреплены факелы. У одной из стен стоял невысокий, но широкий деревянный стол. На столе возвышались глиняные блюда с фруктами. Хирон поджег один из факелов и осветил следующую пещеру. В дальнем углу располагалось большое ложе из свежесушеного сена, которое так же издавало приятный аромат сухих цветов и трав. В изголовье лежало свернутое одеяло из простого сукна. Пол возле ложа устланы шкуры животных. Напротив, у другой стены, был сложен из простых камней настоящий камин.

- Хирон, это же камин! — удивилась девушка.
- Да, он согревает меня в холодное время года.
- А где ты готовишь еду? Где у тебя посуда?
- Для кухонной утвари есть отдельное помещение. Есть и подвземелье, где я храню некоторые продукты.

- А кто тебе доставляет продукты? Фрукты и овощи растут вокруг твоего жилья — я сама видела.

- Пелей с Ахиллом заботятся обо мне. В свое время мне пришлось воспитывать Ахилла. Но фруктовые деревья я высадил здесь сам много лет назад. Когда я нашел эту пещеру и понял, что поселись здесь, я и позаботился о фруктовых саженцах.

- А почему ты не живешь во дворце с Пелеем?
- Как ты могла заметить, я выгляжу несколько иначе, чем люди. То, что удобно для ног и роста обычного человека, мне не всегда подходит. — Хирон вздохнул, — я астроном, и мне нравится жить в уединении. По ночам, когда все спят, я бодрствую.

- Твое ложе расположено на полу. А стены каменные. Ты не мерзнешь в холодное время года?
Кентавр улыбнулся:

- Для меня это ложе удобнее обычной вашей кровати. А Ахилл, когда воспитывался у меня, так же спал на подобном ложе.

- Скажи, Хирон, а кто была мать Ахилла? Ну, не богиня же морей Фетида — дочь морского царя Нерея, как о том гласят легенды, дошедшие до наших дней. Люди нашего времени очень образованы и не верят в олимпийских богов, считая, что это просто вымысел, легенды. Хирон, мне важно знать обо всем, что происходит в вашем веке. Для истории.

- Хранить секрет меня просил Пелей, но для человека из далекого будущего, пожалуй, скажу. Ведь ты не собираешься придать тайну огласке сейчас же?

- Что ты! Она уйдет со мной в будущее, если мне суждено будет вернуться обратно. Но потомки должны знать правду.

- Хорошо, — кивнул кентавр, — многое вымысел, но здесь кроется не моя тайна. Матерью Ахилла была Антигона — дочь Героя Эвритиона. Так уж случилось, по воле богов, что Пелей однажды на охоте убил своего друга Эвритиона. Это случилось не намеренно, и ему пришлось некоторое время скрываться, родственники Эвритиона были разгневаны. Но юные Пелей и Антигона любили друг друга и тайно встречались. Антигона забеременела и обо всем поведала матери. Пелей покаялся, что на охоте все вышло случайно. Родственники все еще были в гневе, но Антигона вскоре родила прекрасного мальчика и умерла при родах. Фтии нужен был наследник, но старейшины города знали, что Пелей был изгнан, поэтому не признавали маленького Ахилла. Вот родные Антигоны и выдумали легенду о Пелее и Фетиде — проверить-то никто не мог. А если Ахилл — сын богины, то это считалось покровительством богов. И старейшины молчали, но несколько раз тайно они подсылали убийц к малышу, чтобы в дальнейшем выбрать правителя из своей среды.

Поэтому Ахилла отдали мне на воспитание. А сейчас, когда он стал сильнейшим воином Эллады, никто уж не посягнет на его жизнь.

- Но в легенде говорится о том, что Фетида заколала мальчика, опуская его то в огонь, то в реку Стикс.

- Поначалу мальчика растила кормилица, которая была замечена в колдовстве. Она-то и пыталась несколько раз убить Ахилла. Однажды ночью Пелей проснулся и увидел, что она хочет положить маленького Ахилла в огонь. Пелей выхватил у нее ребенка, а саму колдунью прогнал из дворца. Чтобы спасти ребенка, он отдал его мне

на воспитание. Я как-то составил гороскоп мальчику, и звезды открыли мне, что он будет величайшим из Героев Эллады, но умрет в расцвете лет. Многое сбывается. Он уже прославился своими подвигами.

- Это так. И в наше время, спустя три тысячелетия с лишним, люди земли, а не только Эллады, знают об Ахилле. Знают и о тебе Хирон. Только человечество предполагает, что ты вымышленный персонаж. Ведь кентавров на земле больше нет.

- Да, — грустно произнес он, — я последний из нашего рода.

- Хирон, а что случилось с твоим народом?

- Все кентавры погибли на Крите в то страшное землетрясение. Огромная волна смыла все живое с острова. Из жителей Крита мало кто остался в живых. Из моего народа уцелел лишь я и мой дед. Я тогда был молод и многому учился. Мы с дедом в ту ночь наблюдали за звездами, поднявшись на самую высокую гору острова, что почти не пострадала и осталась недосигаемой для грозной волны. Дед от горя и ран вскоре тоже скончался, а я, будучи молодым и сильным, через некоторое время поправился и перебрался сюда.

- А сколько тебе лет?
- По земному летоисчислению мне чуть больше четырех тысяч.

- Удивительно! Для земного жителя ты очень молодо выглядишь.

- Мой народ — дети солнца! — гордо повторил кентавр. — Наш жизненный век составляет около пяти тысяч лет.

- А Ахилл? По легендам мы знаем, что он горд, неукротим, тщеславен и даже жесток в бою. А я его вижу, как очень доброго, нежного и благородного юношу.

- Так то дома. А в бою он и должен быть гордым, сильным и беспощадным с врагом, иначе сам погибнет.

- А это, правда, что он неуязвим, и его тело закалялось особым образом?

И Аня рассказала, что знала по легенде об ахиллесовой пяте. Хирон улыбнулся.

- Его неуязвимость — это сила, ловкость, быстрота и умение владеть оружием. Я сам учил его воинским искусствам с детских лет. Он действительно обладает необычайной силой. Его щит и копье почти никто не может поднять.

- В легендах и об этом говорится. А ты знаешь, Хирон, что на земле примерно через восемьсот — восемьсот пятьдесят лет в Македонии родится человек, который силой покорит и завоеует большую половину известных в его время земель? Его имя — Александр Македонский. Он, так же как и Ахилл, один из самых знаменитых людей земли. И говорят, он является потомком Ахилла по материнской линии. Но это те данные, какими располагают наши историки, но проверить их никто не может.

- Эни, ты рассказывала про вашего ученого и упомянула что-то о вашей эре. Я правильно назвал? Что это слово значит?

- Если исходить с этого момента, то через тысячу двести лет на земле родится Спаситель. Родится он на иудейской земле на восток от Египта. Произведет его на свет дева по имени Мария, и назовется он — Сын Божий. С момента его рождения, начнется новое летоисчисление, и назовется оно наша эра. А все, что было до Рождества Спасителя, об этом времени будут говорить: «До нашей эры».

- Его так и будут называть Спаситель? Без имени?

- Имя его — Иисус Христос. Он будет учить людей законам Божиим.

- Да, конечно, ведь богов много, и у них разные законы. Только Зевс держит все в своих руках. Это его сын?

- Нет. Христос-Сын — он второе лицо Святой Троицы. А Святая Троица — это Отец-Вседержитель, Христос-Сын и Святой Дух — одно целое.

- Так Зевс же и есть вседержитель.
- Ваша религия утверждает, что Зевс живет на горе Олимп и повелевает молниями и громом. А Бог-Вседержитель сотворил весь мир, вместе со звездами, землей и жизнью на земле, со всеми громами и молниями. Он придет на землю, чтобы дать законы людям, по которым они должны жить. Он будет творить чудеса: исцелять больных и оживлять мертвых. Многие примут его и пойдут за ним. Но еще больше людей возненавидят его за чистоту и праведность. Ведь очень трудно жить по тем законам, которые он даст. Люди полюбят и умертвят Христа, распяв на кресте. На третий день Иисус Христос воскреснет, и будет являться только своим ученикам, и учить их. А затем вознесется на небо.

- Подожди, — остановил ее Хирон, — так он сын или отец?

- Отец, Сын и Святой Дух — единое целое, — пыталась объяснить Аня, — но на земле Его воплощение называют Сыном, потому что он родится от земной матери. Возьмем к примеру солнце — от него свет и тепло — три составляющие, но это одно целое. Так и здесь.

- А что потом?
- Его ученики пойдут по всей земле, в разные страны учить другие народы Слову Его. Кстати, Иисуса Христа в писании называют Словом, воплощенным на земле.

- Почему?
- Потому что он принес Слово Божье на землю для всего человечества. Греки, между прочим, одними из первых примут крещение и веру Христа.

- А почему Спаситель?
- Потому что через Его страдания на кресте, человеку дана была возможность очищаться от грехов. Верящие в него и исполняющие слово его, спасутся, когда наступит день Страшного Суда и Конец Света.

- А разве Конец Света наступит?
- Так написано в Священной книге — Библии, что объединяет Старый завет до Рождества и Новый завет, что дал сам Бог, воплотившийся на земле. Ведь ничто не бывает вечным в этом мире.

- У тебя на груди маленький крестик, а на нем человек...
- Да, это Иисус Христос. Все, кто верят в Него, носят такое распятие. А так же все, кто принял Святое Крещение — христиане.

- Почему?
- Христос подарил нам свой крест для защиты от злых сил.

- А что же боги Олимпа?
- Они так же созданы Вседержителем. Они прежде были Ангелами Света, но восстали против Создателя, и он низверг их. И если бы он не дал им власти на земле, они ничем бы не управляли. Я не хочу обидеть тебя в твоей вере, но последователи Христа говорят, что олимпийские боги — суть злые силы, принимающие образ богов и обманывающие людей. Со временем Христианская вера вытеснит ложных богов. Они имеют власть на земле до второго пришествия Спасителя. А человек имеет свободу выбора — за кем идти.

- Но как это можно доказать?
- Один из основных законов Бога — не убей. А боги Олимпа, мало того, что враждуют и сражаются между собой, так еще stalkивают в боях людей и убивают их. Они так развлекаются, ненавидя человечество в целом. Так могут поступать только низшие озлобленные существа — демоны. А Бог — есть Любовь.

- Очень любопытно и интересно все, что ты мне поведала. Я так же никому и никогда не должен открывать сию тайну?

- Это не тайна. Задолго до рождения Христа, о Нем говорили пророки.
- А знаешь, Аня, — вдруг назвал ее имя правильно Хирон, — боги Олимпа — не мои боги. Я, как и мой дед, следую только науке.

- А как ты узнал правильное произношение моего настоящего имени?
- Я заглянул в тебя и увидел твою маму.

Они еще долго вели беседу, пока не появились Макс и Ахилл. Девушка радостно побежала на встречу другу, но, смутившись, смотрящего на нее Ахилла, остановилась.

- Как вы здесь? — спросил ее друг.
- Отлично.

- Да. Мы с Эни провели интересную, увлекательную беседу. Надеюсь, у нас найдется еще много тем, которые мы обсудим, — ответил Хирон.

- Эни, я привез все наши вещи, мы с Ахиллом решили остаться так же здесь.

- Ура! Здорово, Макс! — захолопала Аня в ладоши, рассмешив тем мужчин.

Расположившись на лужайке, друзья решили приготовить ужин. Собрали хворост для костра, чтобы зажарить дичь, которую Ахилл подстрелил из лука, направляясь сюда.

- Дай-ка мне кремень, — попросил Хирон Ахилла, собираясь разжечь костер.

- Не надо, — сказала Аня, — вот зажигалка.

Макс поднес ее к сухому селу, положенному в костер для растопки и чиркнул колесиком. Появившийся язычок пламени, привел в изумление Ахилла.

- Чудо! Вы, случайно, не дети Зевса? — спросил он удивленно.

- Нет, мы не его дети, — улыбнулся Макс, — ты так же можешь совершить это чудо, если сделаешь

вот так...

Ахилл осторожно взял зажигалку из рук Макса и чиркнул колесиком, чуть было, не отбросив зажигалку в сторону, когда появилось пламя. Пока костер разгорался, Ахилл с Хироном поочередно извлекали пламя из маленькой диковинной вещи, пока не удовлетворили свое любопытство. Макс объяснил принцип работы зажигалки.

- Так значит, в ней находится такой же кремень, как и наш?

- Вот именно. Только очень маленький. Со временем кремень сотрется и газ закончится, а зажигалка перестанет функционировать.

- Фунс... что делать?
- Функционировать. Имеется в виду — работать, гореть.

- Зачем же затрачивали столько труда, если она будет не нужна?

- Зажигалки у нас продаются на каждом шагу и очень дешевые, — попытался объяснить Макс, — они розовые. Поэтому, когда одна зажигалка выходит из строя, ее выбрасывают и берут другую.

- Как можно обижать мастера, пренебрегая таким чудесным изделием?

- Мастер сам так придумал. Зажигалки бывают и дорогие, длительного использования, но это мелочь. В нашем веке много других более важных вещей.

- Расскажи, — попросил Хирон.
Макс достал из своей сумки мобильный телефон и включил. Заиграла мелодичная музыка и появилась стартовая анимация.

- Какой удивительный музыкальный инструмент! — восхитился Ахилл. — И какая дивная мелодия!

- Это не музыкальный инструмент, а телефон. С помощью таких аппаратов люди могут общаться друг с другом, где бы они не находились. К примеру, если бы у твоего отца, Ахилл, была такая трубка, мы могли бы с ним поговорить сейчас.

- А почему ты не можешь поговорить с кем-то из своих? У них же там есть такие трубки?

- Мне бы очень хотелось, но связь между временами невозможна.

- А как происходит, что люди могут слышать друг друга в такую маленькую коробочку?

Неожиданно ответил Хирон:
- Когда ты бросал в воду камень, то замечал, как по воде расходятся волны? Или когда распад ударяет по струнам кифары, ты видел, как они дрожат? Что-то похожее происходит и с воздухом, когда мы говорим. По всей видимости, — Хирон взглянул на Макса, — люди научились при помощи таких коробочек улавливать голоса.

Макс и Аня открыли рты от удивления.

- Откуда ты знаешь об этом? — Спросил Макс.
- Я же вам рассказывал, что мои предки — дети солнца, и многие науки известны нам. А мой дед посвятил меня в те науки, что знал сам.

- Получается, вы дети какой-то исчезнувшей цивилизации?

Кентавр печально улыбнулся и продолжил:
- Я не хотел говорить, но раз человечество достигло невероятных высот в знаниях, открою и сей секрет моего народа.

Наш народ был рожден и обитал, мирно соседствуя с людьми, на другом чудесном континенте, что находился в океане к северо-западу отсюда. Наша высокая цивилизация достигла пика своего развития. Несколько тысяч лет тому назад люди, которых мы всему обучили, стали злоупотреблять магией и знаниями во вред природе. Мои предки предупреждали людей, что континент может погибнуть. Но люди не хотели нас слышать. Часть моего народа оставила тот континент и переселилась на Крит с некоторыми благоразумными людьми, которые потом стали прародителями египтян и фараонов.

- Предки египтян? — воскликнула Аня. — Атланты? Так вот почему в Египте установилось поклонение солнцу и животным? Твой народ — дети солнца? И вы сами... — Аня на мгновение замаялась, обдумывая фразу, чтобы не обидеть кентавра, — являетесь собой единение человека и животного. Выходит: этим континентом была Атлантида?

- Вы и об этом знаете? — удивился Хирон.

- Да, но совсем немного. Знания почти полностью утрачены. Люди ищут ответы на многие вопросы, связанные с Атлантидой. Например: где находился континент, и по каким причинам затонул?

- Я еще не был тогда рожден. А многие знания ушли с моим народом, погибшим на Крите. Я лишь хочу попросить вас передать всему человечеству в своем времени: будьте осторожны в знаниях! И берегите Землю — она очень уязвима и хрупка.

г. Новокузнецк.

Николай Ничик родился в селе Пустовойтка Сумской области. Среднюю школу закончил в соседнем селе Волковцы.

В начале 80-х годов, при переезде на постоянное местожительство в Кузбасс, два десятилетия трудился на угледобывающих предприятиях Новокузнецка. Рассказы и очерково-публицистические материалы публиковались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Московский Парнас», «Огни Кузбасса», газетах «Литературная Россия», «Литературная Украина» и др. Член Союза писателей России. Удостоен областных и ведомственных наград. Живёт в Новокузнецке.

Николай НИЧИК

Писака

Ещё возле клетки в надшахтном здании, когда ночная смена поднялась на-гора, а утренняя не успела спуститься в шахту, Игорь Крылов заметил своего сменщика Николеньку, который осторожно с ручной лебедкой на плече обходил площадку с плахой. Лицо у него было до неузнаваемости черно от угольной пыли. Полностью расстегнутая куртка, несмотря на сырость и сильную струю холодного воздуха, говорили о том, что ночью он крепко поработал. Да в этом можно было и не сомневаться: Михаил никогда не любил сачковать. Когда Николеньку уже стал было подходить к двери, у стопоров услышал насмешливый голос Крылова:

- Там, Миша, тебя в ламповой ждёт письмо! - И через несколько секунд: - Напомни девочкам, а то могут и забыть.

Михаил сбросил с плеч нелёгкую кормилицу, повернулся в сторону ствола. По выражению его лица можно было определить, что он хотел ответить шутнику, но не успел: клеть уже поехала вниз.

За последние месяцы Михаил похудел. Осунился так, что кроме глаз и носа с горбинкой, всё, казалось, в нём изменилось: стал стройнее и выше ростом. И, несмотря на то, что был уже конец зимы, его лицо почти полностью сохранило загар сибирского лета. Если бы те, кто знал его раньше, увидели впервые, то могли бы подумать, что он недавно вернулся с Канарских островов.

Конечно, чтобы не повстречаться с этим высокочкой, можно было попозже подойти к стволу. Но тогда потеряешь, как минимум, минут десять. Оно-то и время не ахти какое, но первая клеть всегда есть первая. Раньше других успеешь забежать в ламповую разрядиться, без шума раздеться, у банщицы выбрать сухое полотенце с приличным куском мыла и - главное - в первую партию попасть в парную. Если вся эта цепочка нигде не разорвётся, то и успеешь домой соответственно первой электричкой.

Хотя Михаил и понимал, что эти тридцать сэкономленных в спешке минут ничего, собственно, ему и не дают, но никак уже не мог отказаться от годами выработанной в шахте привычки постоянно куда-то торопиться. Всё получалось как бы автоматически: горняки торопятся, и он вместе с ними.

Ему вспомнилась утренняя электричка, сперва давка, а потом, когда все расселись, тишина, среди которой слышался детский голосок: «Ну, скажи, скажи, почему ты - дед-одиночка?». Обращаться было неудобно, он только прислушался. «Потому, что у нас бабушки нет, ты же знаешь», - негромко ответил глухой болезненный голос. «А мама - мать-одиночка, потому что её отца нет?», - не отставал малыш. «Да нет же, - терпеливо говорил мужчина, совсем понизив голос и как бы призывая к этому и малыша тоже. - Отец у неё есть, я её отец, ты же знаешь...» И малыш чуть не закричал: «А, мужа у неё нет, понял, понял!» Слышно было как мужчина вздохнул: «Смотрел бы ты лучше в окошко, а?» Куда там!.. В голосе у маленького слышалась радость открытия: «Ты - дед-одиночка, а я - внук-одиночка?... Или одиночка-сын... ну, кто я?» «Смотри, смотри, какая машина проехала!» - чуть не закричал дедушка малыша.

Когда выходили, Михаил попытался их обогнать, чтобы потом приотстать и незаметно разглядеть и деда, и внука... Кто такие? Идут со

сменой... Вдвоём. И голос у деда вроде бы знакомый, да и лицо, лицо...

Отчего-то он целый день мысленно возвращался к печальному разговору старого с малышом: стояла за ним тихая, но настойчивая печаль - никак не хотела отпустить сердце. Сейчас вот вспомнил опять...

Он хотел уже было снова взять на плечо лебедку, которую одни горняки почему-то называют сучкой, другие - тягалкой, как услышал стук железа, а потом один протяжный сигнал, напоминающий звонок в квартиру. Смена уже в шахте, и стволовой дал сигнал «стоп».

В это время медленно и с треском на две половины раскрылись двери шахтного здания, и сильная струя, подхватив с бетонного пола остатки разбросанной инертной пыли, понеслась прямо на Михаила. Сначала он хотел было подождать, пока выйдут ребята, чтобы потом выбраться одному и потихоньку от постороннего глаза, взять рядом со зданием, в куче песка, ключ от каптёрки и положить туда инструмент. Но этой пыли, за смену в шахте, он столько наглотался, что уже не было желания ждать, и направился следом за горняками. Увидит кто-нибудь или нет - какая уж теперь разница: ключ в конце недели всё равно надо будет заносить в раскомандировку. А потом, уже после выходных, искать новое место.

Уже в ламповой, просовывая в окошечко самоспасатель с фонариком, он увидел над своей ячейкой приколотую белую бумажку.

«Опять, наверное, вызывают на «ковёр» к директору» - подумалось Михаилу. И ошибся не намного. На этот раз, рукой сотрудницы Татьяны Гореловой, было написано, чтобы сразу же, после ламповой, в грязном, зайти в шахтком. Однажды его уже так вызывали.

За десять минут отчитали за то, что без согласования с администрацией напечатал в городской газете отчёт с профсоюзной конференции. Привёл много критических высказываний шахтёров. И предложили рабкору - в дальнейшем, написанное обязательно показывать начальству.

После этой беседы было много публикаций в газетах. В том числе и критических. Если раньше пытались открыто как-то приструнить «писака», то потом, как показалось многим, махнули на него рукой.

Но на самом деле было не так. Чувствовалось скрытое давление начальника участка, его подхалимов. Да и те горняки, кто трудился с ним в одном звене, стали замечать в «краушке» поменьше зарплату, хотя и выполняли одну и ту же работу. Аргумент был один: как собственно не выполняются сменный наряд - в вот вам и выставляется пониженный КТУ. Если с заданием справлялись в аккурат, находили другую причину: поздний спуск в шахту или ранний выход, ставили в вину аварийность оборудования. А у проходчиков, как известно, редко бывает такая смена, чтобы что-нибудь да не сломалось. Кроме комбайна, пускателей и прочего электрооборудования «висит» ещё пять-шесть (это в самом лучшем случае) конвейеров.

А за ними нужен глаз да глаз. Чуть прозевал или отошёл в сторону, может по закону подлости в эту минуту расстегнуться или лопнуть «щёчка» на приводе, может разорвать «лягушку». Хорошо, если привода будут настроены на автоматический режим работы. Чуть какая-нибудь поломка - сразу остановится вся цепочка. А если на ручном - скачет цепи. Ещё полбеда, если они где-нибудь застрянут и их можно найти на следующем приво-

де. А если они по цепочке «уедут» дальше к бункеру... «Своему» человеку это может проститься. Неугодного - накажут рублём.

А потом часто, особенно перед закрытием месячных нарядов, можно среди горняков слышать, что, мол, начальник как-то проговорился мастеру или бригадиру: не видать вам, ребята, больших денег до тех пор, пока на участке «писака» работает. Кое-кто, конечно, понимает Михаила и как бы даже поддерживает... Другое - косятся. А причин «срезать» зарплату можно найти сколько угодно. Самая распространённая из них - забраковать метры пройденной горной выработки.

«Нет, уж сегодня вы меня не проведёте вокруг пальца!» - окончательно решил Николеньку и направился раздеваться в контейнерную.

В шахтком за длинным столом, кроме профсоюзных работников, сидело несколько конторских управленцев, начальник участка Валерий Тупов и две незнакомые женщины.

Ещё с порога председатель Иван Ришин представил вошедшего. Потом, сославшись на занятость гостей, предложил сразу приступить к делу. О чём должна идти речь, можно безошибочно определить: перед многими на столе лежал недавний номер газеты со статьёй «Поверхностные» горняки». Незнакомые женщины были, конечно, проверяющие. Но кто они и откуда? - мучило Михаила. Если это работники объединения, то заседание и проверка фактов будут построены как обычно, так: корреспондента обязательно обвинят в необъективности, неточности приведённых фактов, предвзятом освещении проблемы. По заранее разработанному сценарию один из присутствующих назовёт автора клеветником. Остальные единогласно его поддержат. Может тут же сразу быть прочитано и опровержение, которое потом в нескольких экземплярах, кроме редакции газеты, разошлётся в разные вышестоящие инстанции с просьбой не печатать «писак» и с угрозой подать на него в суд.

- Чтобы не терять попусту время, - продолжал Иван Юрьевич, - начнём с главного: собрался чтобы обсудить публикацию Николеньку. Присутствующие с ней уже ознакомились. Некоторые в статье факты заинтересовали работников облсопрофа и специалистов управления социального обеспечения. Они здесь присутствуют.

Обе незнакомые женщины, которые сидели напротив друг друга на первых стульях перед столом председательствующего, почти одновременно повернулись. Та, которая была постарше, почти пенсионерка по возрасту, с ног до головы осмотрела Михаила, хотела было что-то спросить, но воздержалась. Видимо, чтобы не забыть, сделала какую-то пометку в записной книжке. Вторая была помоложе, и по выражению её лица угадывалось, что до полного безразличия ко всему на свете не дожила - смотрела на Михаила не только с интересом, но как бы даже с некоторым поощрением.

Стоит ли от комиссии чего-нибудь существенного ожидать - пока тяжело судить. А вдруг проверяющих уже успели «купить» за импортные тряпки или японскую технику? Когда он писал статью, то сочувствующие ребята говорили: «Давай, Михаил, давай, а мы всё подтвердим!» Но этих ребят нет на этом собрании. Да и никто из них о нём и не знал. И где их в случае необходимости искать?

Одни ушли на смену в шахту, другие - на выходном, третьи - в отпуске. Кое-кого, возможно, смогут и отговорить, пообещав присвоить повыше разряд, дать вне очереди легковушку, выдлить летом семейную путёвку на Средиземноморское побережье...

Ещё одна сомнительная мысль преследовала Михаила: не должны же проверяющие приехать так неожиданно. Сначала областные начальники созваниваются с городскими, те ставят в известность о своём прибытии тех, кто рангом пониже... Ведь если проводится какая-нибудь конференция или собрание, то заранее, за несколько дней, чуть ли не под роспись напоминают о мероприятии, у фойе на доске уж обязательно вывешивается соответствующее объявление. А тут...

- В своей статье вы пишете, - начала пожилая женщина, - о безнаказанных машинациях. О том, что по штатному расписанию на нашем участке нет рабочих поверхностных профессий, все подземные...

- И откуда ему об этом знать! - завертелась на стуле кадровичка Панина.

- Если пишу, то знаю! - вскинулся Михаил. - Уже несколько раз об этом говорил, но сдвигов никаких. Посмотрите: каждый день несколько постоянных горнорабочих вместо того, чтобы спускаться в шахту, почему-то остаются на-гора...

- И что они там делают? - спросила всё та же женщина.

- Не знаю, - ответил Николеньку. - В это время я в шахте нахожусь. Говорят, что сваркой, каким-то ремонтом, ещё чем-то...

- Я просмотрела книгу нарядов и нигде не нашла запись о работах на поверхности, - обрвалась та же проверяющая то ли к председателю шахткома, то ли к начальнику участка.

Те молчали.

- Вот я и хочу вас спросить, - пошёл в атаку Михаил, - почему эти люди, не спускаясь годами в шахту, получают зарплату значительно выше, чем у подземников, хотя работают также шестичасовую смену. Да ещё и на поверхности!

- Ну, это уж совсем! - возмущался Тупов, - Те люди, о ком говорит Михаил, высококвалифицированные специалисты. Они ведут сварку в шахте только тогда, когда у всех выходной. По сути их никто и не видит...

- А вы можете сейчас показать наряд-допуск на ведение таких опасных работ? И разве каждый день в шахте ведётся сварка? - всё так же спрашивала эта женщина.

Тупов замаялся. Вместо ответа качнул отрицательно головой.

«Проверяющие, видать, искушённые» - сделал вывод Михаил. И, чтобы ничто не помешало выговориться, продолжил:

- Заработав таким образом пенсию, они и далее нагоняют себе подземку. Для этого они «заряжаются» в ламповой, чтобы в табеле поставили «упряжку»: трудился мол под землёй... Попробуй докопаться! Я понимаю.

Михаила никто не перебивал, и он, как стихотворенье, рассказал о том что почти у всех этих спецов жёны или родственники работают на базах, в торговле, общепите. Не стесняясь, начальнику прямо в раскомандировке на наряде, приносят пакеты курей. Что эти люди в рабочее время понастроили не по одной даче начальником. Тех неугодных, кто прямо в глаза может сказать правду, пытаются преследованием выжить с участка.

- А вас преследовали? - спросила женщина помоложе после того, когда все, кто хотел, высказался по «поверхностным» горнякам.

- И очень... вяло ответил Михаил.

Он вдруг почувствовал усталость - не так от ночной смены, как от этого, почти уже часового заседания шахткома. Можно было бы не собирать весь этот президиум, а пригласить только тех, кто имеет хоть какое-то отношение к беседе. Правильней было бы до начала заседания комиссии посмотреть на тех горняков прямо в мастерской. Они бы куда не разбежались. Но кто из шахтного начальства предложит такой вариант? Понятно, никто.

- Вы свободны, Николеньку!

Он кивнул и кинулся к двери... Выиграл или проиграл?

Разве, в самом деле, не обидно ребятам, когда идёт эта бесконечная мушкетёрка - как раньше, так и теперь, теперь, может, ещё больше... И, может, кое-кому из «белой кости», у кого не хватает подземного стажа, придётся наконец спуститься в забой, да хоть понюхать чем пахнет уголёк. Пылью подышать. Почувствовать, как тебя, мокрого как мыш, пронизит вдруг до костей острая струя холодного воздуха, как ноют после холодных резиновых сапог ноги, как спина разламывается. Он-то, Михаил, слишком хорошо это знает, слишком хорошо - всё!

Он уже прикрывал дверь, осталась щёлка, когда в шахткомовском кабинете раздался срывающийся крик кадровички: «Хорошо, хорошо, у этого писака души нет, но у вас-то она, может есть? Господа... товарищи... или как? Ну, помоги, предположим, одному несчастному: тут ему и кличку дали: дед-одиночка. Когда-то у него жена тут работала, в ламповой, потом с одним «артистом» сбежала, из наших тоже, девочку у него на руках оставила, а потом, через пять лет тот до смерти избил её - вернулась к этому помирать. Он с другой шахты, был в аварии, чуть до нуля дело не дошло, кое-как отходили, но там помочь отказались, не люди, а...

Михаил медленно додавил дверь.

Так медленно...

г. Новокузнецк.

Владимир НЕУНЫВАХИН

«Байки у
охотничьего
костра», из книги «На
утренней зорьке»

Умирая, он плакал

Мало кто, из собравшихся у нашего охотничьего костра, помнил Великую Отечественную войну, больше помнили разруху, холод и голод послевоенного лихолетья. И всё же она тяжёлым катком прокатилась по судьбам даже тех, кто родился в конце войны или вскоре после её окончания.

Как-то зашёл разговор о том тяжёлом времени, и один из моих собратьев по охотничьим тропам рассказал историю своего детства, во многом схожего с детством поколения сороковых годов:

— Родился я в апреле сорокового в деревенской семье, седьмым по счёту, — начал он свой рассказ. — Считаю, через год начался война. И сразу же, буквально на второй месяц, забрали на войну отца и двух старших братьев, которым было чуть больше двадцати. Все трое погибли в первых же боях. Только старший брат умер в госпитале от полученных ран.

В нашей деревне, в каждой семье кто-нибудь да погиб на фронте, а всего не вернулось с войны почти двести человек. У одной нашей деревенской женщины, у которой было семеро ушедших на фронт сыновей, погибли все семь. Она всё ждала, ждала... так и не дождалась ни одного. На руках у моей матери, считай, без кормильца остались пятеро детей: мал, мала меньше. Голодали — не то слово. На мякине и картошке росли, часто ложились спать с пустыми животами. Закончилась война стали возвращаться в деревню те, кто жив остался. И в какие семьи вернулись отец или старшие братья, вскоре начали обживать: коровами обзавелись, хлеб на столе появился. Их дети с нами, вечно голодными, оборванцами общаться перестали. Больно и обидно было, будто мы в чём-то виноваты.

В сорок шестом, когда мне было шесть лет, умер старший брат, которому шёл восемнадцатый год. Я тогда сильно болел от истощения, а брат уже работал механизатором в тракторной бригаде, помогал ремонтировать технику, ему уже доверяли пахать пашню. В тот год наша семья сильно голодала. Картошка не уродилась, сдохла корова, наверное не выдержала, мы же на ней пахали, ездили в лес за дровами. Брат за работу получал паёк хлеба. Сам не съедал, приносил домой, подкармливал нас — младших. А сколько там — на один жевок. И, всё равно, эти кусочки были для нас лакомством.

Как-то на конном дворе старый мерин ногу сломал. Забили его на мясо и решили раздать механизаторам. Досталось не всем, не хватило и брату. Он попросил: «Дайте хоть кусочек. Самый маленький братишка болеет. Слабенький. Супу сварим, всё сытнее. Может, на поправку пойдёт». А над ним решили подшутить. Сын председателя заводилой был.

— Поднимешь тракторный мотор, — говорит, — целый килограмм получишь.

С превеликим трудом поднял брат этот мотор. Пришёл домой, принёс мясо и лёг на топчан.

— Я немного полежу, — говорит, — и пойду на работу.

Лёг и больше не встал. Сорвал все внутренности, через три дня умер. Когда он умер, дома я один был. Мать с сестрой были на покосе, а средний брат коров пас (был подпаском при колхозном стаде).

Перед смертью брат просил меня об одном: ни когда, ничего, ни у кого не просить, чтобы не смеялись. Господи, как он не хотел умирать! Так плакал... Уже умер, а слёзы по щекам всё текли и текли...

Родился в 1951 году в Ленинграде. Окончил пединститут в Новокузнецке. Работал учителем русского языка и литературы. Трудился фрезеровщиком, слесарем, лудильщиком, долгое время буровиком в геологоразведке и позднее корреспондентом городской газеты.

Валерий БЕРСЕНЕВ

Дитя

Звенели комары в распадке.
Струился сквозь июльский зной
На старой вырубке, не грядке —
Кедрач... в ладошку вышиной.
И, чтоб ему постель поправить,
О днях грядущих хлопоча,
Тавёжное высокотравье
Стояло возле кедрача.

Воробьиная ночь

Ах, возраст! Нам потерь его
Увидеть не дано.
В грозу приснилось дереву,
Что семечко оно.

Что ночью этой пламенной,
Как век назад, опять,
Его от ветки маминой
Стараются отнять.

Воздушное течение
Его трепало зло,
Но — словно облегчение
От этого пришло:

Вперед! И через рожицу
Помчалось в дальний край...
А ветки так полощутся,
Хоть ляг да помирай!

Орут скворцы растерянно
Под утро в мокрой мгле.
Сломанное дерево
Вершиной — на земле.

Дерево судьбы

Весна...вокруг веселый лес,
Дымит воясю листва,
В нагих проталинах небес
Клубится синева.
В них — светосные столбы

И птицы в тех столбах,
Но дремлет Дерево Судьбы
Без листьев на ветвях.
Сучки иссохшие грубы,
А с севера — вдвойне,
Не хочет Дерево Судьбы
Проснуться по весне.
И вот, взойдя на перевал,
Я вдруг сумел понять:
Я сам его не поливал.
К чему теперь вздыхать!

Звездпад

Луны латунный ковш
Густые черпал звезды
И пронесил сквозь ночь —
Неслышно, чуть дыша.
Но видел черный лес
И видел синий воздух,
Что капли светлые
Срываются с ковша!

Зима России

Опять на родине зима,
Морозом скованные воды,
Да наши крепости-дома —
Вот что осталось от свободы.
Мы стали стадом дикарей,
Но каждый стынет одиноко:
Попробуй, душу обогрей
В броне дверей, в решетках окон!
Деляги жмут последний сок
Да поуютней места ищут —
Под одеялом жрать кусок
С утра отобранный у нищих.
И, кажется, народ молчит...
Или надеется на милость?
Куда, в какой последний скит
Душа народная забилась?
Зевает время пастью гроба,
Но начиная с Покрова
Во тьме, во глубине сугробов —
Растет трава...

Дмитрий САУЙКАНЕН

Новокузнецанин. Поступал в Московский государственный Литинститут им. А.М. Горького, успешно окончил 1-й курс. Из-за финансовых трудностей перевелся в новокузнецкий пединститут. Призер региональных, всероссийских и областных литературных конкурсов.

Мой Новокузнецк

Люблю бродить по городу
В вечерней тишине,
Живу я в этом городе,
И он живёт во мне.
Новокузнецк, любимый мой —
Жемчужина души!
Я верю — ты всегда со мной,
В тревоге и в тиши.
Пусть есть на свете города
Красивей и пригоже,
Новокузнецк — он навсегда!
Он мне, в сто крат дороже!
Стальная поступь КМК
Ему составит славу,
И чугуна горящего река
Течёт превеличаво!
Могуч кузнецкий наш народ,
Велик и крепок тыл.
И сердца пламенный огонь
Нисколько не остыл!
Новокузнецку не страшны
Ни буря, ни аврал —
Он закалён в тылу войны,
Он крепок как металл!

Книга жизни

Что мы оставим на планете,
Когда придёт последний срок?

Чем в книге жизненной отметим
Мы свой единственный листок?
Что из поступков нас прославит,
А что позором заклеймит?
Всё это каждый сам расставит
И для себя всё сам решит.
Но коль своей судьбою править,
То важно знать, как дважды два:
Потом ошибок не исправит
И не вернёшь назад слова.
А потому, любите ближних,
Дарите им своё тепло,
Чтоб ваш листок

— из книги жизни

Не причинил кому-то зло.

Родное

Сижу в междурядье
скупающих лиц,
Листаю седые полотна страниц —
Мне шепчет на ухо
лукавый Хайям
О нравах, присущих
восточным краям.

Автобус, утюжа витой серпантин,
Поёт колыбельную шелеста шин.
Но взгляд за окно —
и затихнет Хайям:
Там куполом в небо
возносится храм...

Седых облаков вековая гряда
Щекочет тайком отраженье пруда,
За водною гладью —
семейство берёз,
Душистой травкою
пропах сенокос..

Сибирскому сердцу раднее своё,
Чем сказочный образ
заморских краёв.
И ноша в душе непомерно легка,
Когда меж ветвистых берёз —
облака...

Притча о вечной жизни

Издавна люди хотели узнать,
Как силу времени им обуздать,
И, несмотря на болезней
несметность,
Заполучить наконец-то
бессмертность.
Путь был тернист и
конечно же труден,
Десятилетиями мучились люди,
Но не закончена эта пьеса-
Тайны природы не сняли завесы.
Но вот достижения сложных наук
Избавили нас от горестных мук.

Есть у людей хоть капелька веры:
Только бы плоть
заменить полимером!
А разум, чтоб вышел
полный комплект,
Сменит искусственный интеллект.
Вот решена вековая дилемма:
Вечную жизнь нам
суют микросхемы,
Ведь существу
с металлическим торсом
Ну, ни к чему о смерти вопросы.
Но так ли прекрасны
эксперименты:
Стать существом
с конвейерной ленты.
Быть поколением нового века,
Синтезом робота и человека?
Нет!
Хоть всего я на свете не знаю,
Но без сомнения променяю
Вечность в облики механизма
Только на миг человеческой жизни,
Пусть быстротечной, н
о яркой, прекрасной!
Ежеминутно и ежечасно
Верить, надеяться, злиться, любить,
Каждой секундошкой дорожить,
Чувствовать радость
и даже ненастье...
Разве без этого мыслимо счастье?!

Родился в городе Прокопьевске в 1947 году. Большую часть своей жизни прожил в Новокузнецке, работал кузнецом в кузнечном цехе ОАО «ЗСМК». Литературным творчеством, поэзией, занимался всю свою сознательную жизнь, но по серьёзному, с 2000 года. За это время выпустил три сборника стихов.

Николай СКУДАРНОВ

С тобой, Сибирь

Я твой, Сибирь, и телом, и душой.
Люблю тебя, навеки буду твой.
Кого любить еще как не тебя,
И без тебя мне не прожить и дня.

Хрустит снежок и падает с перил.
Мороз, мороз – ох, что ты натворил,
Ты гладь озер сковал под толстый лед,
Но знай, весна, к нам, к каждому придёт.

Ты расцветёшь полями ясных дней,
И яблонь цвет пройдёт в душе мойей,
Оставив мне всей рожи тишину,
Люблю Сибирь, люблю тебя одну.

Пусть ночь пройдет за ней нагрет день.
Всегда с тобой, с тобою моя тень
А утром дверь весеннюю открыл,
«Моя Сибирь!» - я снова повторил.

Я твой, Сибирь, и телом и душой.
Люблю тебя, навеки буду твой,
Кого любить еще как не тебя,
И без тебя мне не прожить и дня.

Минута памяти.

Что скажет человек, не знавший боя?
Об этом не одна написана глава...
Лишь только помянуть, да выпить, стоя,
Пустыми чтобы не были слова.

Что скажет человек, не жив в окопах,
Когда в мороз ночами не продрог
И не тащил оружие в болотах,
Где нет проторенных дорог.

Когда друзей в походах боевых,
Он не терял на поле боя,
Когда снарядов рокот не утих,
Шел на врага, не дрогнув, стоя.

Когда вокруг земля огнем горела,
И каждый день менялись адреса,
Когда в ночи шальная пуля пела
И, вместо звезд, звала на небеса.

Что скажет человек, не знавший боя?
Об этом не одна написана глава.
Прошу вас помянуть, погибших, стоя,
Пустыми чтобы не были слова.

Мамины глаза

Покинут дом, покинут летний сад.
Родных ступенек не топтать ногами,
Но сердцем хочется вернуть назад
Огонь в печи и вербы над прудами.

Услышать снова, как в тиши вечерней,
Склоняясь, надо мною, тихо шепчет мать.
Ее пушистый, золотистый волос,
Касаясь нежно, помогал мне спать.

Сейчас живу в неволе своей сказки.
Средь суеты, высоких окон, крыш,
Без теплых рук, без материнской ласки,
Где хладный пол,
и тихо скребёт мышь.

Порою вижу, словно плачут тучи,
По тем холмам, где бегал босиком
И снегом порожат сыпучим,
На новый мой заброшенный балкон.

Я вижу дом, колодец в огороде,
С водой холодной, чистой, как слеза.
Я вижу снег, он белый - по природе,
Но мамыны не вижу я глаза.

Бегут в былые годы
Бегут, бегут в былые годы, дни.
Они и слез, и радости полны.
Мы в море волн с тобою не одни,
Узнали силу каждой той волны.

Туман полей рассыпал по дороге
Последних капель яркие лучи,
Осенний лист, как золото в берлоге,
Горит теплом измученной свечи.

Торопит время лед на повороте,
Косой, остывший берега отвес.
Вот-вот закружит синь водоворота
Фатою снежной праздника невест.

С утра расколет палево рассвета
Холодный взор усталого хребта.
В века идет от ветхого завета
Любовь, надежда, вера и мечта.

Бегут, бегут в былые годы, дни,
Проходит боль, когда приходят сны,
А мы с тобою в мире не одни,
Вдохнем порыв и запахи весны.

В сознание шагайте

Весна к нам вернулась нагая,
Бросая к ногам нам цветы,
И вместе мы с нею, шагая,
Свои вспоминаем мечты.

Эй, слуги слепые, ударим
По жирным почтовым счетам,
Нам вместе не быть мы же знаем
Ни в этом сознание, ни там.

Разделим унынье и радость,
По полкам разложим своим,
Вскипает от трения градус,
Ведь мазаны миром одним.

Но разные наши кормушки
И яблонь цветущих сады,
Чем выше там наши верхушки
Грызут наслаждаясь плоды.

Тяжелой страдаю година,
Семнадцатым занята власть,
Где строим проходит «Единая»
Там «Яблоку» негде упасть,

Но знайте, в глубоком ущелье
Где нашим страданьем легла,
Таится в горячем порыве,
В ущелье холодная мгла.

Вот осень вернулась, шагая,
И сбросила листья, цветы,
И в утренней зорьке, нагая,
Все спутала наши мечты.

Пётр СИНИЦЫН

Там, где сторевшие мосты,
Там, где истлевшие холсты,
Ветра и вешняя вода,
Там, где столбы и провода
Гудят, как будто в никуда,
За рубежом, за Рубиконом
Сталась брошенной икона...
И сквозь былые прорастая,
Клин журавлиный отлетает.

А там, где крижик жожака,
На самом острие «клинка»
Душа поэта – так легка...
Летят клоками облака.
А на земле – ни ветерка,
Ни солнца, ни дождинки...

Погост. Росы слезинки
И я с «поминками» в корзинке.

Деревенское

30 лет как в деревне я не был.
Там, где синее – синее небо,
Где быструшка – чистюля речка,
И где тёплая русская печка.
Где коврово-шелковы луга,
Где на пол горизонта тайга.
И над всем этим ра-ду-га!..
30 лет как я не был в деревне,
Где сажал первоклашкой деревья,
Где родился, учился и рос,
Где не думал о жизни всерьёз,
И где бегал босым меж берёз.
Знай, летит быстротечное время.
30 лет не бывал я в деревне,
Где бегут, как года, облака,
И кричат по-осеннему гуси,
Где про каждого мужичка
Бабы скажут: «Храни Иисусе!»
Там течёт омутковатый Чарыш
И, как водится, - гладь да тишь,
И порядок, краса, благодать,
И во всём перспективу видать.
30 лет как в деревне я не был.

И побыть, говорят, уже негде.
Где когда-то стояла деревня,
Нынче ямы с водой да деревья.
Вот и снится она мне, снится
Наша церковка – зерносклад
И над ней – голубей парад...
Снится тридешатю «заграницей»,
Там и детства, и юности клад...
30 лет как я не был в деревне.
Говорят, что и быть уже негде.

Над полями рос, над осинами
Русью разлилось небо синее –
Пораскинулось горизонт-зенит!..
Тут тебе и лось, и оса звенит,
Тут – и белочки, и – тетерочки,
Тут – и девочки, и – вечерочки...
И летят года – с горок саночки,
Поезда гудят полустаночком,
Где «звезда» растёт под ушаночкой.
И горит душа в телогреечке,
Вечность вороша на скамеечке.
В тихой банюшке тётки Марьиной
Там, где анюшкой пятки «жарили»,
Забывая снять даже валенки...
И где было знать им-то, «маленьким»,
Что полями рос, по осинникам
Русью разлилось небо синее!
То, что снилось им, но – Россиию!
Что раскинулось – горизонт – зенит,
Как вся Сибирь, аж в висках звенит...

Первая ласточка

В июле этого года в издательстве «Полиграфист», города Новокузнецка, увидела свет книга «КИПЕНИЕ КРОВИ», сотрудницы газеты-альманаха и главной моей помощницы Людмилы ТАНКОВОЙ.

В книгу вошли 14 прозаических произведений автора, с двумя из которых: «БАЗАРНЫЕ СУКИ» и «ВОДИЦЫ БЫ ИСПИТЬ», читатели «Л.Х.Г.А. «УСЯТСКАЯ РОССЫПЬ» знакомы, остальные еще нигде не публиковались. На мой взгляд, в своих рассказах автор выводит две основные темы человеческого общества: темы добра и зла. В некоторых произведениях присутствует и то, и другое, но с некоторой долей иронии («МАРТЫШКА ПРИЯТНОГО ЦВЕТА», «КОТОВ-ТО НАМ И НЕХВАТАЛО», «ВОДИЦЫ БЫ ИСПИТЬ».

Зло в чистом виде показано в отрывке из повести «Входя в чужую душу» «КОГДА СУДЬБЕ УГОДНО», от осознания этого зла у нормальных людей закипает кровь от негодования. Рассказ же «КИПЕНИЕ КРОВИ», название которого легло и в название книги, является аллегорическим продолжением человеческого зла в наших ближних... волках (хищниках). При этом автор сознательно показывает людям, что в критические моменты своей жизни... звери, когда и в их жилах кровь начинает «кипеть», со своими обидчиками – себе подобными, поступают значительно благороднее, чем многие из нас, людей.

Тема добра и нормальных человеческих отношений, показана в рассказах: «МИЛО-

СТИНКА», «НЕЗАБУДКА», «ВОДА, ВОЗЬМИ МОИ ГОРЕСТИ И БОЛЕСТИ» в процессе прочтения которых, непроизвольно, на глазах появляются слёзы.

В общем, приятного вам чтения, уважаемые читатели.

Автору же, от лица сотрудников редакции альманаха, авторского коллектива, хочется передать самые тёплые поздравления в связи с выходом её первой книги, пожелать здоровья на многие лета и творческих успехов. Что бы из гнезда её «первой ласточки» в скором времени полетели не менее славные «птенцы», которых, мы – все ваши читатели, с нетерпением будем ждать.

Анатолий Гуляев,
редактор газеты-альманаха
«Усятская россыпь».